

ВЛАДИМИР КРЕПС и КЛИМЕНТИЙ МИНЦ

ВЛАДЫ ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТАНОВ

65

60

55

70

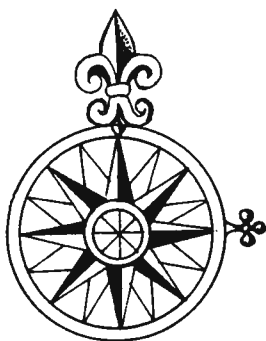
65

60

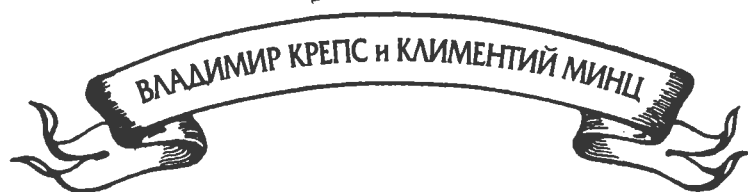
55

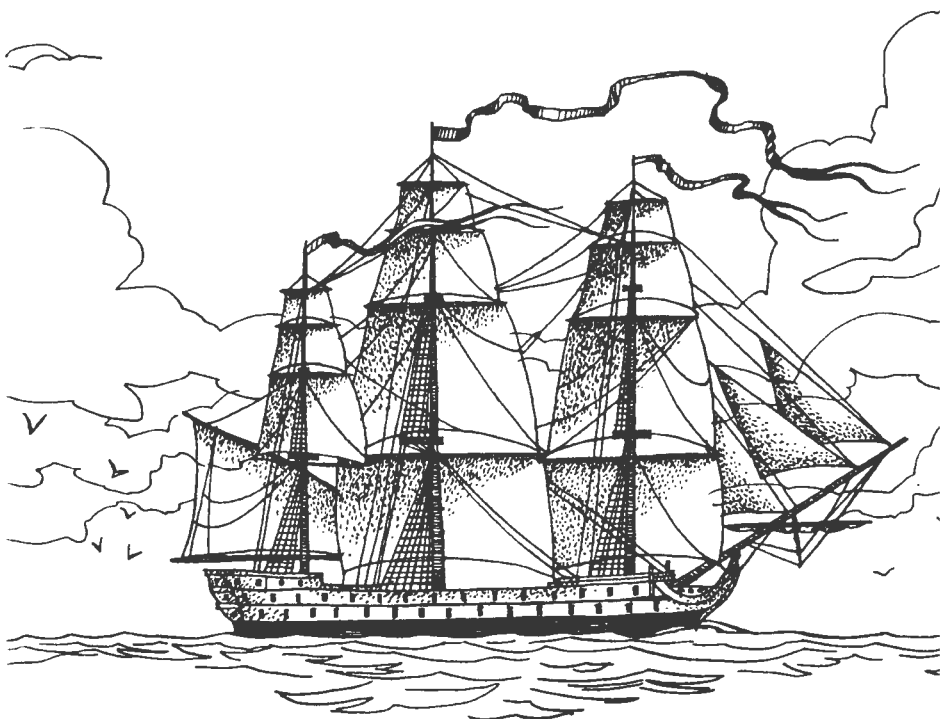
Москва
ЦЕНТРОЛИГРАФ
1997

Фантастическая история,
записанная гусиным пером
в клеенчатых тетрадах,
с приложением частной переписки
одного «городского воробья»
с конструктором планетоходов
серии ВВН

КАУБ
ЗНАМЕННЫХ
КАПИТАЛОВ

ББК 84.7Р
К79

Художник
ВЛАДИМИР ДОЛГОВ

ISBN 5-218-00349-2

- © Художественное оформление,
ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 1997 г.
- © ЗАО «Издательство «Центрполиграф», 1997 г.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

*Не видна волна в эфире,
Что кругом обходит свет,
Что звучала в целом мире
Тридцать зим и тридцать лет!
От Москвы до древней Трои
Вы могли добраться вмиг, —
Стародавние герои
Из любимых детских книг.*

*А теперь в поход идете,
Словно слились восемь рек
Вместе в общем переплете,
К пирсам всех библиотек.
И восьмерку капитанов,
Знаменитых моряков,
Переплывших океаны,
Победивших ураганы,
ПОЗДРАВЛЯЕТ — МИХАЛКОВ*

Дорогой Вася!

Не люблю я писать письма, но тут не могу удержаться... Случилось такое, что мне самому кажется, как будто это приснилось... Но я гляжу на три клеенчатые тетради... некоторые страницы размыты морской водой... Какой же это сон, если загадочные тетради лежат на столике у кровати... Ты помнишь, Вася, первый урок нового учителя географии Афанасия Петровича?.. Он не очень показался всему классу, да и географическому кружку «Алый вымпел»... Но вскоре, после твоего отъезда в Петродворец, к тетке, на каникулах все завертелось... Ребята разъехались кто в пионерский лагерь, кто на дачу... Нас осталось в Москве восемь человек «городских воробьев»... в том числе девочки Маруся и Наташа. И вот прибегает ко мне Наташа и зовет на срочное заседание «Алого вымпела»... И, представь себе, через сорок восемь часов ноль минут мы с рюкзаками за спиной берем старт к ледниковым озерам Подмосковья на автобусе до остановки Габо на Рогачевском шоссе, а дальше пешком по лесам к реке Мещерихе. Мы побывали на озерах Долгое, Круглое, Глубокое, но небывалая находка ожидала нас на

берегу Озера, чадок... Их там тысячи и тысячи... Оказывается, они весной, после зимовки в дельте Нила, прилетают в Подмосковье прямо из Египта... Это нам Афанасий Петрович рассказал!.. Вот здорово!.. Но не это самое удивительное... Перед вечерним костром мы разбрелись по лесу в надежде найти какие-нибудь следы дедникового периода... Я лично мечтал найти клык мамонти или хотя бы зубы доисторического ящера... Ничего не нашел и с пустыми руками бреду к привалу... Вдруг замечаю на коре старой ели вырезанный ножом знак — летящая стрела... Беру направление по стреле... выхожу на поляну и вижу дуб-великан, разбитый молнией... Ты не поверишь, Вася!.. В огромном дупле я нашел старинный сундучок, обитый позеленевшими медными полосами. Я его с трудом донес до наших палаток.... Что было у вечернего костра, я даже не могу описать... Афанасий Петрович осторожно вскрыл сундук... А в нем оказался целый клад... Кортик с позолоченным эфесом, морская треуголка с паломажем, корабельный компас в кожаном футляре, навигационная карта восемнадцатого века, малиновая феска с черной кисточкой, подзорная труба и зонтик из козьих шкур... А на самом дне лежал кусок старой парусины, в которую были завернуты три клеенчатые тетради... Это были вахтенные журналы Клуба знаменитых капитанов!.. Кому принадлежал та-

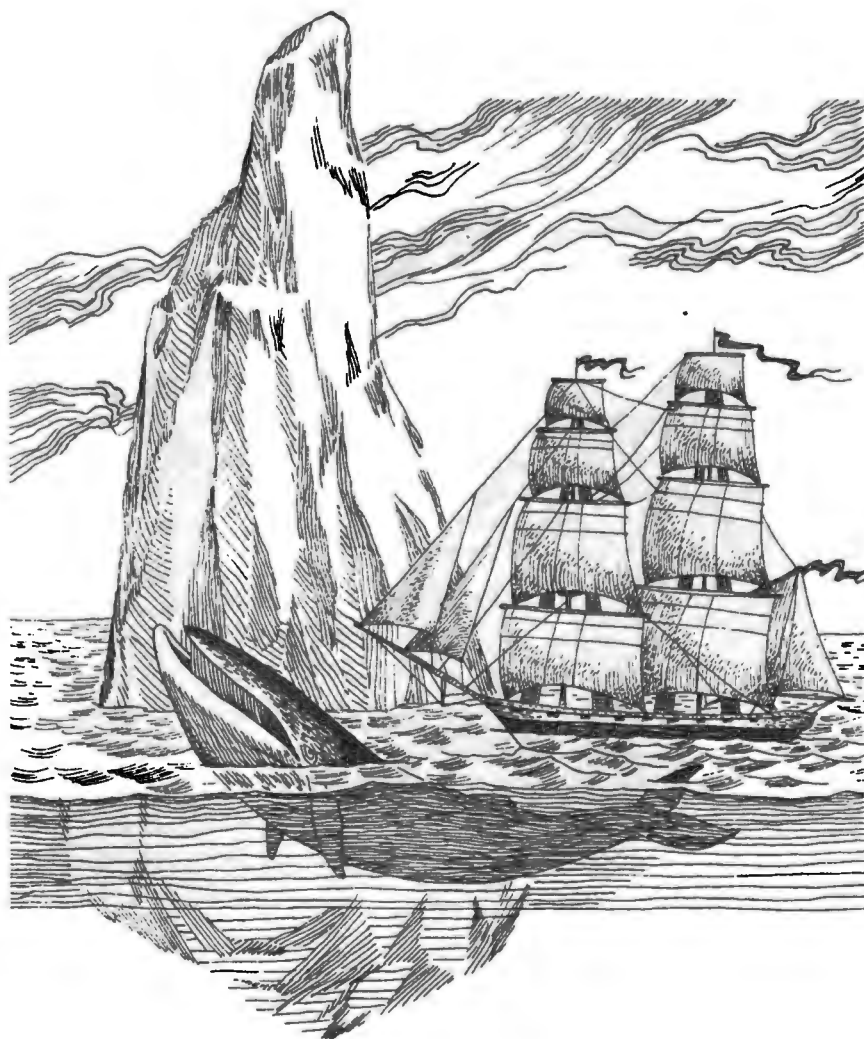
инструментальный сундук? Почему он оказался вблизи Озера чаек? Кто его там спрятал? Кто вел вахтенные журналы Клуба знаменитых капитанов? Никто ответить на эти вопросы не мог. Я понимаю, что ты мне не веришь, и для ясности высылаю тебе ценной бандеролью первую клеенчатую тетрадь под названием «Операция «Пилигрим»». Как только прочитаешь, сразу же отправляй обратно. Все тетради хранятся у меня, как старосты кружка «Алый вымпел», и Афанасий Петрович всегда может их спросить... А чтобы ты не подумал, что я сам все это сочинил... прилагаю фотографию места находки... Видишь дуб, разбитый молнией, а перед ним все наши ребята... В морской треуголке с плюмажем — это я. В подозрную трубу смотрит Тарас, Наташа напялила турецкую феску, Ваня вооружился кертником... А на загадочном сундучке сидит Афанасий Петрович с корабельным компасом на коленях. Ну, что, Вася, теперь веришь?!

Остаюсь твой друг и сосед по школьной парте

Сергея Березов

❁ ПЕРВАЯ
«ПЕРВАЯ»

Первая клеенчатая
тетрадь

В это очень трудно поверить. Однако это чистая правда. Клуб знаменитых капитанов проводил свои встречи в одной из школьных библиотек в районе порта Химки. Но лишь немногие знали день и час, когда капитаны сходили со страниц детских книг для новых путешествий и приключений.

Как всегда, заведующая библиотекой старенькая Мария Петровна ровно без пяти семь аккуратно уложила очки в футляр и вместе со своей шустрой помощницей Катюшей направилась к выходу. Щелкнул в дверях замок, и все стихло.

Теперь наше внимание было привлечено к стоячим бронзовым часам в футляре из красного дерева. Мы все ждали, когда часы пробьют семь ударов. Но время шло, а боя все не было слышно. Произошло событие, которое некоторым могло показаться маловероятным. Но оно произошло. И вообще надо заметить, что за последнее время наблюдается множество удивительных событий, которые находятся за гранью вероятного. Так что же все-таки случилось в библиотеке?

Какой-то смуглый, бородатый человек в черном камзоле с манжетами из розоватых брабантских кружев держал маятник часов крепкой жилистой рукой.

Легонько скрипнула нижняя дверца библиотечного шкафа, и оттуда показалась голова матроса, связанная цветным платком. Он хриплым шепотом обратился к бородатому:

— Капитан Негоро, что вы делаете с часами?

— Кто это говорит? — торопливо пробормотал Негоро, выхватывая из-за пояса пистолет. — Отвечай, если тебе дорога жизнь!

— Это я... Билл Аткинс из романа «Робинзон Крузо». Что вы затеяли, сеньор?

Португальский капитан недобро усмехнулся.

— Сегодня они хотели собраться в сотый раз. Но я решил положить этому конец!

Билл Аткинс выскочил из шкафа, стараясь не греметь оружием.

— Мой кинжал и мушкет к вашим услугам... — с готовностью заявил он. — Но только при одном условии — в первую очередь прикончить Робинзона Крузо. У меня с ним старые счеты по роману Даниэля Дефо.

Португалец одобрительно похлопал старого пирата по плечу:

— Успокойся, Билл. Знаменитые капитаны все разом пойдут ко дну. Именно сегодня! Я ручаюсь за успех.

И, склонившись к собеседнику, он поделился с ним сокровенными мыслями:

— Давно пора положить конец славе знаменитых капитанов. Ведь эти мореплаватели странствуют из века в век, из библиотеки в библиотеку, оставаясь героями и присваивая себе весь успех романов, а

между тем какую цену имел бы «Пятнадцатилетний капитан» без Негоро? Кто читал бы «Робинзона Крузо», если бы на страницах не действовал Билл Аткинс? Какой интерес представляли бы три или даже четыре мушкетера, если бы не интриги миледи, знаменитой отравительницы, бежавшей с каторги? У нее на плече даже выжжена лилия — так во Франции в королевские времена клеймили опасных преступников. С минуты на минуту она со своими людьми будет здесь. Миледи выразила горячее желание участвовать в этой операции. Ведь знаменитые капитаны — друзья ее смертельных врагов — мушкетеров! И без сомнения... — Но Негоро не договорил, так как на одной из книжных полок распахнулась книга — роман Александра Дюма «Три мушкетера». Сквозь торопливый шелест страниц послышались отдаленные выстрелы и звонкий топот конских копыт.

— Это она, — прошептал Негоро, не выпуская из рук маятник часов.

Захлопнув за собой тисненый переплет, появилась женщина в темном плаще и полумаске. Она испуганно огляделась по сторонам, как будто ожидая погони, затем облегченно вздохнула и сорвала маску.

Оба пирата недоуменно переглянулись. Вместо миледи они увидели задорное, миловидное личико ее камеристки — Кэтти.

— Джентльмены! Моя госпожа не может сейчас покинуть страницы романа, — прерывающимся голосом сообщила девушка. — За ней по пятам гонятся мушкетеры — Атос, Портос, Арамис и сам д'Артаньян! Миледи прибудет несколько позже, как только ей удастся ускользнуть при любезном содействии мсье Александра Дюма.

— Что же делать с часами? — пожал плечами Негоро.

— Госпожа приказала — пусть часы бьют семь, и капитаны соберутся в кают-компании, ни о чем не подозревая.

— Прекрасно! — торжествующе произнес Билл Аткинс. — Мы их захватим врасплох и, наконец, поднимем здесь свой черный флаг с черепом и скрещенными костями!

Португалец, немного поколебавшись, отпустил маятник. Часы мерно пробили семь. Негоро увлек за собой Аткинса и Кэтти в соседнюю комнату, где все трое притаились за стендами с книжными новинками.

С последним ударом часов медленно раскрылась лежавшая на столике библиотечарши книга Станюковича «Вокруг света на «Коршуне». Невидимая рука стала лихорадочно перелистывать страницы, пока не остановилась на красочной картинке, где был изображен капитан корвета на шканцах своего корабля.

И вдруг картинка ожила. Капитан покинул борт и очутился посреди библиотеки. Опустив подозрную трубу, он громко скомандовал:

— Тревога! Свистать всех наверх!

С книжных полок понеслись переливчатые трели боцманских дудок. Первым на их зов откликнулся Робинзон Крузо. Мешковатый костюм из козьих шкур и тяжелый мушкет не помешали ему лихо спрыгнуть с верхней полки. Почти одновременно с ним пятнадцатилетний капитан Дик Сэнд быстро спустился по канату, выброшенному из сверкающего переплета одного из томов собрания сочинений Жюль Верна.

В тот же момент распахнулся другой том — это был роман «Восемьдесят тысяч километров под во-

дой». С борта «Наутилуса» по парадному трапу сошел его прославленный капитан.

— В чем дело, Василий Федорович? — нетерпеливо спросил Немо.

— Меня озадачило одно таинственное письмо, — взволнованно ответил капитан корвета.

Робинзон Крузо набил табаком самодельную трубку и скептически произнес:

— Какие теперь тайны? Я понимаю, в те времена, когда волны выбросили меня на необитаемый остров... Клянусь своими сапогами из козьих шкур — обыкновенное письмо, а может быть, просто открытка.

Но спор не успел разгореться. Общее внимание привлекла книга «Приключения Гулливера» писателя Джонатана Свифта, раскрывшаяся на самой верхней полке. Огромная рука великанши со сверкающими перстнями поставила на круглый стол капитана Гулливера. Он вежливо поклонился и поцеловал кончик пальца своей могучей покровительницы.

— Примите несказанную благодарность за добрый прием в Стране великанов, моя любезная госпожа...

Из переплета раздался оглушительно-громкий женский голос:

— Ах, вы, наверное, говорите это каждой даме.

Великанша кокетливо взмахнула веером, и бедного Гулливера чуть не сдуло на пол. К счастью, его вовремя подхватил Робинзон.

Едва исчезла великанша, как ее недавний гость достал из жилетного кармана брегет-луковицу и с огорчением взглянул на циферблат:

— Достопочтенные капитаны, приношу глубочайшие извинения. Если не ошибаюсь, я несколько запоздал. Однако...

Больше он ничего не успел произнести — раздался гулкий выстрел. Знаменитые капитаны схватились за пистолеты.

Но тревога была напрасной. Просто с седьмой полки упал роман Альфонса Доде «Тартарен из Тараскона». Из-под корешка раскрытой книги выполз любимец всего Тараскона, навьюченный рюкзаками и саквояжами. Дымящееся ружье в руке придавало толстяку очень воинственный вид. Издали доносилось грозное рычание льва.

— Что с вами, Тартарен? — иронически улыбнулся Немо.

— Ах, медам и месье! Ничего особенного, — воскликнул Тартарен, скрывая испуг. — Небольшая охота на диких берберийских львов. Дайте воды. — И он в изнеможении опустил в кресло.

Дик Сэнд поднес ему стакан с водой. Отпив глоток, неустрашимый охотник за фуражками немного пришел в себя и скромно промолвил:

— Друзья мои, увлекательная вещь — охота на львов!

— Особенно когда львы в пустыне, а вы — в библиотеке, — заметил капитан корвета, не удержавшись от некоторого намека на сомнительность подвигов тарасконца.

— Но где любезный нашему сердцу Артур Грэй из феерии «Алые паруса»? — заметил Гулливер, поглядывая на книжные полки.

Из глубокого кресла, стоявшего в углу возле камина, поднялся высокий стройный красавец в морской тужурке... Он снял шляпу и сделал общий поклон.

— Капитаны, я прибыл в кают-компанию в одно время с любимцем Тараскона. Но вы знаете, что и мой автор Александр Грин, и я всегда избегали шума.

Я предпочел отдохнуть в удобном кресле после аврала на галиоте «Секрет».

— Но когда же вы огласите таинственное письмо? — с горячностью спросил пятнадцатилетний капитан, обращаясь к командиру «Коршуна».

— Надо подождать Мюнхгаузена, — лениво процедил Робинзон.

Немо вмешался в спор:

— Капитаны! Мы не можем ждать. А вдруг в загадочном письме морская тайна? Судьба корабля? Жизнь экипажа?

— Ждать Мюнхгаузена! — взорвался Дик Сэнд. — А если он снова улетел на Луну?

И командир «Коршуна» сдался.

— Вы правы, — произнес он, ударяя молоточком в настольный гонг. — Прошу занять места в кают-компании. Сотое заседание клуба считаю открытым. На повестке дня — письмо знаменитого капитана Синицына.

Дик Сэнд в полном недоумении отложил в сторону гусиное перо, так и не приступив к записи в вахтенном журнале.

— Я, правда, самый молодой среди вас, — сказал юноша, — но мне кажется, на Южных морях не было такого капитана.

Наступило молчание.

Робинзон, как бы выражая общее мнение, решительно произнес:

— Я более двухсот пятидесяти лет провел на книжных полках и заявляю: знаменитого капитана с такой фамилией не было! Клянусь всеми необитаемыми островами!

Немо иронически улыбнулся:

— Я бы не давал таких клятв, капитан Крузо. История морских путешествий еще не вся написана. И сколь-

ко есть забытых мореплавателей... Вот, например, всем известно, что морской путь на мою родину, в Индию, открыл португальский капитан Васко да Гама.

— Кто же этого не знает! — пожал плечами пятнадцатилетний капитан. — Мы все учили в школе, что Васко да Гама, обогнув мыс Доброй Надежды в тысяча четыреста девяносто восьмом году, прибыл в индийский порт Каликут и оповестил весь мир о своем открытии.

Юношу перебил спокойный голос Лемюэля Гулливера:

— Все это так, любезный Дик, но, видимо, капитан Немо хотел нам напомнить о русском путешественнике Афанасии Никитине. Этот отважный человек на четверть века раньше португальских кораблей прибыл в Индию, добравшись туда с Севера.

— Но Афанасий Никитин вовсе не забыт, — возразил командир «Наутилуса». — Его книга «Хождение за три моря» имеется в каждой библиотеке. Гораздо меньше посчастливилось китайскому мореплавателю Чжэн Хэ. Он опередил Васко да Гама на восемьдесят лет. Семь раз корабли Чжэн Хэ уходили в далекие моря. Вьетнам, Ява, Суматра, Индия, Цейлон, Иран, Аравия, Сомали встречали флотилию китайского адмирала. Он вел 62 корабля, плывших под цветными тростниковыми парусами. Самые большие корабли имели длину сто сорок метров, почти в семь раз превышая длину каравеллы Христофора Колумба «Санта Мария». На бортах кораблей находилось около двадцати восьми тысяч человек.

Лишь недавно были найдены памятные надписи, выгравированные Чжэн Хэ. Он писал: «Мы пересекли свыше 100 000 ли необозримых водных пространств и видели в океане огромные, как горы,

волны, которые вздымались к небесам, и в глазах наших был образ земель, скрытых в дальней туманной синеве; паруса же наши пышно распускались подобно тучам, и днем и ночью шли мы быстро, как звезды...»

— Гм... пардон, медам и месье, я как-то запамятовал... сколько это будет — сто тысяч ли? — скрывая свое смущение, спросил Тартарен.

— Могу вам ответить точно — это 57 000 километров, — сообщил тарасконцу Артур Грэй.

— Но почему же столь выдающийся мореплаватель был забыт? — в задумчивости спросил Робинзон.

— В этом повинны китайский император и его приближенные, — пояснил Немо. — После смерти Чжэн Хэ они стали уничтожать его карты, чтобы предать забвению его имя. Так воздвигалась невидимая китайская стена на море, чтобы скрыть Срединную империю от проникновения чужеземцев.

Наступило молчание. Робинзон неторопливо выколачивал свою трубку, Дик Сэнд чинил гусиное перо. Гулливер большими шагами прохаживался по кают-компаниям и вдруг остановился возле старинных часов в футляре красного дерева.

— Достоуважаемые друзья... Все это очень интересно, но не проливает никакого света на судьбу неизвестного нам Синицына. Я все-таки полагаю, что такого знаменитого капитана нет.

— Такой капитан есть! — воскликнул Василий Федорович. — Вот его письмо! — С этими словами он достал из-за обшлага мундира сильно размытый водой листок бумаги.

— Что же занести в наш вахтенный журнал? — нетерпеливо переспросил пятнадцатилетний капитан.

— Пишите. Сего, седьмого сентября, перед закрытием библиотеки повесть писателя Станюковича «Вокруг света на «Коршуне», которую я имею честь здесь представлять, была выгружена из сумки одной школьницы и пришвартовалась к столику Марии Петровны. И вдруг я с немалым изумлением заметил, что между страницами главы пятой под названием «Спасение погибающих» лежит это письмо.

— Сударь, вы долго будете играть на моих нервах? — мрачно перебил капитана Тартарен, поправив съехавшую на затылок малиновую феску. — Весь Тараскон знает, как я страшен в гневе.

Командир «Коршуна» навел большую лупу на неясные строки письма.

— Начало сильно размыто... Соленая вода выедает чернила... Можно разобрать только три буквы — «КАТ...».

— А что, если это начальные буквы слова «катастрофа»? — насупив брови, задумался Робинзон Крузо, высекая огонь для своей трубки.

— Возможно, — согласился с ним Василий Федорович. — Дальше уже довольно ясно: «Я никогда ей этого не прошу. Опозорить меня, знаменитого капитана... при всей команде!»

— О, медам и месье! — оживился Тартарен. — В этом деле замешана женщина.

Капитан корвета оставил эту догадку без внимания и снова навел лупу на памятную страничку. С трудом он разобрал еще одну строчку: «Внезапный ураган силой в два балла...» — а дальше красовалось поблекшее чернильное пятно.

— Ураган силой в два балла! Но это вздор, — засмеялся Гулливер. — Он опасен только для лилипутов.

— Вы ошибаетесь, — возразил Немо, — этот капитан мог очутиться в центре тайфуна. Там бывает мертвая зыбь.

— Вероятно, это так, — подтвердил капитан корвета, — потому что дальше можно разобрать... «я за бортом»...

— Неужели он погиб? Или, быть может, уцепившись за обломок реи, борется с бушующей стихией? А мы здесь греем кости в уютной кают-компании, — с тревогой произнес Артур Грэй.

Дик Сэнд порывисто вскочил со своего места.

— Я готов, не теряя ни минуты, броситься на помощь. Но куда?

— Есть координаты, — раздался ровный голос Василия Федоровича. — Я наконец их разобрал.

Немо быстро развернул морскую карту, и все капитаны склонились над ней. Командир «Коршуна», сверяясь с загадочным письмом, отметил на карте синим карандашом место пересечения широты и долготы.

— Любезные друзья! Позвольте! Если не ошибаюсь, это координаты Москвы, — удивился Гулливер. — Какие же там штормы, в Москве?

— В самом городе штормов, конечно, не бывает, — сказал командир «Коршуна», — но неподалеку находится Московское море.

— Ну какое это море, — перебил его Робинзон, — просто искусственное водохранилище.

Василий Федорович не согласился со знаменитым отшельником.

— Вы не правы, капитан Крузо. Московское море занимает триста двадцать семь квадратных километров. Тут раздолье и для кораблей, и для чаек.

— Но что за шторм на искусственном море! При всем глубочайшем уважении к вам, капитан корвета, в это очень трудно поверить, — возразил Гулливер.

Артур Грэй с укоризной посмотрел на героя романа Свифта.

— Там бывают даже бури. Мне вспоминается один случай. На Сормовском заводе, который, как всем известно, находится возле города Горького, на берегу Волги, строились речные суда для Енисейского пароходства.

— Позвольте, медам и месье, — перебил его Тартарен. — Но как же эти суда из Сормова могут попасть на Енисей? По железной дороге?

— Нет, водным путем. Они прошли по Волге в Рыбинское море... кстати, там их встретил свирепый шторм. Море было искусственное, а шторм — самый настоящий! Потом по Беломорскому каналу речные суда прошли в Белое море, пересекли Баренцево и Карское... Переход до устья Енисея в порт Игарка составил шесть тысяч километров.

Во время этого рассказа Дик Сэнд завладел таинственным письмом и стал его тщательно разглядывать.

— Прошу внимания!.. Мне удалось разобрать еще одну размытую строчку: «...налетел на риф у самого порта... О...» И подпись — «Знаменитый капитан Синицын».

Немо, оторвавшись от карты, поднял украшенную белой чалмой голову:

— Но ведь Московское море — в Калининской области и у него другие координаты. А здесь речь идет именно о Москве. Видимо, капитан Синицын потерпел кораблекрушение возле Московского пор-

та... Но какого? Ведь в Москве три порта: Северный в Химках, Западный в Филях и Южный при выходе в Окский бассейн.

Общие сомнения рассеял Тартарен:

— Пardon, под кляксой можно разобрать еще две буквы — «Хи...». Держу пари, что это Химки — московский порт пяти морей. Но, увы, никто там не видал рифов.

— Вчера они не торчали, а сегодня могли появиться. Всякое бывает на море, — рассудительно возразил Робинзон.

— Я не понимаю. — Дик Сэнд с треском захлопнул вахтенный журнал. — Моряк терпит бедствие. Налетел на риф. Попал в катастрофу. А мы...

Неизвестно, что ответили бы капитаны, но на улице раздался звук почтового рожка и грохот подъезжающего экипажа. Все бросились к окнам.

У подъезда школы остановился старинный почтовый дилижанс, запряженный шестеркой лошадей. На козлах приветственно размахивал бичом барон Мюнхгаузен.

— Это я! — весело воскликнул он, задрав голову к окнам третьего этажа, откуда выглядывали его друзья по клубу. — Самый известный на земле, на воде и под водой, на Луне и окрестных планетах — путешественник, мореплаватель и поборник истины! Из скромности я даже не упоминаю о своих научных заслугах.

— Какая удача! Мы на почтовом дилижансе помчимся в Химки, — обрадовался Артур Грэй.

Капитан корвета что-то пометил в своей записной книжке, вырвал страничку, аккуратно ее сложил и спрятал под большой глобус, стоявший на круглом столе в кают-компании.

— Я оставляю записку вахтенному 'начальнику моего «Коршуна». Он должен знать, куда отправился его командир.

Тем временем Дик Сэнд спустил в открытое окно веревочную лестницу, и капитаны в вечернем сумраке стали поспешно спускаться вниз.

Гулливвер и Робинзон с трудом поддерживали Тартарена, нагруженного походным багажом — рюкзаки, ружья, гамаки, одеяла, кастрюли и многое другое.

Первым на землю соскочил Немо. Его привел в изумление жалкий вид Мюнхгаузена — рваный камзол, дырявый плащ, на одной ноге потрескавшийся ботфорт со шпорой, а на другой — одно голенище. И только нарядная шляпа с плюмажем и позолоченная шпага напоминали о его прежнем величии.

— Колоссальный успех! — с достоинством заявил барон, поворачиваясь во все стороны. — Меня зачитали до дыр! Все хотят прочитать «Приключения Мюнхгаузена»... Я буквально нарасхват... И даже один восторженный мальчик вырвал из моей книги

несколько страниц с картинками... На память, разумеется.

Следующим на землю соскочил Дик Сэнд.

— Дорогой Мюнхгаузен, вы приехали с Луны?

— Что вы! Я из переплетной. С Арбата.

— Вы успели как раз вовремя, — промолвил командир «Коршуна». — Но вместо заседания мы отправляемся в Химки на помощь знаменитому капитану Синицыну.

— Я бы с удовольствием, но в таком виде показываться перед читателями... это выше моих сил. — Мюнхгаузен чуть не зарыдал, пытаясь закутаться в дырявый плащ.

— Тогда вам придется держать вахту в кают-компании клуба, — сказал Артур Грэй. — Вдруг что-нибудь случится ночью в библиотеке...

— А председательский молоток, надеюсь, там? — осведомился барон. — Тогда я буду заседать в одиночестве.

Капитаны один за другим усадились в дилижанс. Дик Сэнд вскочил на козлы.

— Гоните всю, Дик! Полный вперед! — скомандовал капитан корвета.

Мюнхгаузен прощально взмахнул платком. В ответ запел почтовый рожок. Барон в прекраснейшем настроении не спеша поднимался по веревочной лестнице, насвистывая марш...

Бедняга и не подозревал о грозившей ему опасности. Со страниц романа «Три мушкетера» в библиотеку уже прискакала сама миледи. Это была красивая женщина, со светлыми глазами, в бархатной амазонке, отделанной тонкими кружевами.

Ее интересовал только один вопрос: куда уехали знаменитые капитаны? Никто толком не мог ответить

миледи. Рассерженная авантюристка накинулась на Кэтти, перемежая брань звонкими пощечинами.

— Негодница! Даже не могла подслушать. — Затем миледи схватила за плечо Негоро. — И вы тоже хороши. Откуда мы теперь узнаем, где они?

Стоящий у раскрытого окна Билл Аткинс услышал чье-то пение, заглянул вниз и тут же отпрянул в сторону.

— Тише! Мюнхгаузен!

Пираты и камеристка быстро спрятались за библиотечные шкафы. И как раз в этот момент в окне показался Мюнхгаузен. Он спрыгнул с подоконника и, к своему изумлению, увидел сидящую в кресле прекрасную незнакомку.

— С кем имею честь? — и он любезно улыбнулся.

— Миледи из романа Александра Дюма «Три мушкетера». Впрочем, я известна также как Шарлотта Баксон, графиня де ля Фер, леди Винтер и баронесса Шеффилд.

— Карл Фридрих Иероним барон фон Мюнхгаузен из романа Распе «Приключения Мюнхгаузена». — И Мюнхгаузен склонился в глубоком поклоне. Вдруг он заметил, что из оборванного голенища торчит нога в полосатом носке. В невероятном смущении барон нырнул в книжный шкаф, на ходу бормоча извинения.

— Простите, сударыня, за мой туалет... Ночевка в желудке кита... Вместо перины — китовый ус. Потом эти полеты на диких утках, без седла... Прогулка на Северный полюс без всякого гардероба. Я сейчас... — И он захлопнул за собой стеклянную дверцу.

Буквально через несколько мгновений Мюнхгаузен выскочил из шкафа в новом камзоле и лакированных ботфортах.

Миледи с притворным изумлением подняла лорнет.

— Это вы, барон?

— Это — я! В новом издании. Голубой переплет. Большой формат. Масса иллюстраций. Невиданный тираж!

— Для кого же вы так принарядились?

— Для младшего возраста! — воскликнул барон, раскланиваясь на обе стороны.

Миледи с удивлением опустила лорнет.

— Почему вы раскланиваетесь направо и налево?

— Потому что я в двух частях! Часть первая — «Конь на крыше», «Волк наизнанку», «Бешеная шуба», «Верхом на ядре», «Первое путешествие на Луну»... Часть вторая — «Встреча с китом», «Один против тысячи», «Сырный остров», «Корабли, проглоченные рыбой». И масса других правдивых историй!

— Признаюсь, ни при одном дворе я не встречала столь блистательного кавалера, — очаровательно улыбнулась миледи.

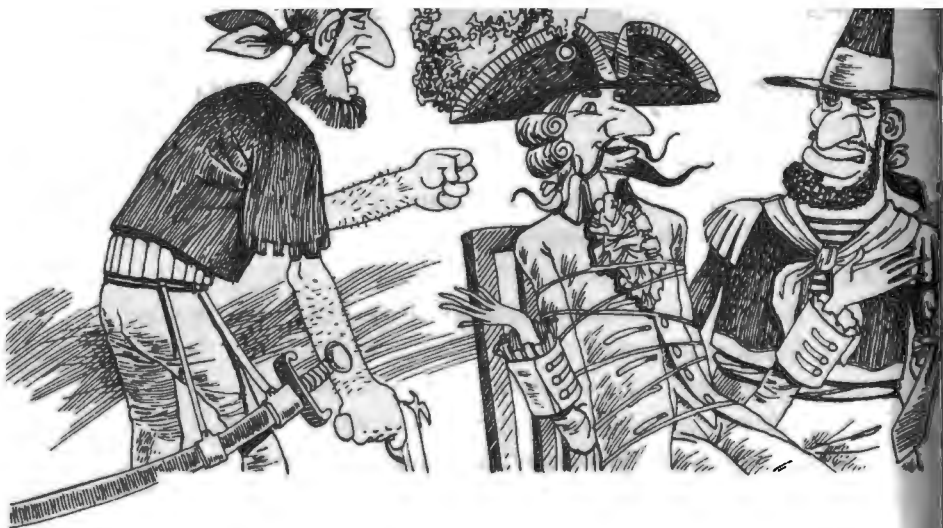
Мюнхгаузен победоносно оперся на эфес шпаги.

— Когда слышишь такие любезные комплименты, так и хочется... вскочить верхом на ядро и... лететь!

— Конечно, к вашим друзьям по клубу. Интересно, где они сейчас?

Из-за книжных шкафов высунулись полные ожидания лица обоих пиратов.

— Я только что с ними расстался, — простодушно признался Мюнхгаузен. — О-о, это целая история. Я находился в переплетной... Ну от скуки сел играть со Скупым рыцарем и Плюшкиным в лото. Конечно, по маленькой, учитывая их характер. И вдруг слышу бой часов. Вспоминаю, что сегодня

заседание нашего клуба... Как быть? На чем ехать? К счастью, в переплетной собралось большое общество. Я бросаюсь к Пиковой даме... прошу одолжить карету. Старуха наотрез отказывает и уезжает с Лизой в Гостиный двор. Встречаю графа Монте-Кристо. Умоляю дать мне верховую лошадь. Не может! Мчится на какую-то дуэль. Я в полном отчаянии. И тут меня выручают «Записки Пиквикского клуба». Добрейший Пиквик подсаживает мою особу в почтовый дилижанс. Рожок — ту-ту, ту-ту!.. И вы имеете удовольствие видеть перед собой Мюнхгаузена, готового к вашим услугам, миледи.

Вдруг миледи уронила веер к ногам барона. Мюнхгаузен поспешно нагнулся. И тут приклад мушкета Билла Аткинса обрушился на затылок барона. Тот рухнул на ковер. Камеристка вскрикнула от страха.

— Пора уже привыкнуть, Кэтти, — строго заметила ее хозяйка. — Дайте ему нюхательную соль.

Подтянув веревочную лестницу, пираты опутали ею своего пленника с головы до ног и усадили в крес-

ло. Камеристка поднесла к его носу флакончик. Барон громко чихнул и пришел в себя.

— Вы пожалеете об этом, когда в кают-компанию вернутся мои друзья! — крикнул он запальчиво.

Билл Аткинс приставил дуло мушкета к его груди.

— Когда они вернутся? Где они сейчас? Отвечай, или я спущу курок.

— Ах, Билл Аткинс, вы плохо воспитаны... — И миледи отвела в сторону дуло. — Дорогой барон, у вас есть возможность еще лет двести красоваться на книжных полках, если вы удовлетворите наше любопытство. В противном случае мне придется рыдать на ваших похоронах.

— Меня так тронуло ваше участие, миледи, что я не скрою от вас ничего! Знаменитые капитаны отправились в один из двух океанов... В Великий или в Тихий. Я не хочу обманывать, потому что об этом шли споры.

— А точнее, барон? — зловеще прошипел Негоро, играя пистолетом перед самым носом пленника.

— Вспомнил! — воскликнул Мюнхгаузен, скосив глаза на вороненое дуло. — Они сейчас едут из Константинополя в Стамбул!

— Он над нами смеется, миледи, — сквозь зубы процедил Билл Аткинс.

— Пора кончать! — холодно сказал Негоро, стягивая петлю на шее Мюнхгаузена.

— Бедный барон, — вздохнула миледи. — Как видите, мое влияние на этих джентльменов далеко не безгранично. Так в каком же море плавают сейчас ваш клуб?

— Развяжите, — прохрипел Мюнхгаузен. — Я вам назову море.

Корсар ослабил веревки на шее пленника.

— Клуб знаменитых капитанов дрейфует сейчас во льдах Красного моря, нет, простите, Черного. Ах, Желтого... Нет, извините. Синего! За это ручаюсь головой!

— Даже под угрозой смерти он не может удержаться от лжи! — в бешенстве крикнул Билл Аткинс.

— Я лгу? Кто же в это поверит?..

Мюнхгаузен, вероятно, спорил бы и дальше, если бы миледи не ударила его глобусом по голове.

Внезапно камеристка заметила лежащую под глобусом записку капитана корвета. Она схватила записку и хотела незаметно спрятать ее за корсаж, но проницательные глаза миледи видели все вокруг.

— Что ты там подхватила, Кэтти? Деньги?

— Нет, госпожа, какая-то бумажка, — пролепетала девушка.

— Дай сюда! — Хозяйка вырвала записку из рук камеристки и, бегло прочитав, радостно воскликнула: — Они у нас в руках! Скорее в Химки!

— Сударыня! А что делать с этим дохлым попугаем? — спросил Билл.

— Связать покрепче и кляп в рот! — распорядился португалец.

И пока Аткинс возился с Мюнхгаузенем, миледи повелительным тоном обратилась к Негоро:

— Подать карету! Вызвать со страниц романа «Три мушкетера» моих преданных слуг! И вместе с вашими молодцами — в погоню за почтовым дилижансом!

* * *

Лунный свет озарял пустынную дорогу в Химки.

В стеклянной будке скучал милиционер-регулирующий. Вдруг мимо него промчался почтовый дилижанс, запряженный шестеркой лошадей. Дик Сэнд хлестал бичом коней. Тартарен, закутавшись в цветной плед, трубил в почтовый рожок.

Милиционер, пошатнувшись от изумления, уронил фуражку. Он протер глаза и снова взглянул на шоссе. Но никого уже не было. Тогда регулировщик схватил телефонную трубку.

— Товарищ начальник! Мимо меня проехал как будто конный автобус при шести лошадях... и один толстый гражданин в импортном одеяле играл на трубе... Что? Есть не клевать носом на дежурстве!

Подобрав фуражку, милиционер впился глазами в безлюдное шоссе. Но почтовый дилижанс был уже далеко и, свернув с дороги, остановился в небольшой роще, немного не доехав до речного вокзала в Химках.

* * *

После короткого совещания капитан корвета вызвался идти на разведку. Скинув мундир и фуражку, он стал похож на самого обыкновенного пенсионера, каких много можно встретить в Подмосковье. Спустившись к воде, бывалый моряк заговорил с двумя мальчуганами; удившими рыбу. Они охотно сообщили адрес капитана Петра Синицына. Очевидно, это был очень известный в здешних местах человек.

Василий Федорович быстро вернулся к своим друзьям, и через минуту почтовый дилижанс свер-

нул направо, проехал по березовой аллее мимо волейбольной площадки и остановился возле зеленого палисадника.

Капитаны выскочили из дилижанса, прошли мимо цветника и, стараясь не шуметь, подкрались к небольшому домику со стеклянной верандой.

Дик Сэнд открыл оконную раму.

— О-о, сколько игрушек! — восхитился Тартарен. — Видимо, у капитана Синицына много детей.

И действительно, на столе, на этажерке, на скамейках стояли игрушечные кораблики, маршировали деревянные солдатики. В стороне возле раскладушки красовался детский бильярд.

На веранду из комнаты медленно вышел коренастый мальчик лет двенадцати, с заплаканным лицом.

— Кажется, мы опоздали, — мрачно прошептал Немо, — сдается мне, что он потерял отца.

Следом за мальчиком семенила очень полная дама. В одной руке у нее угрожающе поблескивала аптечная бутылка, в другой она осторожно держала налитую до краев столовую ложку.

— Не спорь с матерью! Сейчас же прими рыбий жир!

Мальчик с отвращением открыл рот и, зажмурив глаза, проглотил лекарство.

Мать продолжала журить сына:

— Посмотри, на кого ты похож! Худой, бледный... Стоило мне на месяц уехать в Ессентуки, и вот, пожалуйста. Я уверена, что у тебя железы!

— Я здоров, — пытался вставить слово мальчик.

В саду Тартарен тихо поделился с капитаном своими мыслями:

— Несчастливая... потеряв мужа, она дрожит над сыном...

Его sentimentalные излияния прервал командир «Коршуна»:

— И вырастит парня, который будет сам всегда дрожать... Охотника за бюллетенями...

А на веранде мать с беспокойством приложила ладонь к Петинному лбу.

— Так я и знала! Температура нормальная, а глаза блестят. Бестемпературный грипп. Самый опасный! Сейчас же в постель! И прими эти порошки. — Она достала из сумочки пакетик с пилюлями.

Пока сын покорно глотал лекарства, мать стелила постель на раскладушке. Она заботливо укрыла мальчика двумя одеялами, поцеловала в щеку, выключила свет и ушла, осторожно прикрыв за собой дверь.

Лица притаившихся в палисаднике капитанов освещала только луна.

— Любезные друзья, — с грустью произнес Гулдивер. — К моему величайшему сожалению, мы несколько запоздали. Капитан Синицын погиб. Нервное возбуждение его вдовы и слезы сына — какое тяжелое зрелище...

— Клянусь морской пучиной, — вздохнул Робинзон, — нам остается одно: поднимать якоря и отчаливать.

— Ну, нет, — перебил его Артур Грэй. — Сколько моряков оплакивали их семьи, а они спасались на обломке реи, на плоту, их подбирали встречные корабли под дальними широтами...

— Я с вами полностью согласен! — поддержал Немо. — Мы должны отправиться к месту катастрофы и без усталости искать капитана Синицына.

— Но как узнать место гибели корабля? — задумчиво переспросил Дик.

Вместо ответа раздался слабый стук.

— Тише, умоляю вас, тише, — шепнул Тартарен. — Мое чутье старого следопыта подсказывает мне, что разгадка должна быть где-то совсем близко.

Мальчик на веранде еще раз легонько постучал согнутым пальцем по деревянной стенке. Открылась дверь, и, бесшумно ступая босыми ногами, вошла девочка лет десяти в ночной рубашке.

Это была его сестра.

— Ну, что у тебя случилось? Заставили принять рыбий жир?.. Подумаешь! Да я для маминого удовольствия проглотила две ложки.

— Есть вещи в тысячу раз хуже рыбьего жира, — всхлипнул мальчик. — Если бы ты знала, Катя...

— Я прежде всего посоветую тебе не хныкать, — строго перебила девочка. — Да как тебе не стыдно! Знаменитый капитан волейбольной команды Петр Синицын, чемпион шестого «Б», и плачет, как какой-нибудь мальчишка из пятого «А».

— Это кто плачет?

— А почему глаза красные? И это у человека, который еще в прошлом году исследовал среднее течение Клязьмы... Да ты мне скажешь, наконец, что с тобой стряслось?

— Сегодня... за час до прихода маминого поезда... она еще ничего не знает... я схватил... двойку по географии.

Девочка начала нервно расхаживать взад и вперед, путаясь в длинной ночной рубашке.

— Какой позор! Двоечник в нашей семье... Папа — радист на острове Диксон, а ты...

Оскорбленный мальчик вскочил на раскладушку, запахнувшись в одеяло, как в тогу.

— И ты против меня! Тебе мало, что Вера Васильевна ославила меня на уроке перед всем классом?!

Но сестра была сурова и неумолима.

— Что Вера Васильевна? Ведь завтра радиоперекличка с папой. И вся зимовка узнает про эту двойку. Папе будет стыдно за тебя.

Капитаны тихо совещались в тени сиреневых кустов.

— Капитан волейбольной команды... — разочарованно протянул Дик Сэнд.

— И притом, пардон, двоечник... да еще по географии, — возмутился Тартарен. — Нам здесь делать нечего. Полный назад!

Но капитан корвета возразил:

— Нет! Разве Клуб знаменитых капитанов когда-нибудь покидал своих юных друзей в беде?

— Каждая двойка по географии — это горестное событие для всех нас, — поддержал его Немо.

— Но как помочь достопочтенному мальчику? — задумался Гулливер. — Шутка ли сказать... Об этой злополучной двойке узнает весь мир!

— Если бы это была пятерка, — произнес Артур Грэй, — то мы могли поднимать паруса. Но двойка?! Мы должны взять маленького капитана Синицына на буксир.

А на веранде брат и сестра сидели рядышком, оба в глубоком раздумье, подперев головы кулаками.

— Что, если не говорить про двойку? — неожиданно предложила Катя.

— А он спросит. Что ж, я буду врать? Папе? Да еще по радио, — горько вздохнул Петя. — Что я, Мюнхгаузен?! Или Тартарен из Тараскона?!

— И как это тебя угораздило? — снова попрекнула его сестра.

— Мне такие трудные вопросы попались... Да на них только два человека могут ответить — Сережа Федоров, наш закоренелый пятерочник, и капитан Немо!

Катя решительно поднялась из-за стола.

— Ложись спать. Утро вечера мудренее. — И девочка ушла в комнату.

Петя, взбив подушку, тихонько пробормотал:

— Ей хорошо советовать. А завтра отец спросит: «Ну, как живешь, сынок?» А я отвечу: «Ничего, папа, живем помаленьку...»

Мальчик нырнул под одеяло и продолжал уже сонным голосом:

— А он спросит: «Какие отметки?» А что я, виноват... такие вопросы... Тут сам капитан Немо... двойку...

На веранду на цыпочках поднялись семь знаменитых капитанов. Немо взял на руки спящего Петю. Тартарен укутал его своим пледом.

В это время Дик Сэнд достал с этажерки иллюстрированное издание романа «Пятнадцатилетний капитан». Командир «Коршуна» светил ему фонарем.

— Ну, что? Нашли?

Дик перелистывал страницы. Наконец он остановился на рисунке, изображавшем парусный корабль в открытом море.

— Вот он, мой бриг «Пилигрим». Ему не страшен любой шторм.

— Изготовить корабль к походу! — приказал командир «Коршуна».

Капитаны покинули веранду, унося с собой спящего мальчика.

* * *

По знакомому нам пустынному шоссе бешеным аллюром мчалась кавалькада слуг миледи в черных полумасках. За их спинами развевались широкие плащи. А за всадниками неслась карета, запряженная

восьмеркой лошадей. Из окна выглядывала миледи в собольем бурнусе, прикрывая лицо веером. В глубине кареты притаилась испуганная Кэтти.

На светофоре загорелся красный огонек, но кавалькада пронеслась мимо, не замедляя хода. Вдогонку раздался тревожный милицейский свисток. В будке регулировщика все тот же потрясенный дежурный докладывал в телефонную трубку:

— Товарищ начальник, только что проехала карета без номера... На красный свет! Заметил гражданку в меховом ватничке с веером, а впереди верхом человек двадцать штатских в масках... Что?.. Да когда же я спал на посту? Разве мыслимо? А?.. Есть арест на сутки.

* * *

Бриг «Пилигрим» отдал швартовы у покрытого кустарником берега.

Немо со спящим Петей на руках поднялся по трапу. Капитан корвета негромко скомандовал:

— Паруса ставить! С якоря сниматься!

Робинзон Крузо и Гулливер начали выбирать якорную цепь...

Из камбуза выглянул Тартарен в поварском колпаке с большой сковородкой в руке.

— Увы... как жаль, что я не имею возможности принять участие в погрузках, разгрузках, авралах, отвалах и тому подобных вещах. Что поделаешь? Мальчик может проснуться каждую секунду. Его должен ждать первый завтрак или второй ужин... Молоко из кокосовых орехов, яичница из страусовых яиц, жареная печенка кита... На гарнир пойдет морская капуста, уха из плавников акулы и жареные осьми-

ноги. Все питательно, вкусно, богато витаминами. Прекрасное меню для ребенка. Вот только что на сладкое? Где десерт?

И как бы в ответ раздались пистолетные выстрелы.

От неожиданности Робинзон и Гулливер выпустили из рук якорную цепь, и якорь, который уже почти дошел до клюза, с плеском упал обратно в воду.

На отмель выскочила кавалькада слуг миледи с пистолетами и шпагами в руках. Они быстро спешили и по неубранным сходням ринулись на палубу «Пилигрима».

В прибрежных зарослях остановилась карета. Миледи, вскинув лорнет, спокойно наблюдала за ходом сражения. Пятеро негодяев во главе с Негоро, держа в зубах ножи, карабкались по вантам на мачту, где находился Дик Сэнд. На корму ворвались еще человек десять во главе с Биллом Аткинсом. Обнажив шпаги, они кинулись на Гулливера и Робинзона.

— Наконец-то я с тобой расправлюсь, козья шкура! — крикнул пират Робинзону.

Гулливер, намотав на левую руку плащ, мастерски фехтовал шпагой. Его оттеснили к самому борту. Робинзон отбивался прикладом мушкета.

Артур Грэй защищал капитанский мостик от полудюжины людей Негоро. Они врывались по одному в узкий проход и падали навзничь, сраженные мастерскими ударами кортика.

По всей палубе звенели шпаги и тесаки. С разных сторон гремели выстрелы.

На верхней рее фок-мачты шел неравный бой. Четверо пиратов с ножами в зубах гуськом взобрались на

рею. Дик Сэнд, отбиваясь кортиком, отступал назад, на самый конец реи. Далеко внизу шумела вода. Юноша нанес удар, и сраженный пират сорвался вниз.

Не успел раздаться всплеск воды, как Дик Сэнд сбил с мачты второго. Но он не подозревал, что над его головой, цепляясь за ванты, висел Негоро с кривым малайским крисом в зубах. Пятнадцатилетний капитан схватился за канат, чтобы спуститься по нему на палубу. Он уже повис в воздухе, но Негоро одним ударом криса перерубил канат. Дик полетел вниз с огромной высоты. Юноша упал на надутый ветром парус и успел воткнуть в него кортик.

Прорезая крепкую парусину, кортик сыграл роль тормоза, и только это спасло Дика. Он, рассекая парус надвое, соскользнул вниз до самой палубы. Негоро прицелился из пистолета, но не успел спустить курок — Дик выстрелил, и португалец свалился с фок-мачты в воду.

На средней палубе около двери каюты стоял Немо с электрическим ружьем в руках. К нему подбежал капитан «Коршуна».

— Скорее на верхнюю палубу!

— Я не могу оставить Петю, — ответил Немо. — К счастью, мальчик крепко спит и не подозревает об опасности.

Над их головами раздались выстрелы и крик Дика Сэнда:

— На помощь, друзья!

Немо быстро запер каюту на ключ. Капитан корвета схватил абордажный топор, и оба устремились по трапу на верхнюю палубу.

И как раз вовремя! Робинзон Крузо, Гулливер и Дик Сэнд были окружены всеми уцелевшими пиратами во главе с Биллом Аткинсом. На негодаев с тыла напали Немо и командир «Коршуна», к ним присо-

единился Тартарен с тяжелой сковородкой в руке. Не ожидавшие удара с тыла, растерявшиеся пираты стали кидаться за борт. Билл Аткинс пытался остановить своих людей, но железная рука Робинзона схватила его за шиворот и выбросила за корму.

Однако старый пират успел ухватиться руками за якорную цепь и притаился возле клюза.

В прибрежных кустах около кареты металась взбешенная миледи, уронив свой лорнет на песок. Ее камеристка испуганно вскрикнула, увидев бредущего Негоро. Одежду португальца облепила тина, его левая рука была замотана платком. За ним, поддерживая друг друга, ковыляли несколько уцелевших слуг миледи.

Миледи встретила корсара парой звонких оплеух.

— Бейте, сударыня, бейте, — прохрипел он.

Но миледи уже пришла в себя.

— Некогда. На коней, джентльмены! У меня созрел новый план!

* * *

По лесной дороге быстро неслась карета. За опущенными занавесками сидели миледи и Негоро, которому Кэтти перевязывала раненую руку.

— Не понимаю, сударыня, какой может быть у вас план? — безнадежно произнес португалец. — Они плывут под всеми парусами, а мы трясемся в карете.

Миледи с презрительным сожалением взглянула на старого пирата.

— Вы забыли о Пушечном клубе! Директор-распорядитель клуба банкир Импри Барбикен. Его правая рука — капитан Николь, очень способный авантю-

рист. Они называют мирное время «мертвым сезоном». Милейшие люди.

— А где мы их найдем? — оживился португалец.

Миледи подтолкнула его в бок.

— На страницах романов «С Земли на Луну» и «Вверх дном» — ваших ближайших соседей на книжных полках, Негоро.

— А они могут снарядить какой-нибудь бриг?

— Вы плохо знаете Жюля Верна, сеньор, — засмеялась миледи. — Хозяйка клуба Еванжели-на Скорбит ворочает миллионами! Гоните лошадей!

Кучер в ливрее подхлестнул взмыленных коней.

* * *

Подняв все паруса, шел бриг «Пилигрим» по неспокойным волнам Московского моря. На капитанском мостике за штурвалом стоял Дик Сэнд, распевая свою песенку:

В старинных книжках капитан
Всегда суров, усат,
Он знает тайны дальних стран,
Сам черт ему не брат!
А мне усов не надо брить!
Где сыщешь их следы?
А если правду говорить,
То нет и бороды...

Судно провожали морские чайки. И только они могли видеть странного пассажира, висевшего за кормой брига. Это был Аткинс, вцепившийся руками в якорный клюз.

В капитанской каюте за накрытым столом расположились знаменитые капитаны. Петя поднялся с койки и, зевая, посмотрел по сторонам.

— Ой, куда я попал?

— На борт брига «Пилигрим» из романа «Пятнадцатилетний капитан», — улыбаясь, ответил Немо.

— Не может быть, — воскликнул Петя, заглядывая в иллюминатор. Перед его взором расстиралось залитое лунным светом море. Оторвавшись от иллюминатора, он снова начал разглядывать своих неожиданных спутников. — Кто же вы такие?

— Клянусь компасом, ты должен нас знать, — поправляя козью шкуру, ответил Робинзон. — Мы — члены Клуба знаменитых капитанов.

— Вы... Робинзон Крузо! Мне кажется, что я все еще сплю... Ведь правильно говорят, о ком подумаешь на ночь, тот и приснится. Капитан Немо!.. А вы капитан корвета «Коршун»?

— Да, имею честь командовать этим кораблем, молодой человек. — Василий Федорович взглянул на смятую постель и укоризненно добавил: — А кто будет убирать койку?

— Какую? — удивился мальчик.

— Ту, на которой ты спал. Интересно, кто же дома застилает твою койку?

— Мама...

Раздался дружный хохот капитанов.

И только капитан корвета, который затеял весь этот разговор с мальчиком, с нарочитой серьезностью спросил:

— Что ж, лечь на обратный курс и взять маму на борт?

Сконфуженный Петя подошел к койке и стал немело ее застилать.

В это время вбежал Тартарен с дымящейся сковородкой, вновь приспособленной для мирных целей.

— Тартарен из Тараскона!.. — в изумлении прошептал мальчик. — Нет, это все-таки сон!

Бесстрашный охотник за фуражками посыпал яичницу зеленым луком и приправил соусом.

— Сон? Ты попробуй эту яичницу и сразу поймешь, что это не сон, а сказка! С зеленым луком!

Петя с аппетитом приступил к яичнице, а Лемюэль Гулливер, наливая ему стакан молока, не смог удержаться от вопроса:

— Достопочтенный Петя, нас крайне интересует, что за таинственное письмо оказалось в книге «Вокруг света на «Коршуне».

— Почему таинственное? — переспросил мальчик. — Я написал простое письмо.

Капитан корвета показал ему размытый листок:

— Письмо начинается с полуразмытого слова «КАТ...». Мы думали, что это «катастрофа».

— Нет, это Катя, моя сестренка, — пояснил Петя.

Письмом завладел Артур Грэй:

— А тут дальше написано: «Я никогда ей этого не прощу! Опозорить меня, знаменитого капитана, перед всей командой»... Ну, команда, очевидно, волейбольная. Но кому ты никогда не простишь? Кате?

— Да нет... Вере Васильевне, учительнице географии. Ведь она мне закатила двойку!..

— Теперь понятно, — расхохотался Робинзон, — что такое внезапный ураган силой в два балла!

— А почему все-таки слова размыты соленой водой? — усмехнулся Немо.

— О-о, бедное дитя, — всхлипнул Тартарен. — Он плакал, он рыдал...

— Кто? Я? — обиделся Петя.

— Ничего, Петя. В жизни каждого мужчины бывают моменты тяжелого раздумья, — поддержал его Василий Федорович.

У мальчика блеснули на глазах слезинки.

— Что же я завтра скажу папе?

— Цель нашего путешествия — помочь вам в беде, любезный Петя, — тепло произнес Гулливер.

— Пьер, ты позавтракал? — заботливо спросил Тартарен. — Что нужно сказать?

— Спасибо, — вежливо ответил мальчик.

— За спасибо — тебе мерси. А кто будет мыть посуду?

Стараясь скрыть неловкость, Петя неуверенно пробормотал:

— Простите... а я думал, тут есть какой-нибудь вахтенный или дежурный...

— Здорово подмечено, малыш, — вмешался Робинзон. — Ты становишься моряком. Мы назначаем тебя дежурным по камбузу! Вот тазик и полотенце.

И Пете не осталось ничего другого, как начать мыть тарелки. Вытирая их полотенцем, он украдкой заглянул в иллюминатор:

— Куда же мы идем?

— Курс корабля должен определить ты! — заявил командир «Коршуна».

— Все зависит от того, на каких вопросах ты срезался, — добавил Робинзон.

— Что же это такое получается? — в недоумении задал вопрос мальчик. — Я думал, будут приключения... а тут уборка, мойка посуды... И вам все мало. Вы еще хотите устроить урок географии.

— Дело не в уроке, — пояснил Артур Грэй. — Мы хотим, чтобы ты завтра честно сказал папе: я полу-

чил двойку, но уже выучил все вопросы, по которым провалился, и готов отвечать Вере Васильевне на следующем уроке.

— Поверь мне, мой мальчик, — вздохнул Тартарен, — лучше плавать по морям, чем у классной доски.

— Какие же вопросы вам задала достоуважаемая Вера Васильевна? — торжественно спросил Гулливер.

Мальчик тяжело вздохнул, оказавшись во власти не совсем приятных воспоминаний.

— Из каких морей и океанов можно доплыть до Москвы? В общем, до нашей школы в Химках... Вот тут-то я и почувствовал, что надвигается ураган силой в два балла!

Капитаны переглянулись с веселыми улыбками.

— Вам смешно, — вздохнул Петя. — А вы попробуйте ответить!

Командир корвета «Коршун» перешел на серьезный тон.

— На этот трудный вопрос есть самый простой ответ, — вступил в разговор капитан корвета «Коршун». — Вот, взгляни на карту.

Он подвел мальчика к большой морской карте:

— В Москву можно доплыть из всех морей, потому что она теперь связана с Мировым океаном!

— Вот это я и скажу завтра по радио папе! — обрадовался Петя.

— А второй вопрос? — перебил Робинзон.

— Второй — ну прямо невозможный. Кто открыл остров Визе? Ну, я говорю — сам Визе. И не угадал чего-то. А что я — Фриттьоф Нансен?.. Да и тот не знал, где остров Визе, пока его не открыли.

Тартарен в недоумении почесал затылок. Видимо, и его этот вопрос поставил в тупик.

— Пардон, Пьер, а какой третий вопрос задали тебе?

Бриг под всеми парусами шел полным ходом. На палубе появился капитан корвета. И до его слуха с мостика долетел звонкий голос Дика Сэнда:

— Куда держать курс, Василий Федорович? Решено?

И тот ответил, не поднимаясь на лесенку:

— В Карское море... К острову Визе! На второй вопрос учительницы. А оттуда полным ходом в Антарктику — к берегу Земли Александра Первого!

Билл Аткинс давно притаился под спасительной сенью кормовой шлюпки в надежде что-нибудь узнать о планах капитанов. И здесь ему повезло. Порыв ветра донес до него последние слова командира «Коршуна».

— ...Антарктика... Берег Земли Александра Первого... — повторил про себя несколько раз пират. Он сорвал с фальшборта спасательный круг и прыгнул в воду.

По-прежнему глухо шумело море. Бриг медленно удалялся от плывущего Аткинса.

* * *

На палубе «Пилигрима» начался аврал. Тартарен поливал палубу из помпы. Дик Сэнд чинил порванный парус. Немо приколачивал разбитый кусок обшивки.

Робинзон с большой шваброй в руках драил палубу. Рядом с ним усердно работал маленький капитан Синицын с ведром и тряпкой. Знаменитый мореплаватель с поклоном передал мальчику швабру и назидательно произнес:

— Ну, довольно драить медяшку. Теперь потанцуй с этой дамой! И знай — плох тот капитан, который не держал в руках швабры!..

* * *

Вблизи острова Визе стоял на якоре бриг «Пилигрим» со спущенными парусами. На носу столпились капитаны. Они рассматривали в подзорные трубы пустынные берега — невысокие скалы, кое-где покрытые редкой порослью тундровых растений.

Артур Грэй вручил Пете подзорную трубу и предался воспоминаниям... Он уже побывал здесь в тысяча девятьсот тридцатом году в личном составе библиотеки ледокольного парохода «Седов». На этом судне плавала экспедиция, которая впервые обследовала северную часть Карского моря. «Седов» отдал якорь примерно в том месте, где сейчас стоял «Пилигрим».

И вот часа в два ночи Артур и его любимая, его Ассоль, решили подышать свежим морским воздухом. Они сошли со страниц феерии «Алые паруса» и выбрались на палубу. Но был полярный день, и неутомное солнце не покидало неба. Пришлось тихонько проскользнуть за спиной вахтенного и спрятаться за капитанский мостик.

Раздались шаги... На прогулку вышел сам начальник экспедиции, Герой Советского Союза академик Шмидт, Отто Юльевич. Его было легко узнать по роскошной бороде, которой мог бы позавидовать даже Робинзон Крузо. Начальника сопровождал молодой научный сотрудник в роговых очках... Он все допытывался, как будет назван остров, открытый несколько часов назад.

— Я думаю, по справедливости мы наречем его именем Владимира Визе, — после некоторого раздумья ответил Шмидт. — Во-первых, это большой ученый, научный руководитель многих арктических экспедиций. Вы помните, он еще в тысяча девятьсот двенадцатом году участвовал в экспедиции Георгия Седова на судне «Святой Фока».

— Ну а во-вторых?.. — переспросил спутник академика Шмидта.

— Во-вторых?.. Пожалуй, это даже будет в самых первых. Визе, изучая сводки движения льдов в Карском море, установил, что именно здесь должен находиться остров. Ученый «открыл» его в тиши своего кабинета за шесть лет до того, как мы подошли к этим берегам.

Собеседники ушли на ют. И тут только Артур Грэй заметил, что Ассоль совсем продрогла. Он накрыл девушку своим плащом и увел вниз, в корабельную библиотеку. Но до сих пор они часто вспоминают остров Визе и необычайную историю его открытия.

— Эх, если бы вы мне все это растолковали на большой перемене, я бы получил пятерку! — с сожалением вздохнул Петя.

Их разговор прервала команда капитана корвета:

— Курс к берегу Земли Александра Первого! На третий вопрос учительницы!

* * *

За столом в библиотеке расположились важные дамы и господа — члены Пушечного клуба из романа Жюль Верна.

Председательское место занимал Импри Барби-кен в высоком цилиндре. Рядом с ним в глубоком

кресле — разряженная пожилая женщина. На ее голове красовалась элегантная зеленая шляпка, украшенная пушечкой и горкой ядер.

В отдалении на диване сидела миледи. Около нее стоял Негоро. Мелодично прозвенел бронзовый колокольчик, и Барбикен открыл заседание:

— Дамы и господа! Я открываю чрезвычайное заседание Пушечного клуба. Мне трудно было отказать. Вдове Скорбит.

Николь нетерпеливо закурил сигару.

— В чем дело, патрон?

— Спокойствие, капитан Николь. Еванжелина Скорбит. Желает высказаться лично.

Хозяйка Пушечного клуба, угощая конфетами своего пуделя, неторопливо заговорила:

— Господин директор-распорядитель! Господа члены! Я вами очень недовольна. Выстрел из пушки на Луну принес одни убытки. Выстрел с целью повернуть земную ось должен был растопить льды и помочь нам завладеть богатствами Арктики. И что же? Опять неудача. Паника на бирже. «Черная пятница»! И банкротство Северной Полярной компании.

Барбикен любезно приподнял цилиндр:

— Какие распоряжения вы желаете? Дать сегодня?

— Все наши пушки к вашим услугам, — с готовностью добавил Николь.

Миледи поднялась с места:

— Господа! Бриг «Пилигрим» сейчас...

— С вашими средствами можно и помолчать! — оборвала ее вдова Скорбит. — У нас под носом сходят со страниц члены Клуба знаменитых капитанов. Они бродят по всему свету, рассказывают детям кучу неприятных для нас историй — об открытиях русских

мореплавателей, о разных неграх и индейцах, которых мы якобы обираем. — И тут она вскочила, потрясая зонтиком и все более накаляясь. — Вы только подумайте, из кого состоит этот клуб? Немо — организатор восстания против иностранного владычества в Индии.

Возмущенный Барбикен бросил цилиндр на пол.

— А капитан корвета «Коршун»! Его дружба. С туземцами на разных островах! Он внушал им опасную мысль. Будто они настоящие люди!

Негоро выбежал вперед и положил на стол несколько монет.

— Вот два дуката, пять талеров и три пезеты. Это все, что у меня осталось. Но я прошу слова.

Вдова Скорбит снисходительно улыбнулась:

— Ну, что ж, говорите в кредит.

— Напоминаю вам об этом американском мальчишке Дике Сэнде. Он действовал заодно с негром Геркулесом!

— Позор! — воскликнул Николь. — Их обоих давно следовало линчевать.

— Вы забыли про Гулливера, — ехидно заметила миледи. — Дезертир из армии его величества императора Лилипутии! За одно это полагается гильотина!

Хозяйка сердито постучала зонтиком по столу.

— Наконец-то я слышу дельную мысль. Да, да, уничтожить всю компанию. Сколько это будет стоить, Барбикен?

Директор-распорядитель заглянул в записную книжку:

— По обычному преискуранту. Пушечного клуба. Капитан Николь. Наш быстроходный фрегат. Готов к выходу в море?

Николь встал и вытянулся по-военному:

— Как всегда. Все пушки заряжены. Снарядные погреба полны. Куда держать курс?

Евангелина Скорбит обвела взглядом недоуменные лица всех присутствующих.

— В самом деле — куда? Кто это знает?

— Я! — ответил Билл Аткинс, появляясь в дверях. Он с трудом поплелся к столу, шлепая мокрыми сапогами.

— Сколько? — не задумываясь, спросила вдова.

Вместо ответа обессиленный пират упал без чувств на ковер.

— Дайте ему сто дукатов, — сказала Барбикену вдова Скорбит. — Это очень освежает.

Действительно, Билл Аткинс, только услышав о такой сумме, сразу пришел в себя.

— Капитаны плывут к берегу Земли Александра Первого... В Антарктиде... — прошептал он.

* * *

В полутемном читальном зале на ворохе старых газет лежал связанный Мюнхгаузен с кляпом во рту.

Медленно открылась дверь, и в помещение проскользнула камеристка Кэтти с обнаженным кинжалом в руках. Она склонилась над бедным бароном. Взмах кинжала — и веревки перерезаны. Затем девушка вытащила у него изо рта платок.

— Дорогой Мюнхгаузен, — прошептала девушка. — Бегите... спасайтесь. И не выдайте меня, иначе я погибла.

— Если мы погибнем, то только вместе, — с чувством ответил барон. — Слушайте, Кэтти...

Из библиотеки прозвучал разгневанный голос миледи:

— Кэтти! Куда ты пропала? Где багаж? Мы отплываем! Кэтти!

* * *

В туманной ночной мгле возле пустынной набережной стоял фрегат Пушечного клуба.

По трапу поднималась вдова Скорбит, поддерживаемая под руки двумя горничными. Еще четыре служанки несли ее багаж. Барбикен вел пуделя.

— Паруса ставить! С якоря сниматься! — скомандовал капитан Николь с мостика.

Матросы засновали по вантам.

На борт вступила миледи, за нею следовала Кэтти, нагруженная саквояжами и коробками.

Негоро и Билл Аткинс с трудом тащили огромный кофр с многочисленными монограммами миледи.

С кормы донесся лязг железной цепи — это матросы выбирали якорь.

Камеристка проводила свою хозяйку в каюту.

— Ваша каюта, миледи. Сеньор Негоро! Мистер Аткинс, пошевеливайтесь...

Пираты втащили в каюту свою тяжелую ношу.

Покачиваясь по волнам, двинулся в путь быстрый фрегат Пушечного клуба.

В богатой каюте миледи было пусто.

Но почему-то из стоящего в углу закрытого кофра поднималась маленькая струйка дыма.

Озираясь, вбежала Кэтти с узелком в руках и поспешно заперла за собой дверь. Заметив дымок, она в ужасе бросилась к кофру и постучала по крышке.

Кофр раскрылся. Там в удобной позе среди туалетов миледи полулежал Мюнхгаузен и курил кальян.

— Какая неосторожность, барон, — пролепетала камеристка. — Вы забыли, где вы находитесь?

— Напротив, — невозмутимо ответил Мюнхгаузен. — Я хотел попросить чашечку турецкого кофе.

— Я не успеваю выполнять ваши просьбы. Вот матросское платье. Скорее переоденьтесь, умоляю вас!

— Я сам мечтаю выбраться из этой каюты. У меня кружится голова от духов миледи, и если бы не кальян, я бы упал в обморок. — И он, пошатываясь, вылез из кофра.

Так барон Мюнхгаузен опять начал свои новые приключения — на борту быстроходного фрегата Пушечного клуба.

На носу корабля под сенью огромной пушки шел военный совет. В плетеном кресле сидела Евангелина Скорбит. На ядрах устроились Барбикен, Николь и миледи. В почтительном отдалении стояли Негоро и Билл Аткинс.

Барбикен с поклоном передал вдове подозрную трубу:

— Взгляните, уважаемая патронесса... И вы увидите. Первую плавучую льдину.

Николь развернул морскую карту.

— Мы приближаемся к цели, — сказал он спокойно, как будто речь шла о самых обыкновенных вещах.

— Я не желаю смотреть! Я хочу слышать залпы! — в раздражении твердила вдова. — Сколько времени я буду ждать? Когда этот Клуб знаменитых капитанов пойдет ко дну?

— Да, кто платит, тот не ждет! — поддакнула миледи.

— Капитан Николь, ускорьте ход! — приказал Барбикен.

— Может быть, это стоит дороже? Я не буду торговаться. Удвоить ставки! — деловито заявила хозяйка Пушечного клуба.

Ободренный Николь закричал в рупор:

— Поднять все марсели и бом-брамсели!

А Мюнхгаузен, скрываясь в спасательной шлюпке, внимательно наблюдал за всем происходящим.

— Сеньор Негоро, станьте к штурвалу. Вы ведь плавали в южных полярных морях! Мистер Аткинс, займите наблюдательный пост в вороньем гнезде на фок-мачте! — слышались дальнейшие команды Николья. — Держать курс на Антарктиду, к берегу Земли Александра Первого!

Порывистый ветер надувал все паруса, и фрегат Пушечного клуба быстро мчался вперед среди мелких льдин.

* * *

В белесоватом тумане по полярному морю шел бриг «Пилигрим». Его снасти обледенели, паруса подернулись инеем, мачты скрипели под резким ветром.

На носу корабля столпились капитаны.

Тартарен укутал продрогшего Петю пледом.

Мальчик с любопытством глядел на проплывающие мимо корабля большие льдины:

— Капитаны, куда же мы идем?

— Мы держим курс на третий вопрос учительницы географии Веры Васильевны, — ответил Немо.

— Любезный Петя! — обратился к мальчику Гулливер. — Вам был задан вопрос: кто открыл шестую часть света, если я не ошибаюсь?

— Вы-то не ошибаетесь, капитан Гулливер. Это я ошибся, еще спорил, что шестой части света вообще нет, — откровенно признался маленький капитан.

— Шестая часть света — это Антарктида, Южный полярный материк, — произнес капитан корвета. — Мы плывем к самым негостеприимным берегам в мире.

Робинзон плотнее запахнулся в свои козыи шкуры.

Артур Грэй подозвал Петю:

— Послушай, друг. А ты знаешь, что сказал об этих водах один путешественник? «Если бы нашелся такой оригинал, которому захотелось бы испытать самое неприятное, что может предложить наша планета, я бы от души посоветовал ему провести ночь на старом парусном судне в антарктических водах во время жестокого шторма!»

Сильный порыв ветра кренил судно набок. Волны перекатывались через борт. Перекрывая шум ветра, командир «Коршуна» громко крикнул:

— Держаться за штормовые леера!..

Капитаны схватились за натянутые вдоль бортов веревки. Робинзон Крузо не выпускал из могучих объятий Петю.

С капитанского мостика долетел голос Дика Сэнда:

— Василий Федорович! Ветер крепчает... шторм усиливается... жду ваших приказаний.

— Ведите бриг неуклонно к югу. Так держать! — скомандовал русский капитан.

— Есть так держать! — отозвался юноша.

— Убрать марсели! Поставить зарифленные триселя, штормовую бизань и фокстеньга-стаксель, — слышались команды капитана корвета.

— Есть! Убрать марсели! — крикнул Немо и бросился к вантам.

За ним поспешили Гулливер и Артур Грэй.

— На руле не зевать! — приказал командир «Коршуна», закрепляя нижний парус. В этом деле ему помогали Робинзон и Петя.

— Именно не зевать! — воскликнул Тартарен. — Я побегу вниз — свистать всех наверх! Пойдем, Петя, здесь дует.

— Никуда я не пойду, — упрямо ответил мальчик. — И пускай дует! Мама сейчас далеко, на берегу.

Дик Сэнд, склонившись над картой, отметил курс брига «Пилигрим».

— Внимание! Мы подходим к самой южной точке экспедиции английского мореплавателя Джеймса Кука. Он не рискнул идти дальше и отсюда повернул обратно, курсом на северо-восток, к Земле Сандвича.

— А мы пойдем дальше, — торжественно заявил Василий Федорович. — Много дальше! По пути русских мореплавателей Фаддея Беллинсгаузена и Михаила Лазарева, открывших Антарктиду, дорогой Петя. Запомнишь?

— Что? Да я теперь удивлю весь класс! Держись, Сережка Федоров! Посмотрим, кто теперь из нас будет первый человек в шестом «Б»! — восторженно заявил Петя. От полноты чувств он зазевался и выпустил из рук штормовой леер.

Сильный порыв ветра почти снес его за борт, но в последний момент Робинзон Крузо успел схватить мальчика за шиворот и втащить обратно на палубу.

Происшествие не вызвало никаких разговоров, так как в это время из тумана вынырнул огромный айсберг.

— Лево руля! — крикнул командир «Коршуна». — Поворот на четыре румба!

Дик Сэнд навалился на штурвал. Накренившийся бриг прошел почти вплотную мимо ледяной горы.

Вблизи раздалось несколько гулких звуков, похожих на пушечные выстрелы.

— Тревога! — завопил Тартарен.

— Отставить тревогу! — успокоил его капитан корвета. — Это сталкиваются плавучие льды.

Ветер понемногу стал стихать. Лучи полярного солнца пробили пелену тумана и осветили бриг «Пилигрим», искусно лавировавший между льдинами.

Петя, свесившись за борт, заметил плывущую бутылку.

— Капитаны! К борту прибило какую-то бутылку!

— А мы сейчас ее достанем, — сказал Робинзон, бросая за борт веревочный трап.

Он спустился вниз и поймал бутылку. Гулливер и Немо вытянули трап вместе с Робинзоном на палубу.

Больше всех суетился Тартарен.

— У меня предчувствие — это портвейн! Кстати, все врачи Тараскона настаивали, чтобы я принимал его во время дальних морских походов, путешествий, странствований, прогулок и визитов к друзьям. Живее, Робинзон. Осторожно, не разбейте бутылку!

— Там, наверное, письмо. Я читал в разных романах, — прошептал Петя.

Он как зачарованный глядел на то, как снимали сургуч, как откупоривали старинную пузатую бутылку темного стекла, как капитан корвета осторожно извлек из нее пожелтевший от времени листок бумаги.

— Ну, Петя, ты самый молодой среди нас моряк и первый раз видишь такое письмо. Читай! — предложил Немо.

Мальчик с трепетом развернул письмо и срывающимся голосом стал читать:

— «Того, кто выловит эту бутылку, покорнейше прошу доставить сие в город Кронштадт, Корабельная, 12, отставному боцману Федору Герасимову. Дорогие родители! Низко кланяюсь вам из Южного океана. Не знаю, приведется ли снова повстречаться? Кругом туманы, штормы... сегодня сотый день, как плывем во льдах, земли не видать, а приказ капитана Беллинсгаузена один: так держать. Однако, если есть эта Антарктида — с честью водрузим над ней русский флаг. Будьте благонадежны, папаша и мамаша. Еще кланяюсь соседской Оленьке. Остаюсь сын ваш Иван, матрос первой статьи. Борт шлюпа «Мирный».

Тартарен от удивления так сильно всплеснул руками, что его малиновая феска съехала на затылок.

— О-о, медам и месье! Неужели эта бутылка с сургучом проплавала по морям полтора года лет?! В это не поверит никто в Тарасконе.

— Клянусь почтой Нептуна, — перебил Робинзон Крузо, — бутылочные письма ставили множество са-

мых различных рекордов. Ну, например: одна такая бутылка была выпущена в тысяча девятьсот шестьдесят втором году в австралийском городе Перт и поймана вблизи Майами — в штате Флорида. Она проделала путь в 26 000 километров, и меня вовсе не удивляет бутылка, которая проплавала сто пятьдесят лет!

Тем временем капитан корвета «Коршун» в задумчивости перечитывал матросское письмо. Потом он бережно спрятал его за обшлаг мундира и обратился к Пете:

— Запомни, юнга! Это писал один из русских моряков, о которых в старину говорили: «На наших деревянных судах плавали железные люди!»

Не успело эхо разнести эти слова над просторами Южного океана, как раздался беззаботный голос Дика Сэнда:

— Капитаны! На горизонте какой-то корабль.

Все схватились за подозрные трубы. Гулливер прервал общее молчание:

— Если я не ошибаюсь — это быстроходный фрегат!

— С большой парусностью. И, клянусь всеми китами Антарктики, с еще большим количеством пушек! — насторожился Робинзон.

— Он следует по нашему курсу, — не отрываясь от подозрной трубы, добавил Немо.

— Ах, друзья мои, — встрепнулся Тартарен. — Терпеть не могу, когда за мной в пустыне увязывается стая львов... или в открытом море многопушечные фрегаты.

И тут Петя Синицын громко рассмеялся:

— Неужели вы опасаетесь пиратов! Ведь их давно не существует. Нигде, кроме романов.

— Как сказать, — процедил сквозь зубы капитан корвета. — На всякий случай надо прибавить ход. Брать рифы! Поднять грот-брамсели, фор-брамсели, крьюйс-брамсели!

— Да, да, не забудьте поднять эти... крьюйс-брамсели, — распорядился Тартарен вдогонку Робинзону и Гулливеру, поспешившим к вантам.

Немо все еще наблюдал в трубу.

— Они тоже поднимают все брамсели...

Фрегат полным ходом шел по вспененному морю.

Билл Аткинс перегнулся вниз из «вороньего гнезда» на верхушке фок-мачты.

— Ясно вижу! Бриг «Пилигрим»!

Николь на капитанском мостике крикнул в рупор:

— Боевая тревога! Свистать всех наверх!

Усатый боцман завел трели на своей дудке...

На палубу высыпали матросы, на ходу напяливая куртки.

К орудиям встали канониры. Открывались пушечные порты. Из снарядных погребов быстро передавались по цепочке пушечные ядра.

Последним среди подносчиков снарядов вблизи главной пушки стоял Мюнхгаузен в матросском платье. Он принимал ядра и методически выбрасывал их за борт.

Он уже поднял очередное ядро, чтобы швырнуть его в воду, как перед ним неожиданно вырос канонир.

— Да ты что?

— Приказ вдовы Скорбит, — выпалил барон, ударяя канонира ядром по голове.

Тот без чувств свалился за борт... и Мюнхгаузен занял его место у главной пушки. Скрывая свое лицо от пробегающей миледи, он нагнулся и прочистил дуло банником.

Сияющий Барбикен влетел в каюту Еванжелины:

— Мадам Скорбит! Имею честь... Мы на расстоянии. Пушечного выстрела!

Его слова покрыл грохот далекого залпа. Это капитаны на борту «Пилигрима» салютовали из маленькой китобойной пушки, ружей, пистолетов, вовсе не подозревая о грозящей опасности.

Петя, зажмурившись, спустил курок одного из бесчисленных пистолетов Тартарена.

Перед ним в лучах выглянувшего из-за туч солнца лежала Антарктида — ледяная, безжизненная поверхность огромной, неведомой земли.

— Ух и расскажу же я, как мы отдавали салют в честь русских моряков — первооткрывателей Антарктиды! — восторженно произнес Петя. — Мне даже папа будет завидовать!

Тартарен опасливо посматривал на мелкие льдины, проплывавшие за кормой «Пилигрима».

— Напрасно мы открыли такую пальбу. С не меньшим успехом салют можно было отдать за ужином в нашей кают-компании. Стук вилок, звон посуды, хлопанье пробок.

— Достопочтенный Тартарен, нам нечего опасаться. Этот неизвестный фрегат давно потерял нас из виду среди плавучих льдов, — улыбнулся Гулливер.

— Вряд ли мы здесь кого-нибудь встретим. Разве только айсберги, — отозвался от штурвала Дик Сэнд.

И действительно, неподалеку от брига по правому борту показалась огромная ледяная гора.

— Это и есть айсберг? — спросил Петя. — Да он больше высотного дома.

Капитан корвета дружески похлопал мальчика по плечу:

— Это средний айсберг. В южных морях встречаются ледяные великаны, у которых надводная часть достигает 500 метров. Но главная масса айсберга, подводная, в шесть — семь раз превышает надводную часть.

Бриг шел дальше вдоль берега Шестого материка, встречая все новые и новые айсберги.

— Смотрите, сколько их! — воскликнул маленький капитан Синицын. — Откуда они берутся?

На этот раз ему ответил Немо:

— Мы, Петя, находимся в южной столице айсбергов. Эти ледяные горы — только обломки гигантских ледников, сползающих с материка Антарктида в океан. А в северном полушарии родина айсбергов — Гренландия и Аляска.

— Как красиво! — восхищенно воскликнул мальчик, не отрывая глаз от сверкающих на солнце плавающих ледяных глыб. — Мне очень нравятся айсберги!

— Когда ты станешь настоящим моряком, они тебе будут нравиться значительно меньше. Они очень опасны для кораблей, особенно ночью или в тумане... — возразил Пете Артур Грэй.

Тартарен, ни слова не говоря, взял мальчика за руки и увлек к левому борту. И юный путешественник сразу забыл про айсберги. На берегу с отлогой ледяной горы скатывались на животах веселые пингвины.

Петя, вцепившись в обшивку борта, во все глаза глядел на играющих птиц. Некоторые из них важно прохаживались, оглядывая друг друга, как полагается на гулянии. Другие церемонно раскланивались при встрече. А были и такие, что стояли, как будто ведя дружескую беседу. Кое-кто и переругивался, хлопая себя крыльями по бокам.

Тартарен извлек из своих необъятных карманов губную гармонику.

— А сейчас, Пьер Синицын, ты увидишь бал в Антарктиде. Королевские пингвины обожают музыку, особенно в виртуозном исполнении.

Толстяк заиграл на гармонике. И тут, вблизи Южного полюса, прозвучала незатейливая танцевальная мелодия солнечного Прованса. На звуки музыки со всех сторон сбегались пингвины, выделявая умиротворительные па.

Капитаны и Петя были так увлечены этим зрелищем, что не заметили, как из-за большого айсберга выплыл фрегат с вымпелом Пушечного клуба на бизань-мачте.

— По Клубу знаменитых капитанов — огонь! — скомандовал капитан Николь.

Заревела боевая сирена. Канониры дали залп из пушек. Весь фрегат окутался клубами дыма.

Ядра крошили ледяные скалы. От падающих снарядов вскипала вода. Борт «Пилигрима» был пробит в нескольких местах.

На палубу валились обломки рей и обрывки снастей, обрушилась за борт грот-мачта.

Капитан корвета крикнул в рупор:

— Поворот через фордевинд! Отвечать на огонь!

Дик Сэнд навалился на штурвал. Судно, кренясь, сделало крутой поворот, уходя за айсберги.

Немо и Гулливер палили по фрегату из кормовой пушки. По палубе сновал Петя, поднося ядра.

— Пьер! В каюту! — перехватил его Тартарен.

Он отнял ядро и столкнул Петю в люк, задрав крышку над головой мальчика. Затем Тартарен, преодолевая страх, пополз по палубе, волоча за собой ядро.

В это время из соседнего люка появилась голова Пети. Маленький капитан пробрался за спиной Тартарена и начал подносить ядра ко второй пушке, из которой вели огонь капитан корвета и Артур Грэй.

Командир «Коршуна», принимая от Пети ядра, крикнул сквозь пороховой дым:

— Молодец! Так держать, brave юнга!

— Есть так держать, капитан!

Меткий пушечный выстрел Артура Грэя поразил прислугу у носовой пушки фрегата капитана Николая. Взрывная волна унесла цилиндр Барбикена за борт и свалила с ног вдову Скорбит. Отчаянно залаял пудель.

Пользуясь замешательством, переодетый матросом Мюнхгаузен в облаках порохового дыма подбежал к умолкнувшей пушке и, повернув дуло к облакам, открыл беглый огонь. Выстрелы следовали с неравными интервалами и, точно глухие удары в барабан, разносились над морем.

Командир «Коршуна» поднял закопченное от пороха лицо и прислушался к методическим выстрелам:

— Капитаны! Внимание! Этот беглый огонь ведется по какой-то системе.

И действительно, выстрелы напоминали телеграфные сигналы.

— Позвольте, — заметил Немо. — Стрельба ведется по азбуке Морзе!

— Точка... тире... точка... точка... тире, — записывал Дик.

Петя пробрался к пятнадцатилетнему капитану и заглянул через его плечо на листок бумаги:

— Разрешите мне расшифровать. Меня научил папа, когда был в отпуске... «Вы атакованы... Пу-

шечным клубом... Продолжайте... заседание... положитесь... на... меня... Мюн...»

И вдруг скорострельная пушка умолкла.

— Ах, Мюнхгаузен! — догадался Тартарен. — Но почему только «Мюн...»?

И если бы Тартарен мог перенестись на борт фрегата Пушечного клуба, в салон вдовы Скорбит, он бы понял, почему эта необычная телеграмма оборвалась.

Крепкие руки матросов держали Мюнхгаузена. Его допрашивали заправила Пушечного клуба.

— А я утверждаю... Этот матрос. Не просто вел огонь. Он подавал. Какие-то сигналы! — бушевал Барбикен.

Барон с горячностью начал оправдываться:

— Господин директор-распорядитель! Господа члены! Госпожа вдова Скорбит! Я должен был испытать пушку и как следует пристреляться.

С верхней палубы в салон доносились звуки пушечной канонады. В каюте качались люстры и подвески у бра.

— Допустим. Но кто вы такой? Я вас не нанимала... — подозрительно спросила вдова Скорбит. — Я хорошо помню, кому плачу деньги.

— Какие деньги? — нарочито возмутился Мюнхгаузен. — Я свободный художник-артиллерист! Артист ядра и пули!

В это время осколок ядра разбил иллюминатор над его головой, но барон как ни в чем не бывало продолжал свой рассказ:

— Представьте себе, мой друг, капитан Фиппс, остался без спичек на необитаемом острове и не мог закурить свою сигару. А я находился на бриге за десяток миль. Один меткий выстрел из пушки — и зажигательный снаряд угодил прямо в кончик сигары.

Правда, Фиппсу снесло голову, но он успел прикурить!

Барбикен вынул изо рта потухшую сигару и нервно бросил ее в пепельницу.

— Этот человек мне нравится!.. — засмеялась вдова Скорбит.

— И совершенно напрасно! — крикнула миледи, входя в салон в сопровождении Негоро и Билла Аткинса. Она пробежала по качающемуся полу прямо к пленнику, разорвала на нем матросскую куртку и содрала с головы берет.

— Мюнхгаузен! — хором вскричали члены Пушечного клуба, увидев перед собой барона в его красочном одеянии. И это восклицание прозвучало как приговор.

Бедный барон был привязан к дулу большой пушки. Артиллеристы ждали команды. К орудию подошла торжествующая миледи:

— Что бы вы хотели сказать перед смертью, барон?

— Я любил и страдал! — не задумываясь, ответил Мюнхгаузен. — Я любил правдивые истории и страдал, когда не мог их придумать.

— Итак, один из знаменитых капитанов отправляется в свое последнее путешествие, — с удовольствием отметила вдова Скорбит.

— Пли! — скомандовал капитан Николь.

Оглушительный выстрел. Большая пушка откатилась назад. И Мюнхгаузен взлетел на воздух. Его догнало ядро.

Барон изловчился и вскочил на него верхом, достал зеркальце и гребенку, расчесал бородку, усы. Затем, пользуясь фалдами своего камзола как рулем, он пронесся над палубой горящего «Пилигрима» и, лихо спрыгнув с ядра, очутился в объятиях Тартарена.

— Общий поклон, друзья мои, — радостно приветствовал капитанов Мюнхгаузен. — Надеюсь, все живы?

— Ах, дорогой друг, — горестно ответил Тартарен, гася горящий плед. — Если это можно назвать жизнью, то мы живы!

Петя смотрел на барона широко раскрытыми глазами. Он был поражен и восхищен этой встречей.

— А я знаю, кто вы, раз вы прилетели на ядре! Как на картинке! Вы — Мюнхгаузен!

— С кем имею честь? — поклонился тот.

— Синицын, Петр, ученик шестого «Б». Только боюсь... вы не успеете мне ничего рассказать. Видите, что делается.

Но Мюнхгаузен был полон безудержного оптимизма.

— Больше фантазии, юнга! И мы с тобой еще полетим на Луну, или что там Луна! Мы прокатимся на мотоциклах по кольцу Сатурна! Итак, будем продолжать наше заседание! Я хотел бы сообщить, что Пушечный клуб...

Грянул очередной залп с фрегата. Каленые ядра пробили обшивку ниже ватерлинии. В зияющие дыры хлынула вода.

— Вам придется все остальное сообщить акулам, — перебил барона Робинзон, кидаясь к спасательной шлюпке.

— Мы идем ко дну! — закричал Дик Сэнд, оставляя бесполезный штурвал.

— Шлюпку на воду! Мальчика вперед! — приказал капитан корвета.

Разбитый бриг «Пилигрим» уходил под воду. В спасательной шлюпке навалились на весла капитаны. Рядом с Артуром Греем на корме сидел дрожащий Петя...

С пиратского фрегата на таях спустили четыре вельбота, переполненные вооруженными людьми.

Среди плавучих льдин стоял на якоре корабль Пушечного клуба. На корме за большим столом, покрытым зеленой скатертью, расположились заправилы клуба, среди них вдова Скорбит и миледи. Знаменитые капитаны в наручниках были выстроены в одну шеренгу. Капитан корвета прижимал к себе Петю Синицына.

Группа вооруженных пиратов во главе с Негоро и Биллом Аткинсом несла караул.

Барбикен вежливо приподнял цилиндр.

— Господа капитаны! Пушечный клуб был бы весьма признателен. Назовите ваши подлинные имена. Пустая формальность. Для точности приговора.

— Наши имена можно найти в любом книжном шкафу, — с гордостью ответил Немо.

— Конечно, у цивилизованных людей, — усмехнулся Гулливер.

Негоро схватил Немо за перевязанное плечо.

— Куда ты гнешь, молодчик?

Немо отбросил старого пирата прочь.

— Уберите ваши грязные лапы с моего переплетта. Я капитан Немо, герой романа «Восемьдесят тысяч километров под водой». Я возглавил восстание сипаев. Мы были разбиты. За мою голову губернатор назначил цену, но во всей Индии не нашлось предателя.

— Какая непрактичность! — удивилась вдова Скорбит.

— Я бежал на далекий остров, — продолжал Немо. — Выстроил свой подводный корабль «Наутилус» и скрылся в морских пучинах. На дне океанов я находил несметные сокровища и передавал их тем, кто боролся за независимость своего народа.

Капитан Николь напряг свою память.

— Вы не помните, господа, у нас в клубе жгли эту книгу?

Его оборвал Барбикен:

— Помолчите, Николь! Еванжелина Скорбит хочет говорить!

Хозяйка Пушечного клуба поднялась с места, обращаясь к Немо:

— А вам известно, сударь, что по уставу нашей компании...

Ее гневно перебил Дик Сэнд:

— Я знаю цену вашей компании, хотя мне всего пятнадцать лет. Я Дик Сэнд, герой романа «Пятнадцатилетний капитан».

И тут не выдержал Негоро:

— Расскажи лучше о своей дружбе с негром!.. — И португалец кинулся на Дика с кулаками, но его отбросил в сторону Робинзон.

— Оставьте в покое юношу. Если вам уж так хочется, я расскажу о моей дружбе с индейцем Пятницей. Я Робинзон Крузо, доказавший, что человек может своим трудом добиться всего.

— Очень вредная личность, — услужливо заметила миледи, склоняясь к вдове Скорбит.

Эти слова долетели до чуткого уха Тартарена.

— Не нахожу, медам. — Он изящным жестом накинул на плечо обрывки пледа, но... его рука вылезла из дыры, нарушая всю грацию поклона. — Мы связаны с Робинзоном Крузо долголетней дружбой. Перед вами, медам и месье, Тартарен из Тараскона!.. Бесстрашный охотник, альпинист и глава тарасконской колонии Порт Тараскон!

— Как попал в их компанию этот безобидный весельчак? — изумился Билл Аткинс.

— Не очень безобидный! — сухо сказал Барбикен. — При его участии писатель Альфонс Доде зло высмеял нашу колониальную политику.

— Мой автор Джонатан Свифт пошел значительно дальше, — вставил Гулливер. — Он создал бессмертную сатиру на знатных и богатых, на королевский двор и на лженауку...

— Гулливер? — подняла лорнет миледи.

— Да, Лемюэль Гулливер, собственной персоной. И я имею честь засвидетельствовать, что коварные лилипуты были много порядочнее вас, а гингнмы — лошади — значительно умнее!

— И я сожалею, что повстречался с вами, леди и джентльмены, — вздохнул барон. — Честное слово Мюнхгаузена!

— Возмутительно! — не сдержалась вдова Скорбит. — Каждым своим словом он всегда высмеивает ложь.

— Мало того, — поддакнул Барбикен. — Он воспитывает в детях вреднейшее чувство фантазии! Вот... в таких, как этот несчастный мальчуган. — И директор-распорядитель указал тростью на Петю.

— Вы не очень-то задавайтесь, — не на шутку обиделся Петя. — А вы знаете, кто открыл Антарктиду?! Или где остров Визе?

Барбикен сердито позвонил в колокольчик.

— Это к делу не относится. Здесь вопросы задаем мы. Молчать!

— А я, капитан корвета «Коршун» из повести Станюковича, могу заверить, что мои читатели вас нисколько не боятся! — поддержал мальчика капитан корвета.

Негромко звякнули кандалы, и вперед вышел Артур Грэй.

— Мне вспоминаются слова моего автора Александра Грина... «Сочинительство всегда было внешней моей профессией, а настоящей, внутренней жизнью являлся мир... Среди отверженных находились целые страны, нации и даже расы...»

— Этот капитан — самая опасная личность во всей шайке! Ведь он поставил на своем галиоте «Секрет» алые паруса! — в бешенстве перебил Николь.

— Довольно болтовни! Вздернуть их на рею! — крикнул Негоро.

— Лучше отравить, — зашипела миледи. — Яд надежнее веревки.

— Сжечь. Со всеми корешками! — предложил Барбикен.

— Книгу нельзя уничтожить, — спокойно заявил командир «Коршуна». — И мысль не боится пламени.

— То, что нельзя уничтожить, можно предать забвению, — ледяным тоном изрекла вдова Скорбит. —

Выбросить всех на плавучую льдину, где их неко-
му будет читать. Пусть погибнут во мраке полярной
ночи!

* * *

Ветер гнал волны по океанским просторам. Над
водой, как башни, возвышались причудливые айс-
берги. Огромный кашалот проплыл мимо одинокой
льдины, где тесно сгрудилась кучка людей. Это были
восемь знаменитых капитанов и Петя Синицын.

— Корабль! — раздался радостный голос Дика Сэнда.

— Кажется, мой «Коршун». Не может быть, —
изумленно прошептал капитан корвета, разглядывая
появившееся на горизонте судно.

Эти полтора часа показались им вечностью. Но они
миновали, как и все приключения этой необыкновен-
ной ночи. Корвет «Коршун» лег на обратный курс, а
капитаны в обществе Пети Синицына грелись горячим
чаем в отделанном красным деревом салоне команди-
ра. И здесь вахтенный начальник ответил на недоумен-
ный вопрос мальчика: откуда на «Коршуне» узнали об
их бедствии и где, собственно, оно произошло?

Оказывается, моряки с корвета слышали разговор
заправил Пушечного клуба, когда те возвращались на
страницы романа Жюль Верна «Вверх дном». Своим
спасением капитаны были обязаны болтливости вдо-
вы Скорбит.

* * *

Мимо здания Химкинского вокзала в предрассвет-
ной мгле точно призрак проскользнул корвет «Коршун».
Где-то на берегу запел петух.

На корме корабля стояли восемь знаменитых капитанов. С берега им махал пионерским галстуком Петя Синицын.

— Капитаны! — кричал он вслед кораблю. — Я обещаю вам... папе... Вере Васильевне... учиться по географии только на пятерки!

С кормы раздался голос Тартарена:

— Браво, Пьер! Только помни — есть и другие предметы... Зачем же их обижать?

Торжественно звучал голос Артура Грэя:

— Запомни, Петр Синицын! Мы — герои лишь нескольких книг. На наших страницах пенятся океаны, сердитые ветры надувают паруса, отважные люди борются со стихией, открывают новые земли, наносят на карты неизвестные острова. Мы только маленький отряд огромной книжной армии.

Первые лучи, брызнувшие из-за леса, позолотили шпиль Речного вокзала.

* * *

В помещение своей библиотеки вбежали капитаны. За стеклами шкафов виднелись бесчисленные книги. Наши герои взобрались на полки и остановились возле романов, со страниц которых они сошли.

Солнечный свет озарил цветные корешки книг, выстроенных, как войска на параде.

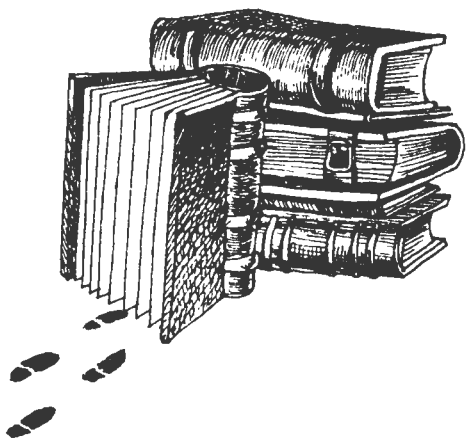
— Восходит солнце, — негромко произнес Немо, открывая переплет романа Жюль Верна, — и мечтатели, читавшие всю ночь напролет, гасят лампы.

Капитаны, стоя у раскрытых переплетов, запели свою традиционную песенку:

За окошком снова
Прокричал петух...
Фитилек пеньковый
Дрогнул и потух.
Синим флагом машет
Утренний туман...
До свиданья — вашу
Руку, капитан!

Робинзон Крузо, закрывая за собой переплет, ска-
зал на прощанье:

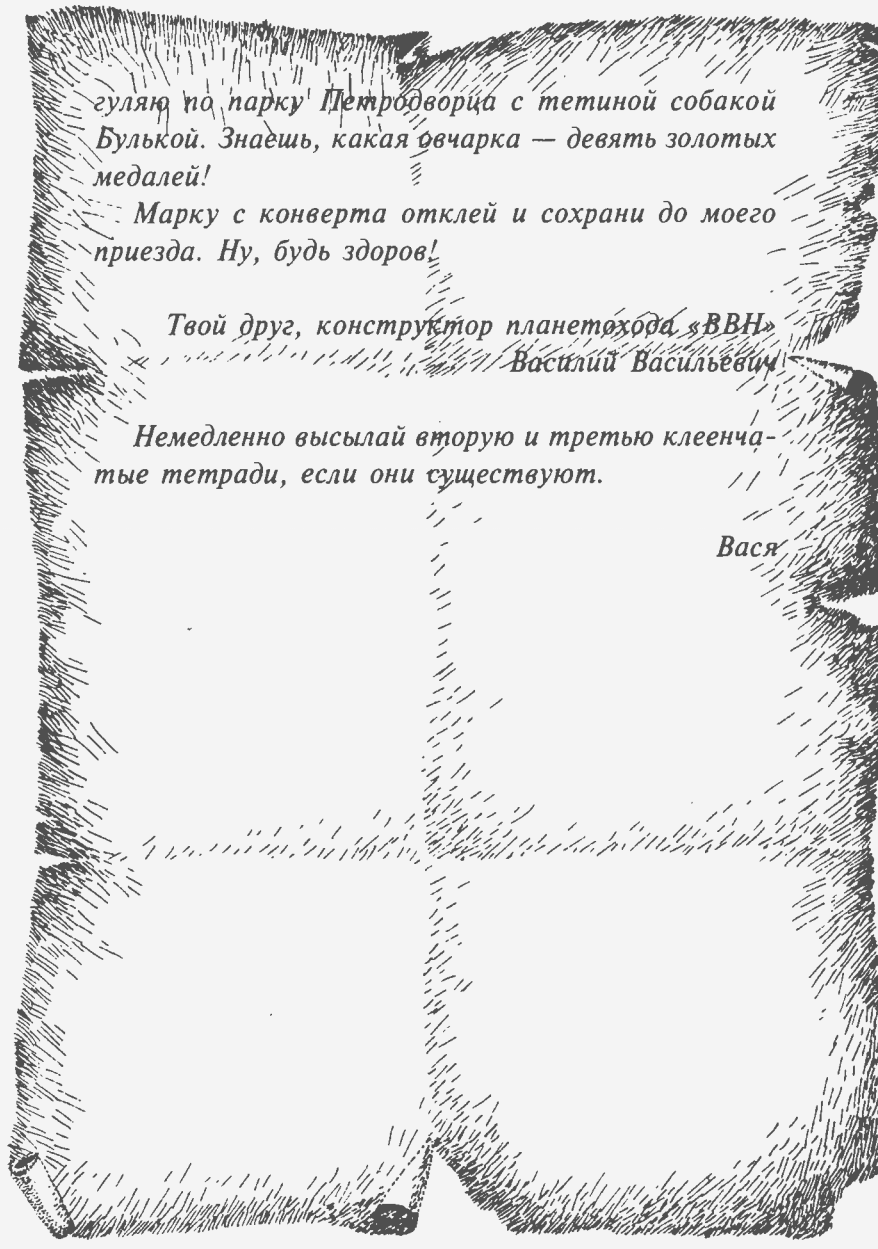
— И, как говорится в романах, продолжение следует.
В третий раз задорно, весело прокукарекал петух.

Здравствуй, Сережа!

Твое послание получил и внимательно прочитал первую клеенчатую тетрадь Клуба знаменитых капитанов. Не хочу тебя разочаровывать. Однако вся эта история мне кажется весьма сомнительной. Не могут же на самом деле книжные герои сходить со страниц своих романов? Я тоже увлекаюсь фантастикой, но больше люблю подлинные события. Мне очень понравились географические истории, которые вспоминают капитаны. Впечатление произвело и твое письмо о ледниковых котловинах озер Подмосковья. Когда вернусь в Москву, непременно побываю на Озере чаек.

Сколько я ни думал, никак не могу понять: откуда взялся старинный сундучок в дупле испанского дуба? И кто же все-таки написал эти интересные журналы? Не могли же на самом деле их сочинить Артур Грэй или Робинзон Крузо? Но я все это выбросил из головы, потому что занялся моделью планетохода «ВВН». Могу по дружбе открыть тебе секрет: «ВВН» — это я Василий Васильевич Новиков! Погода у нас хорошая.купаюсь, катаюсь на лодке. В свободное время

гуляю по парку Петродворца с тетиной собакой
Булькой. Знаешь, какая овчарка — девять золотых
медалей!

Марку с конверта отклей и сохрани до моего
приезда. Ну, будь здоров!

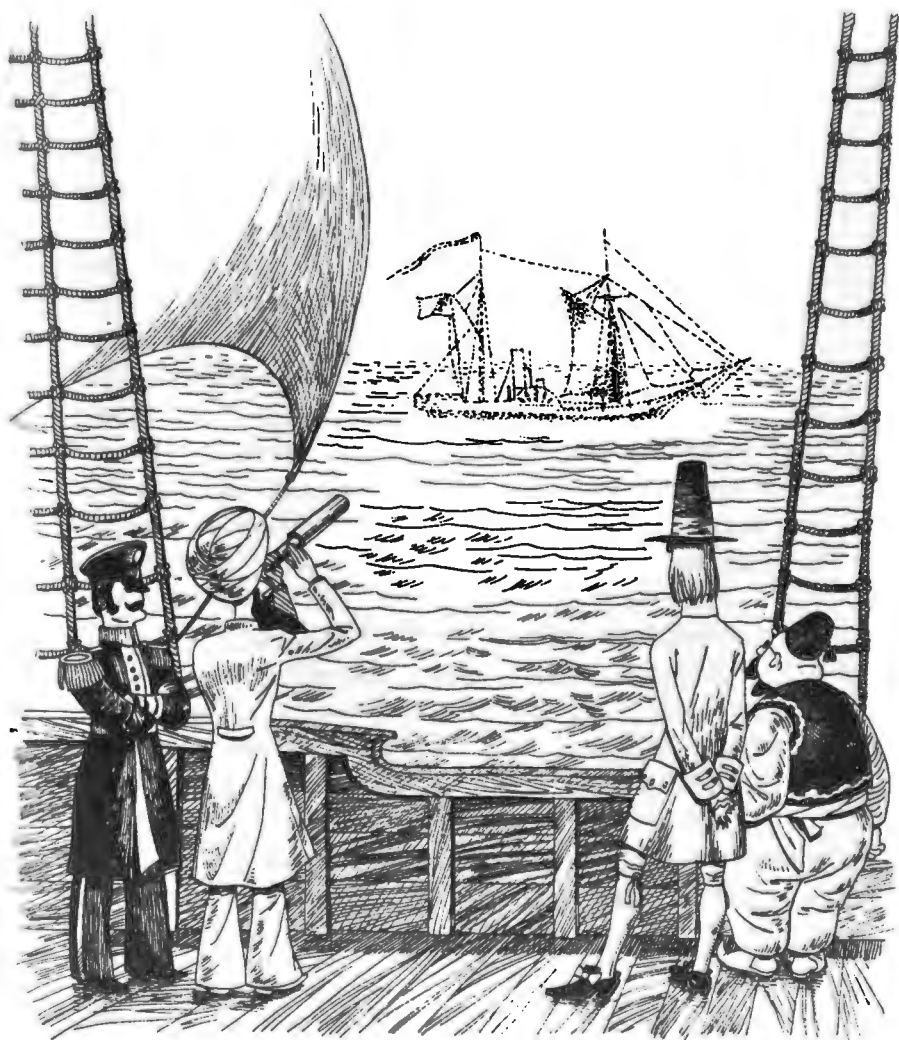
Твой друг, конструктор планетохода «ВВН»
Василий Васильевич

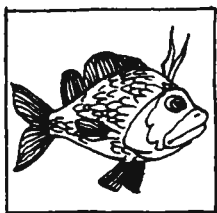
Немедленно высылай вторую и третью клеенча-
тые тетради, если они существуют.

Вася

«АРЕС ОТПРАВЛЕНАЯ: АТЛАНТИДА»

Вторая клеенчатая
тетрадь

Как известно всем нашим юным друзьям, со времени основания клуба знаменитые капитаны множество раз испытывали радость новых приключений и морских странствий, попадали в самые затруднительные обстоятельства и разгадывали, казалось, неразрешимые загадки морей и океанов. Но то, что произошло в эту встречу, многим покажется совершенно невероятным. Однако в записях, сделанных в вахтенном журнале, мы нисколько не уклонились от истинного курса. Если когда-нибудь эта история будет опубликована, в этом смогут убедиться все.

Итак, в этот достопамятный вечер в нашей библиотеке все было похоже на сказку...

Через закрытую дверь доносились звуки таинственной музыки, которая звучала откуда-то сверху, не то из небесных сфер, не то из актового зала. Выглядывая из переплетов, мы с удивлением заметили, что возле зеркала стояла помещица Ларина в кружевном платье с воланами. Мы ее, конечно, узнали сразу по рисунку из книги «Евгений Онегин». Но не сразу нам пришла в голову мысль, что это была всего-навсего Мария Петровна, заведующая библиотекой, где мы подняли на мачте вымпел Клуба знаменитых капитанов тридцать лет тому назад.

Из-за нарядной елки выбежала пушкинская Татьяна во всем блеске своей юности и красоты. Но ни прическа с буклями, ни платье с фижмами и оборками не могли скрыть от нас, что это была наша любимица Катюша, помощница Марии Петровны.

Мы часто встречались с пушкинскими героями в переплетной, в книжных магазинах, в читальном зале

и в совместных путешествиях в сумках читателей. Но нет, это были они и не они... Что же мог означать подобный маскарад?

Тихо раскрылась дверь, и в нашу кают-компанию вошли два бородатых гнома. Один побольше, в голубом атласном костюме с капюшоном, а другой совсем маленького роста, в розовом одеянии.

Их появление поначалу осталось незамеченным, потому что обе наши начальницы прихорашивались перед зеркалом.

Мария Петровна была в чудесном настроении, что с ней случалось отнюдь не часто.

— Ах, Катюша!.. — сказала она с улыбкой. — Когда я смотрю на вас, да и на себя... Невольно вспоминаю свое детство. Я снова верю в чудеса и сказки. И мне кажется, что вот-вот придут маленькие гномы с новогодними сюрпризами.

Стараясь быть солидным, отозвался голубой гном:

— А мы здесь!

— Кажется, действительно начались чудеса. Катюша, гномы!..

Маленький розовый гном восхищенно разглядывал Катюшу. Наконец он не выдержал и пролепетал:

— Скажите, вы Татьяна Ларина?

Но Мария Петровна тут же пояснила, очевидно, из педагогических соображений, что это вовсе не Татьяна, а помощник заведующего библиотекой, ее помощник.

Гномы тихо пошептались между собой. А потом голубой доверительно признался, что, по правде говоря, они тоже не гномы, а ученики четвертого класса.

Но розовый гном продолжал твердить свое:

— Нет, сейчас мы гномы, гномы, гномы!.. Сегодня в школе литературный новогодний бал...

Катюша стала поторапливать гостей. Ведь Спящая красавица не может проснуться, пока они не появятся на балу.

Гномы откинули капюшоны и сняли бороды. Оказалось, что это мальчик и девочка.

— Мы по поручению... — пояснила девочка. — Мы не от себя... Мой брат уже большой... Он в кружке юных моряков...

Мальчик нетерпеливо ее перебил:

— И весь кружок поручил нам повесить на вашу елку сюрприз. Но это большая тайна.

И он извлек из кармана якорь в сверкающей золотом обертке.

Мария Петровна рассмеялась и тут же разорвала обертку. Оказалось, что якорь шоколадный. Старая библиотекарьша разломилла его на четыре части и угостила всех.

Мальчик был растерян, и девочка чуть не плакала. Они робко стали говорить, что это подарок для знаменитых капитанов и что так нельзя...

Но что поделаешь? Из обломков якоря уже капала кремовая начинка. Пришлось все съесть. Катюша пребывала в состоянии задумчивости.

— Знаменитые капитаны... Кто они такие? И причем тут наша библиотека?

Тем временем Мария Петровна уже накинула шубу поверх своего бального платья.

— Обыкновенная фантазия. Ну мало ли что могут придумать дети. Да к тому же они сейчас гномы и живут в мире чудес. И, взяв за руки голубого и розового гномов, «помещица Ларина» важно проследовала к выходу.

Катюше оставалось только еще раз мельком взглянуть в зеркало, прихватить веер и последовать за ними на литературный бал.

Хлопнула дверь. Большие стоячие часы в футляре из красного дерева медленно и гулко пробили семь ударов.

Первым с книжной полки соскочил Дик Сэнд и устремился к елке. Следом за ним подошли Робинзон Крузо, капитан Немо, капитан корвета «Коршун» и Лемюэль Гулливер. В этот момент старые морские волки чувствовали себя немного детьми. Они разглядывали украшения, поправляли флажки, зажигали свечи.

Немо утверждал, что такая большая елка не поместилась бы в салоне «Наутилуса». А Гулливер ответственно заявил, что даже в Стране говорящих лошадей — гуингнмов, даже на летающем острове Лапута он не встречал подобной красавицы.

Внезапно раздался шум падающих книг... Глухие стоны... Их заглушил грохот книжного обвала...

Капитаны бросились откапывать придавленного книжными горами человека. Из хаоса падающих томов торчал лакированный ботфорт со шпорой. Всем нам пришла мысль, что несчастье постигло Карла Фридриха Иеронима барона фон Мюнхгаузена. И мы не ошиблись.

Работая впятером, мы довольно скоро откопали нашего старинного друга, придавленного томами Большой энциклопедии. В руках его были зажаты ножницы и клей.

— Клянусь горными обвалами, — укоризненно сказал Робинзон Крузо, — в ваши годы, капитан Мюнхгаузен, надо быть осмотрительнее.

Но знаменитый «поборник истины» уже оправился от испуга и, поправляя кружевные манжеты, ворчливо ответил:

— Чего не сделаешь ради науки. Я честно пытался к Новому году вставить в энциклопедию на букву «М» свою фамилию. И вдруг этот ужасный книгопад! Только Тартарен из Тараскона, покоритель альпийских вершин, мог бы меня понять. А... где он?

И тут только все заметили отсутствие капитана Тартарена. Высказывались самые различные предположения. Некоторые полагали, что он нежится на руках у какого-нибудь юного читателя. Другие думали, что он застрял на праздничной охоте за трофеями. Было даже высказано предположение, что он устремился на литературный бал.

И здесь Мюнхгаузен сделал новое грустное открытие. Отсутствовал не один Тартарен. В кают-компанию не прибыл и герой феерии Александра Грина «Алые паруса» — Артур Грэй, капитан галиота «Секрет». Это всех обеспокоило еще больше. Ведь он никогда не опаздывал на встречу клуба. Его в такой вечер могли задержать только самые исключительные обстоятельства.

Нас несколько утешило сообщение Лемюэля Гулливера. Оказалось, что прошлой ночью Артур Грэй постучал в переплет книги Джонатана Свифта и шепотом сообщил, что он отплывает в Лисс. Там, в торговых кварталах, он хотел найти новогодний подарок для своей любимой Ассоль. Морской сувенир, прекрасный, как ее улыбка.

Но Робинзон Крузо пребывал в тревожном настроении.

— Ну, если Артура Грэя задержал шторм на обратном пути, это еще полбеды. Галиот «Секрет» надежное судно, а его капитан опытный моряк. Но сейчас все лавки уже давно закрыты. А закоулки такого порта, как Лисс, — опасное место. Нако-

нец, мало ли что может случиться в ночь под Новый год!

Дальнейшие его размышления вслух заглушил скрип колес. Это Мюнхгаузен выкатывал пушку со страниц романа Жюль Верна «С Земли на Луну».

Заметив общее изумление, Мюнхгаузен пояснил, в чем дело:

— Не думайте, что я собираюсь на Луну. Как известно, я уже там бывал два раза, и даже выступал в одном из лунных цирков. Я отправлюсь прямым курсом в Лисс! Не могу здесь оставаться! В мягком кресле! У камина! Меня мучает неизвестность. А вдруг Артур Грэй попал в лапы пиратов! Вылетаю ему на помощь. Немедленно! Да что вы так на меня смотрите? А-а-а... Вы думаете, я отправляюсь верхом на ядре? Ну зачем же? Это не ядро, а снаряд! Плацкартное место внутри. Верхняя полка. Постель. Все удобства. Ждите меня в ноль часов. Капитан Гулливер, не откажите в любезности выстрелить из пушки. Огонь!..

Разумеется, Гулливер не мог отказать Мюнхгаузену в такой просьбе. Раздался пушечный выстрел, и снаряд вылетел в открытое окно.

Капитаны молча заняли свои привычные кресла вокруг круглого стола, стоявшего посередине библиотеки. И каждый невольно вспомнил такой же вечер в ночь под Новый год. Так же весело трещали дрова в камине. Так же нарядно была украшена елка. Как быстро летит время. Да, тридцать первого декабря тысяча девятьсот сорок пятого года мы впервые сошли со страниц, чтобы встретить Новый год в Клубе знаменитых капитанов.

Робинзон Крузо с общего согласия вручил председательский молоток Гулливеру. Ведь именно этот

мечтатель, романтик и фантаст открывал первое заседание клуба.

Раздался дробный стук старинного молотка из черного дерева. Лемюэль Гулливер изысканно поблагодарил за оказанную ему честь и предложил, хотя и не все еще в сборе, соблюдать традиции клуба. Для начала надо спеть новую походную песню...

Мы не занесли в вахтенный журнал весь текст этой капитанской песни. Мы записали лишь то, что относилось не только к Новому году, но и ко всем нашим встречам...

...Пора! Порыву ветра внимли:
Гремят цепями якоря...
Еще не все открыты земли,
Не все изведаны моря...

Робинзон Крузо, очевидно, был не в голосе и поэтому не пел вместе с нами, но песня ему очень понравилась. И, придя в радужное настроение, знаменитый отшельник воскликнул:

— Клянусь островом Нового года, у нас все — впереди!

Дик Сэнд не мог скрыть своего изумления:

— А разве на морских картах есть остров Нового года, капитан Крузо?

Тот подвинулся ближе к камину и поправил щипцами горящие поленья.

— Да, есть, милейший Дик. Вот как было дело. Русский мореплаватель Коцебу на корабле «Рюрик» шел от Гавайских островов к Маршалловым островам. Это архипелаг в Тихом океане, в нем насчитывается несколько сотен небольших коралловых островов, атоллов и рифов. «Первого января тысяча восемьсот семнадцатого года в четыре часа пополудни дежур-

ный матрос с салинга заметил остров», — об этом писал сам Коцебу в своих путевых записках. Мореплаватель назвал его островом Нового года. Это был поросший лесом остров, а его обитатели — веселыми, добродушными людьми. Высоким лбом, орлиным носом и живыми черными глазами они отличались от других островитян Южного моря; свои длинные черные волосы они натирали кокосовым маслом, связывали на макушке и убирали цветами. На шее островитяне носили разные украшения из красных раковин. Один из старейшин — рослый и весьма стройный мужчина с большой бородой, казался татуированным более прочих; в руках он держал большую раковину и извлекал из нее время от времени громкие и чистые звуки.

Рассказ Робинзона прервал громкий стук в дверь. Все насторожились. Дик Сэнд шепотом высказал предположение, что, может быть, в кают-компанию прибыл Дед Мороз?

Дверь распахнулась. На пороге стоял всего-навсего Артур Грэй, капитан галиота «Секрет». У пятнадцатилетнего капитана не выходили из головы мысли о подарках и сюрпризах. Он с интересом спросил:

— Вам удалось найти достойный подарок для Асоль?

Артур Грэй со вздохом пожал плечами:

— К сожалению, нет. Но зато море вынесло на поверхность новогодний сюрприз — древнегреческую амфору. Вот она!

Капитан галиота «Секрет» осторожно поставил на стол причудливый кувшин, запечатанный воском.

Никто не задавал вопросов, но и не скрывал своего нетерпения поскорее узнать, какое послание заключено в брошенной в море амфоре.

Артур Грэй, пытаясь открыть амфору, тем временем рассказал, откуда она взялась. Вахтенный матрос Летика вытащил из воды сверкающий шар из какого-то очень гибкого, но необыкновенно прочного стекла. Нам удалось не сразу разбить его. Наконец шар разлетелся. От него остались только искрящиеся пылинки. Внутри находилась эта необыкновенная находка, которая, к счастью, не разбилась вдребезги. А сейчас покорно дозволила ее откупорить.

Из широкого горлышка была извлечена записка, которую мы, в интересах полной достоверности, занесли в вахтенный журнал клуба:

«Поздравляю моих соседей по книжным полкам с наступающим Новым годом и юбилеем вашей уважаемой корпорации. Прошу сообщить всему миру, что я и мои спутники по экспедиции на дно Атлантического океана — живы. Мы находимся на глубине около восьми километров, в гостях у атлантов. Сделаны чрезвычайные научные открытия сенсационного характера. Подлинное подписал — доктор географических наук, профессор Маракот из повести Артура Конан Дойла «Маракотова бездна». Адрес отправителя: Атлантида. Большой дворец, возле храма Посейдона. До востребования».

Наступившее молчание прервал капитан корвета «Коршун»:

— Значит, загадочная Атлантида существует! Где был выловлен стеклянный шар?

Артур Грэй не замедлил с ответом:

— Координаты записаны в вахтенном журнале «Секрета». Мы проходили мимо Больших Канарских островов, в двухстах милях от порта Санта-Крус. Но морские течения, как вы сами понимаете, могли занести туда шар с амфорой из любых широт.

Лемюэль Гулливер снял с четвертой полки книгу в кожаном переплете. Это были «Диалоги Платона». Перелистывая страницы, он проверял свою память. И совершенно напрасно. Никто точнее Гулливера не смог бы рассказать легенду об Атлантиде.

«Сказание это хоть и очень странное, но СОВЕРШЕННО ДОСТОВЕРНОЕ», — писал Платон. Он ссылался на рассказ своего прапрадеда мудреца Солона, слыхавшего о могуществе и гибели Атлантиды от египетских жрецов... «В Египте, на Дельте, углом которой разрезается течение Нила, есть область, называемая Саисской...» — так начинается рассказ. «Главным его городом является Саисс, в котором есть храм богини Нейт...» И жрецы богини рассказали Солону, что греки некогда обуздали силы, дерзостно направлявшиеся разом на всю Европу и Азию со стороны Атлантического моря. Перед устьем его, которое вы по-своему называете Геракловыми столпами, находился остров. Впоследствии, когда происходили страшные землетрясения и потопа, в один день и одну бедственную ночь остров Атлантида исчез, погрузившись в море...

Рукопись Платона обрывается и не содержит никаких подробностей гибели Атлантиды.

Гулливер поставил том греческого философа на место.

— Я могу добавить, любезные друзья... О причинах, по которым рукопись осталась незаконченной, есть множество суждений. Одни ученые считают, что Платон просто устал от этой работы и бросил ее. Но странно, почему он остановился на середине фразы... Другие утверждают, что он уничтожил окончание «Диалогов», поняв, что у легенды слишком шаткое основание. Но почему тогда он не уничтожил всю ру-

копись?! Есть еще мнение, что он просто не успел закончить свое сочинение. Но ведь его последним трудом считают «Законы». Наиболее вероятным мне представляется, что окончание «Диалогов» просто утеряно. Но и это не более чем одно из предположений.

Робинзон Крузо вскочил и, стуча сапогами, начал мерить нашу кают-компанию из угла в угол.

— Клянусь всеми легендами и мифами древности, я хотел бы немедленно встретиться с доктором Маракотом. Неужели он обнаружил Атлантиду на дне океана?

Его горячо поддержал пятнадцатилетний капитан:

— Да, мы встречали Новый год под всеми широтами. Но на дне океана, да еще в Атлантиде! Очень заманчиво! Но как мы ее найдем? Ведь, кажется, ученые до сих пор спорят, где она находилась.

Лемюэль Гулливер обвел глазами библиотечные шкафы, как будто ища ответа на этот вопрос.

— Совершенно верно, уважаемый, хотя и пятнадцатилетний, капитан. Исчезнувший материк искали в Малой Азии, на острове Крит, на Кавказе, в Палестине, на Скандинавском полуострове и на Шпицбергене. А в последнее время даже на острове Гельголанд. Но Платон вполне определенно указывал: в океане, который имеет теперь вполне обоснованное название Атлантического. Интересно, что в древних преданиях индейцев Центральной Америки, которые, конечно, не читали Платона, из поколения в поколение передавалось название неведомой земли, по своему звучанию напоминающее Атлантис, — Антитлан... Антлан...

К Гулливеру присоединился и Артур Грэй:

— Но ведь Платон написал ясно: к востоку от Геркулесовых столпов — так древние греки называли Гиб-

ралтарский пролив. Давайте поспешим на страницы повести Конан Дойла «Маракотова бездна».

Это предложение с энтузиазмом было поддержано всеми. Но через минуту выяснилось, что полное собрание сочинений Конан Дойла в настоящее время дрейфует в переплетной. И только в будущем году прибудет к библиотечным причалам. Но отправляться на дно океана, на глубину восемь тысяч метров, да еще с неточными координатами было просто невозможно. Профессор Маракот действует только в одной-единственной книге. Встретиться с ним на страницах какого-либо другого романа или рассказа невыносимо. А ведь именно он утверждает, что сделал чрезвычайное научное открытие. Одним словом, возможность немедленного путешествия на дно Маракотовой бездны казалось совершенно нереальным делом даже для знаменитых капитанов.

Внезапно раздалась сказочная музыка. Она постепенно приближалась откуда-то из глубины веков. Играли трубы, флейты, били тимпаны и литавры.

Раскрылись дверцы книжного шкафа, и с верхней полки появилась какая-то странная процессия. Четыре рослых матроса в тюрбанах и полосатых плащах, шлепая босыми ногами, спустились в кают-компанию и выкатили многоцветный персидский ковер. К ним обращались с вопросами, но они исчезли, не проронив ни слова. Очевидно, они готовили дорогу для прибытия весьма важной персоны.

Дик Сэнд бросился вдогонку. Ему удалось заметить, что матросы вышли из арабских сказок «Тысяча и одна ночь» и скрылись под защиту переплета.

Раздался чей-то встревоженный голос:

— О несчастный! Отойди скорее в сторону. Иначе дворцовая стража Шахразады отрубит тебе голо-

ву. Зачем к этому стремиться, тем более в новогодний вечер?

И в кают-компании появился Синдбад-мореход, одетый по последней моде Арабского Востока средних веков... На нем был кафтан из цветистого хан-атласа, перехваченный золотым поясом, широкий белоснежный бурнус и завязанный узлом кашмирский платок на голове. На ногах красовались туфли с загнутыми носами и пряжками. У пояса висел кривой ятаган из дамасской стали.

Гостю не пришлось даже представиться, его все сразу признали и усадили арабского морехода на почетное место в кают-компании, возле самого камина, но Синдбад предпочел говорить стоя, то ли из уважения к членам клуба, то ли ввиду спешности дела.

— О знаменитейшие из знаменитых капитанов, — с поклоном произнес гость из сказок Шахразады. — Я как раз сегодня привел из Басры корабль с грузом миндаля, фисташек и грецких орехов. Это мой подарок к вашему праздничному столу. Все к вашим услугам, как и ваш недостойный слуга Синдбад-мореход.

Снова появились безмолвные матросы и заставили весь стол лакомствами. Тут было многое и такое, о чем их капитан даже не упомянул. Дыня в меду, башня из халвы, горы из рахат-лукума и серебряные кувшины с шербетом.

Но никто не притронулся к этим яствам, потому что нас интересовали не лакомства, а прежде всего встреча со знаменитым арабским мореплавателем. Общее мнение выразил пятнадцатилетний капитан:

— Признаться, я завидовал вашим сказочным приключениям с детских лет.

Его поправил Робинзон Крузо:

— Не просто сказочным... Ведь семь странствий Синдбада-морехода перекликаются со многими арабскими «дорожниками». Например — сочинение географа девятого века Ибн-Хордадбега «Книги путей и царств», книги «Чудеса творений» аль-Казвини. Ну, это уже тринадцатый век... и других путешественников.

Синдбад отвесил глубокий поклон, доставая пальцами до пола.

— Высокий калиф необитаемого острова, дозволю поклониться мудрости твоих слов.

И вдруг из-под бурнуса арабского морехода выпала старая медная лампа и со звоном покатилась к двери. С неожиданным проворством Синдбад схватил лампу и высоко поднял ее над головой.

— Не думайте, о капитаны, что эта драгоценнейшая из драгоценных вещь появилась здесь случайно. О, это волшебная лампа. Я взял ее у моего соседа по сказкам Шахразады, прекрасного юноши Аладдина, сына Хасана-портного. Любое ваше желание в ночь под Новый год будет исполнено.

Дик Сэнд протестующе поднял руки.

— Но как же сам Аладдин в канун такого праздника остался без своей волшебной лампы?..

— Он мусульманин и празднует Новый год по лунному календарю, — пожал плечами сосед Аладдина.

Робинзон Крузо счел необходимым сделать пояснение:

— Что верно, то верно! В магометанских странах принят не солнечный календарь, а лунный. Лунный год на одиннадцать дней короче солнечного — в нем всего триста пятьдесят четыре дня! И если там однажды повстречали Новый год в январе, как мы, то через десяток лет его будут встречать в конце лета.

Это блуждающий Новый год. Подтверждаю, как человек, бывший в плену у мавританских пиратов.

Синдбад, считая переговоры законченными, торжественно вручил волшебную лампу Гулливеру. И тут же показал, как ее надо потереть, чтобы вызвать джинна. Все необходимые формальности, в виде заклинаний, он взял на себя.

Раздался страшный грохот. Вся кают-компания заволокла дымом, и в его клубах показался огромный джинн, немного страшноватый и вместе с тем весьма симпатичный.

Скрестив руки на груди, он глухо произнес:

— Я, джинн Кашкаш, сын Маймуна, я раб лампы и раб того, у кого в руках лампа... Что хочешь — приказывай.

В ответ раздался стук председательского молотка.

— Достоуважаемый сын почтенного Маймуна, — попросил Гулливер. — Перенесите нас на дно океана. Почтовый адрес — Атлантида, Большой дворец, возле храма Посейдона.

— И не забудьте нарядить нас в глубоководные костюмы атлантов, дать нам подводные фонари и радиотелефоны, — деловито распорядился капитан Немо.

Кашкаш приступил к делу мгновенно. Едва он успел произнести «Слушаю и повинуюсь!» — как все капитаны вдруг почувствовали, что они уменьшаются в размере. Короче говоря, джинн, очевидно, в интересах техники безопасности, превратил их в липутов. Затем он аккуратно сложил всех наличных членов клуба в тростниковую корзинку и бережно накрыл пуховым платком. Затем сын Маймуна взял старт вверх и оказался в актовом зале. Все участники литературного бала с изумлением глядели под высокий потолок, где джинн делал круг почета вокруг люстры. Правда, Спящей красавице и Капитанской дочке стало дурно, но их успели подхватить Иван-царевич и Чацкий.

Но все остальные школьники решили, что это просто феерический трюк — какая-нибудь новая форма панорамного кино.

Для джинна не представило ни малейшего труда пройти чердак и крышу и выйти на трассу к Атлантическому океану. Но, очевидно, он берег силы и любил комфорт, потому что через очень короткое время, выглянув из бамбуковой корзинки, Гулливер, который, к своему возмущению, вдруг стал лилипутом, заметил, что они находятся в салоне весьма современного лайнера, а джинн Кашкаш приобрел облик преуспевающего джентльмена. И тут же стюардесса объявила, что лайнер летит на Канарские острова.

Сын Маймуна подремывал в кресле, а в корзинке шло бурное заседание клуба. Всех волновала цель их столь необычного путешествия. Капитаны припоминали различные легенды, гипотезы, теории. К тому же Маракот мог ошибиться или просто пошутить. В конце концов, со времен Платона и до наших дней ученые спорят об Атлантиде — миф это или действительность?

Но капитан корвета «Коршун» к месту напомнил о том, что Троянское царство тоже считалось мифическим на протяжении тысячелетий. Однако немецкий археолог Генрих Шлиман нашел развалины древней Трои во время раскопок на холме Гыссарлык в Малой Азии. Он шел по следам древнегреческого эпоса о Троянской войне. На потеху зевакам, окружавшим место раскопок, он то и дело заглядывал в «Илиаду» Гомера, сверяя ход работ с текстом великого поэта. И, наконец, настал день... Шлиман видит, как на южном склоне холма откапывается башня диаметром в двенадцать метров. Это, разумеется, та большая башня, о которой пел Гомер.

— Софья, Софидион! — зовет археолог свою жену и помощницу. — Стена на той стороне холма и баш-

ня здесь — это и есть Троя! Тридцать одно столетие башня была погребена глубоко под землей, и тысячами один народ за другим возводили на ее развалинах свои дома и дворцы. Я знаю, что открыл для археологии новый мир.

И все-таки это было только предположение. Пока за два дня до конца срока раскопок — четырнадцатого июня тысяча восемьсот семьдесят третьего года — при обходе открытых стен не случилось чуда. Прямо перед Шлиманом от стены отваливается кусок земли. Обнажается какой-то странный предмет из покрытой зеленью меди. Шлиман и Софья отсылают всех рабочих. Копают вдвоем. И вот из-под камней извлечен плоский овальный щит. Это его Гомер нарек «выпуклобляшным».

Закутав щит в свою красную шаль, Софья спешит к маленькому домику, где они обитали. Шлиман копает, а она носит и носит драгоценные находки: медный котел, медное блюдо и вазу, кубок из золота, серебряные слитки и чаши, кинжалы, обломки меча.

Когда они дома опрокинули большую вазу, из нее посыпался золотой дождь — диадемы, цепочки, браслеты, серьги, перстни. Все эти находки вошли в науку под названием «клад Приама», по имени воспетого Гомером последнего царя Трои.

Через несколько лет Шлиман и Софья ведут раскопки в Микенах, где когда-то правил царь Агамемнон, предводитель греческого войска во время похода на Трою. В гробницах Микен оказались сказочные сокровища. Но самой ценной исторической находкой была посмертная золотая маска человека с бородой. Это был сам Агамемнон!

Этот интересный рассказ дополнил капитан Немо. Он говорил о бескорыстии Шлимана. По договору на

ведение раскопок ученый имел право получить в собственность значительную часть находок. Но, закончив поиски в Микенах, он дает срочную телеграмму королю Греции:

«С бесконечной радостью сообщаю... Я нашел... огромные сокровища в виде архаичных предметов чистого золота. Одних этих сокровищ достаточно, чтобы заполнить большой музей, который станет самым чудесным на свете музеем... Так как я тружусь лишь из любви к науке, то, разумеется, ни в какой мере не притязая на эти сокровища, а с ликованием в сердце приношу их все в дар Греции... Генрих Шлиман».

Лайнер преодолевал Гибралтар. Джинн мельком взглянул за окно и надел пальто и фетровую шляпу.

А в корзинке Гулливер припомнил одну забавную историю.

На раскопки в Микены приезжал гостивший в Греции император Бразилии, скромно именовавший себя — дон Педро. Отбывая в Каир, он дал полицейскому Леонардосу чаевые, чтобы тот разделил их среди охранявших императора. По словам Леонардоса, он получил из рук его величества 40 франков, 5 взял себе, а остальные роздал. И тут началось... Никто не поверил, чтобы бразильский император был так скуп и мелочен. Нет, тут наверняка пахло тысячами франков! Леонардоса уволили. Он бросился за помощью к Шлиману, который его знал. Ученый немедленно дает телеграмму министру. Ответа нет. Премьер-министру!.. И получает вежливый отказ.

Тогда он шлет телеграмму императору Бразилии. Но захочет ли столь высокая особа расписаться в своей скарденности?

Но Шлиману всегда везло. Он находил драгоценности и в закоулках человеческой совести. Через два дня пришел ответ: «Дал сорок франков. Сердечный привет. Дон Педро».

Все рассмеялись, кроме пятнадцатилетнего капитана. Тот, накупившись, заявил:

— А я отдал бы все сокровища Трои и Микен, чтобы узнать, существовала ли Атлантида.

Лайнер приземлился на аэродроме Больших Канарских островов. Джинн в обличье джентльмена направился к выходу. Он случайно оступился и выронил корзинку. Но стюардесса подхватила ее на лету и вернула законному владельцу.

Кашкаш, сын Маймуна, дал ей пять франков. Потом немного подумал и прибавил еще сто. Изумленная девушка пробормотала какую-то благодарность и в полуобмороке облокотилась на поручни трапа, поданного к самолету.

Дальше события развивались с феерической быстротой. Буквально через несколько мгновений мы очутились на рыбачьей пристани, где Кашкаш нанял моторный бот. Заревел мотор, и наша необыкновенная экспедиция двинулась курсом на зюйд-ост от Канарских островов к Гибралтарскому проливу. Крошечный Артур Грэй с трудом разглядел на ручном компасе направление нашего пути, с трудом, потому что компас стал совершенно миниатюрным. Но зато курс точно соответствовал координатам того места, где была выловлена амфора с посланием профессора Маракота.

Атлантика вела себя спокойно. Ну, нельзя сказать, чтобы это был полный штиль, волна была небольшая, и моторный бот шел на приличной скорости. Но наш патрон был недоволен. Он подул на свои ладони и

пробормотал какое-то заклинание. Бот взмыл на воздух и, как альбатрос, понесся над волнами. Перепуганный рыбак — хозяин этого суденышка — начал шептать молитву. А его сын и юнга — на вид ровесник пятнадцатилетнего капитана — наоборот, с восхищением и немного свысока смотрел на широкий океанский простор, раскинувшийся внизу, с высоты птичьего полета.

На брежете капитана Гулливера время показало всего одну минуту. Кашкаш взмахнул рукой, и бот тихо спланировал на воду. Джинн вручил мотористу сто франков, немного подумал и добавил еще тысячу. Видимо, рассказ о скупости императора Бразилии запал ему в душу. Потом сын Маймуна перешагнул через борт и погрузился в воду, не забыв захватить корзинку с членами Клуба знаменитых капитанов. Вдогонку неслись испуганные и благодарственные вопли рыбака и юнги.

Отвлекаясь на минуту, заметим, что, как нам стало известно, вскоре после этого происшествия на Канарских островах, на крутом берегу бухты была воздвигнута часовня в честь неизвестного святого. А перед входом в качестве священных реликвий красуются самолетный трап и моторный бот, на котором мы совершили морскую прогулку по Атлантике. Впрочем, некоторые скептики до сих пор утверждают, что в воды сошел вовсе не святой, а обыкновенный член клуба самоубийц, раздававший перед гибелью свое состояние направо и налево.

Но вернемся к нашему рассказу.

Восемь тысяч метров, отдалявших нас от морского дна, мы пролетели в объятиях джинна за несколько секунд. Вероятно, ни один спуск в самой совершенной батисфере не мог быть столь благополучным

и приятным. Мы мягко опустились на вершину какого-то подводного холма. Раб волшебной лампы Аладдина выпустил нас из корзинки и, не дав осмотреться, мгновенно увеличил каждого до его прежнего роста. Бедный Гулливер слегка волновался: ведь джинн мог по ошибке из лилипутов сделать нас великанами. Но этого не случилось. Мы стали такими же точно, какими нас знают юные читатели. С удивлением мы, однако, заметили, что поверх привычной одежды на нас красовались своеобразные легкие скафандры из гибкого, но необыкновенно прочного стекловидного материала. Сын Маймуна деловито вручил каждому электрический фонарь и металлическое копье, такое, каким пользовались атланты во время своих прогулок по морскому дну. Но об этом мы узнали только впоследствии. Зато сразу стало очевидно, что дышится нам легко. И, кроме того, мы могли разговаривать, потому что в костюм было вмонтировано радиотелефонное устройство.

— Клянусь всеми сказками Шахразады, вы самый любезный и симпатичный джинн, какого я встречал за двести пятьдесят лет скитаний по книжным полкам, — прочувствованно начал Робинзон Крузо, видимо, собираясь произнести длинную благодарственную речь.

Но Кашкаш, сын Маймуна, сам был неразговорчив и терпеть не мог никаких словесных излишаний. Помахав на прощание бородой, он тихо растаял в зеленоватой воде.

Мы оглянулись вокруг и с удивлением заметили, что на такой глубине, как восемь тысяч метров, вовсе не было темно. Кругом все было освещено тусклым рассеянным светом. Такое холодное сияние бывает на земле ранним морозным утром. Это казалось просто

невероятным, но спорить не приходилось. Дно океана было освещено! В чем же тут дело? Мы все были поражены, кроме капитана Немо. Он легко и просто объяснил нам суть этого явления. Ил, которым устлано дно больших глубин, не что иное, как продукт разложения несчетного количества биллионов и биллионов микроорганизмов. Их разложение сопровождается фосфорическим свечением. Немо наблюдал это много раз во время плаваний «Наутилуса».

Мы стали возражать. Сколько раз тралы научно-исследовательских судов вытаскивали большое количество ила на поверхность, а свечения не было.

Немо улыбнулся с оттенком превосходства.

— Друзья мои, очутившись на поверхности, колонии бактерий теряют способность к свечению. Кстати, были проведены специальные опыты. Поднятые с больших глубин пласты ила заставляли действовать как в условиях глубоководного существования — давление, соленость воды, температура... и тогда наблюдалось интенсивное свечение. Правда, это все происходило в лабораториях, но результаты опытов неопровержимы.

Последнюю фразу капитана «Наутилуса» никто из нас даже не слышал. Сам Немо впоследствии вписал эти интересные научные данные в вахтенный журнал, а мы жадными глазами разглядывали странный пейзаж.

Дик Сэнд обратил наше внимание на то, что кругом располагались почти одинаковые холмики. Из некоторых выглядывали купола... и обломанные украшения, венчавшие колонны.

Нам стало ясно, что мы находимся вовсе не на вершине подводной горы, а на крыше какого-то зда-

ния. Мы оказались в погребенном древнем городе. Очевидно, на одной из его центральных площадей.

— Капитаны, мы в Атлантиде, — прошептал капитан корвета «Коршун».

После долгого молчания первым пришел себя Лемюэль Гулливер. Ведь он побывал в стольких никому не ведомых странах: Лилипутия... Блефуску... Земля великанов... Земля говорящих лошадей...

— Достопочтенные капитаны, — произнес он ровным голосом, — разрешите мне вступить в свои обязанности председателя. Кажется, команда в сборе? Капитан Немо, Робинзон Крузо, капитан корвета «Коршун», Артур Грэй, Дик Сэнд и я.

Капитан корвета «Коршун» отозвался с военной четкостью:

— Да. Все налицо, кроме Тартарена из Тараскона и Карла Фридриха Иеронима барона фон Мюнхгаузена.

Капитан Немо жестом пригласил всех подойти к нему поближе. Он заявил, что времени для ожиданий нет, и предложил быть гидом нашей глубоководной экспедиции. Ведь он бывал в Атлантиде.

И действительно, все наши юные друзья могут об этом прочесть в романе «Восемьдесят тысяч километров под водой», часть вторая, глава девятая — «Исчезнувший материк».

Общее изумление выразил Робинзон Крузо. Он даже поклялся Маракотовой бездной, что не может понять, почему Немо не доставил капитанов сюда на своем «Наутилусе». Но ответы Немо всех удовлетворили.

Во-первых, Жюль Верн обнаружил Атлантиду на глубине в триста метров. А сейчас они находятся на отметке восемь тысяч метров. «Наутилус», вероятно,

не мог бы опуститься на такую глубину. Допустим, мы бы рискнули.

Но была более веская причина. Более двадцати тысяч книг написано об Атлантиде, а капитан Немо видел ее только на страницах Жюль Верна. Ему захотелось взглянуть на исчезнувший материк глазами Артура Конан Дойла. Нелишне вспомнить, что «Восемьдесят тысяч километров под водой» вышли в свет более ста лет назад, в тысяча восемьсот семидесятом году, «Маракотова бездна» — в тысяча девятьсот двадцать девятом году, почти на шестьдесят лет позже. За это время исследования морских глубин шагнули далеко вперед. Если бы Атлантида, как описал Жюль Верн, была погребена на глубине всего триста метров, она бы давно была найдена. А ведь Конан Дойла поместил ее на глубину восемь тысяч метров.

Мы молча включили нагрудные фонари и, опираясь на копья, двинулись вслед за Немо, перепрыгивая с одного холмика на другой.

Так началось наше путешествие по Атлантиде. Но, к сожалению, несколько страниц вахтенного журнала были испорчены морской водой. Сохранились только отдельные фразы: «Где же подводный вулкан, наконец?..», «Мы очень устали...», «Еще немного, капитаны...», «За этим окаменелым лесом...», «Вы видите над горой какие-то вспышки пламени?..».

Позднее мы припомнили, что Немо провел нас через просоленный морской водой тысячелетний лес к горному хребту. Поднявшись на гору, мы не увидели никакого вулкана. А манивший нас красный свет то вспыхивал, то гас. Это огромные глубоководные каракатицы выбрасывали из себя огненное пламя, в отличие от своих сородичей, известных в верхних

слоях морей и океанов. Те выбрасывают черную, как чернила, жидкость.

Шатаясь от усталости, мы с трудом спустились вниз, к развалинам затонувшего города.

Мы увидели развалины большого амфитеатра. Он имел форму замкнутого кольца. Очевидно, здесь был ипподром для конских состязаний. А вдали виднелась набережная с маяком. Наверное, этот город был морским портом.

Мы уселись отдохнуть на каменных ступенях какого-то разрушенного храма.

Вдруг издали раздались отчаянные возгласы:

— Ай!.. Спасите... На помощь, на помощь!.. Медам и месье!..

Нам показалось, что это кричит капитан Тартарен. И мы не ошиблись. За толстяком гналась по пятам целая стая тигровых крабов, желтых, в черную полоску. Эти свирепые животные были ростом с большую собаку.

Медлить было нельзя. Мы стали разгонять крабов копьями, но наконечники скользили по их твердым панцирям. Все же крабы начали медленно отступать. Сражение закончил Робинзон Крузо, который, к счастью, захватил свой любимый топор.

Мы услышали треск разбитых панцирей. Уцелевшие крабы обратились в бегство.

Капитан корвета «Коршун» и Дик Сэнд усадили перепуганного толстяка на обломки колонны. Теперь мы только увидели, что он был в таком же глубоководном костюме, как и мы, и, несмотря на опасность, которой только что подверглся, не бросил все свое обычное походное снаряжение — саквояж, рюкзак, складную палатку, пистолеты, кинжалы и охотничьи ружья за спиной.

Когда любимец Тараскона немного пришел в себя, он рассказал нам о своих последних приключениях. Все это мы занесли в вахтенный журнал, оставив на совести Тартарена отдельные подробности, которые вызывали у нас некоторое смущение.

— Я долго стучал в дверь библиотеки, я требовал, чтобы меня впустили! Еще минута — и я бы схватил насморк на страшном лестничном сквозняке. Но, оказывается, дверь была открыта. Увидев, что в библиотеке нет никого, я понял, что прибыл первым в кают-компанию Клуба знаменитых капитанов. Ну что же, первым так первым! По крайней мере не будет споров, кто председатель. Я взял в руки наш председательский молоток из черного дерева и с огромным удовольствием несколько раз постучал по столу. Затем я объявил решение — председателем единогласно избран глава Клуба охотников за фуражками, губернатор острова Порт Тараскон, почетный альпинист, наездник на верблюдах, владелец баобаба и гроза львов... Вы, конечно, догадались, кто это? Ну, разумеется, Тартарен из Тараскона! Я обратился к кают-компании с предложением задавать вопросы. Но их не было. Тогда я попросил разрешения предоставить слово кому-нибудь из наиболее знаменитых путешественников, присутствующих здесь. Но никто не пожелал им воспользоваться. Тогда я предложил просить самого Тартарена рассказать о своих путешествиях, о самом себе. Никто не возражал. Ну, если вы так настаиваете, медам и месье...

Видите ли, Альфонс Доде утверждал, что во мне сочетались две натуры — Дон-Кихота и Санчо Панса. Они, разумеется, не ладили друг с другом. Это была непрерывная междоусобная война. Если Тартарен — Дон-Кихот, возбужденный рассказом Густава Эмара, восклицал: «Я еду!», то Тартарен — Санчо, думающий

о своих ревматизмах, говорил: «Я остаюсь!» «Покрой себя славой, Тартарен!» — кричал во мне Тартарен — Дон-Кихот. «Покрой себя фланелью», — отвечал Тартарен — Санчо. Когда Тартарен — Дон-Кихот восклицал: «О славные дуствольные карабины, о кинжалы, лассо, мокасины!», то Тартарен — Санчо спокойно говорил: «О славные вязанные фуфайки! О теплые набрюшники! О милые шапки с наушниками!» Тартарен — Дон-Кихот кричал вне себя: «Топор! Дайте мне топор!» На это Тартарен — Санчо, позвонив горничной, сказал: «Жаннета, подайте шоколад!» Кто в этой борьбе победил, пусть судит история. Скромность не позволяет мне много говорить о себе.

И тут я заметил, что из глубокого кресла поднялся человек в восточной одежде, с золотой серьгой в ухе и, низко поклонившись, произнес: «Я высоко ценю благородное чувство скромности, но вашего покорного слугу Синдбада-морехода бесконечно интересует — кто вы такой, о незнакомец?»

Мне этот вопрос показался весьма странным. Но я смягчился, вспомнив, что месье Синдбад вряд ли читал Альфонса Доде... С присущим мне лаконизмом я решил ответить ему словами из моей песенки, которую так часто с большим успехом исполнял и в Тарасконе, и в кают-компании нашего клуба...

Мой домик там, средь белых стен,
Где тихо плещет Рона,
Где скажет всякий: Тартарен —
Любимец Тараскона!..

Восхищенный моим исполнением, Синдбад-мореход предложил мне подкрепить силы его дарами, которыми был завален стол...

Не скрою, миндаль, фисташки и грецкие орехи не произвели на меня впечатления. Но вот башня из

халвы! Я ее быстро разрушил, предаваясь воспоминаниям о тех прекрасных временах, когда лакомился халвой в Сахаре.

Арабский мореплаватель с удивлением спросил, действительно ли я удостоил великую пустыню своим посещением... Этот вопрос мне показался еще более странным, и я посоветовал ему прочитать «Необычайные приключения Тартарена из Тараскона». Я просил его обратить внимание на такие захватывающие главы, как «Охотники за фуражками», «Был ли Тартарен из Тараскона лгуном?» или «На шпагах, милостивые государи, на шпагах!.. а не на шпильках!», «К оружию! К оружию!», «Львы Атласа, спите!...».

А чего стоила встреча в Тарасконе? Едва я появился в дверях, как громовой голос потряс стеклянный потолок вокзала: «Да здравствует Тартарен, да здравствует истребитель львов!..» Но вы знаете мой девиз: «Скромность и еще раз скромность!» Я бы никогда не напомнил никому об этой триумфальной встрече, если бы сей факт не был засвидетельствован Альфонсом Доде на девяносто седьмой странице.

Менее известна читателям вторая книга о моей жизни — «Тартарен на Альпах». Здесь Альфонс Доде делает попытку описать мои восхождения на вершины Юнгфрау и Монблан... Кое-что ему удалось. Отмечаю такие главы, как «Вот мое завешание», «Тартарена из Тараскона никогда не было», «Новые подвиги охотника за фуражками», «Пиф-паф», «Дуэль на охотничьих ножах», «Восхождение на Юнгфрау», «Тартарен похож на Бога», «Пахнет чесноком», «Катастрофа». Да-а... медам и месье, не шутки... Вережка лопнула!

Тут Синдбад-мореход не выдержал и, всплеснув руками, задал вопрос: как же несравненному охотнику за фуражками и львами удалось спастись от гибели?

Я ему открыл эту тайну. Дело в том, что я взошел на Монблан с одной стороны, а сошел с другой, что и дало повод думать, что я погиб.

В третьей книге — «Порт Тараскон» описано мое путешествие на корабле! «Тютю-панпан». Порт Саид, Суэц, Аден, Красное море, Индийский океан, Цейлон, Сингапур, Мальдивские острова... Мы держали курс на Порт Тараскон! Его превосходительство Тартарен — губернатор острова. Какие главы! Одна замечательнее другой... «Бой быков!», «Приключения и сражения!», «Спустите флаг, черт возьми!», «Последнее прости...»

Заканчивая книгу, Доде писал: «Бедный великий Тартарен!.. Все-таки какое совпадение... Солнечное затмение в день его смерти!..»

Но Альфонс Доде ошибся... Тридцать лет назад, в ночь под Новый год, я сошел со страниц, чтобы начать новую жизнь в Клубе знаменитых капитанов. Может быть, будут вопросы?

Тут ко мне приблизился Синдбад-мореход и выразил твердое убеждение, что сама царица Шахразада посвятила бы тысячу вторую ночь моему в высшей степени достоверному рассказу.

Я всегда ценил восточную вежливость и от души поблагодарил Синдбада. И вдруг меня осенила мысль: а не знал ли он, где члены клуба? Ведь давно пора всем уже собраться в кают-компанию.

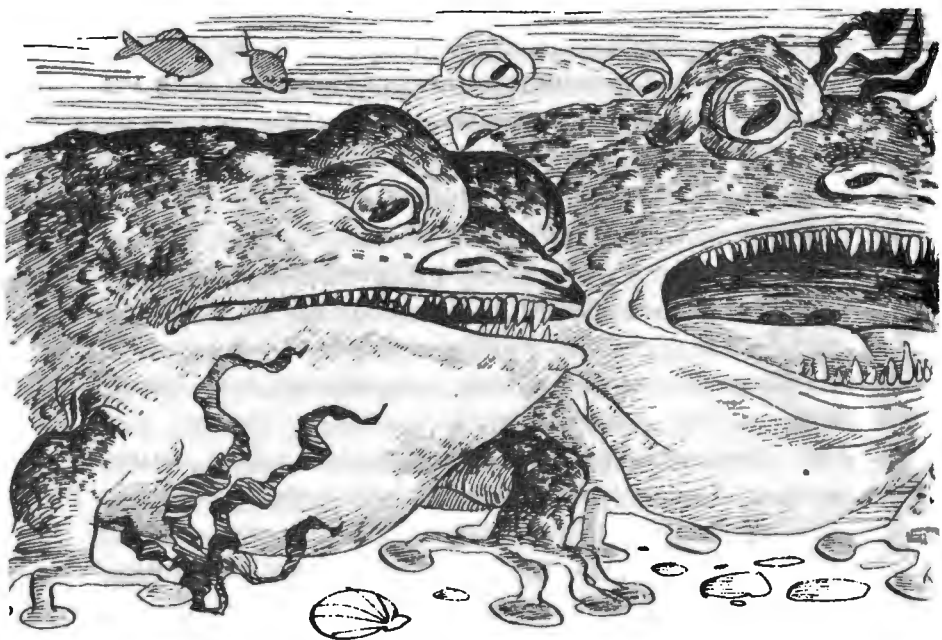
Мой новый поклонник тут же доложил, что знаменитые капитаны отбыли в Атлантиду, в гости к атлантам.

Ну, собрать мою коллекцию кинжалов, скорострельные ружья и пистолеты, кастрюли и плед было делом одной минуты. Я хотел вызвать со страниц мой пароход «Тютю-панпан», но Синдбад-мореход усомнился в его способности плавать под водой. Он сказал, что мои высокие друзья воспользовались старой медной лампой Аладдина, сына Хасана-портного. И он потерял волшебную лампу, очевидно, из уважения к моим подвигам. Ну а дальше вы все, конечно, знаете. Появился месье Кашкаш, сын Маймуна. Но он не таскал меня ни в самолет, ни на моторный бот, как вас... О нет! Старик напряг все силы и совершил скоростной беспосадочный полет по трассе Библиотека — Атлантида. Джинн понимал, что Тартарен опаздывает, или, точнее, задерживается, и что заседание клуба без меня... ну, вы сами понимаете...

Знаменитые капитаны так были увлечены рассказом Тартарена, что не заметили, как их окружили какие-то страшилища, похожие на гигантских лягушек: у них были глаза навывкате, прожорливый рот и сразу за ним огромный живот. Как мы узнали впоследствии, встреча с ними в Атлантиде считалась почти смертельной. Но на сей раз нас выручил Немо. Он приказал включить электрические фонари, направляя их прямо в зеленые глаза чудовищ. Ослепленные хищники попятились назад.

Разумеется, мы не стали их преследовать и быстро покинули опасную зону. Ведь в данном случае мы были только дичью, а эти мерзкие твари охотниками.

Мы натолкнулись на развороченную стену. Как-то странно было видеть, что обитые медью ворота уцелели и были крепко заперты. Мы проникли в цитадель через пролом возле угловой башни и по широким ступеням, покрытым светящимся ковром ила, приблизи-

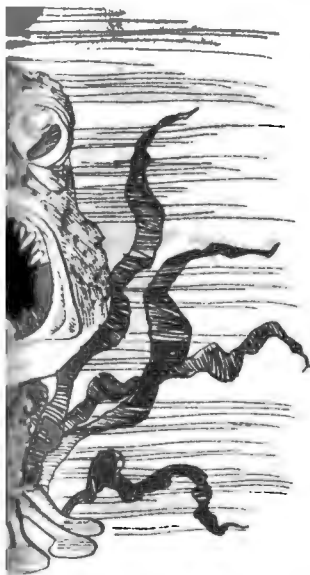

лись к руинам огромного здания. Оно походило на развалины храма в городе Луксоре, в Египте, известного некоторым из нас по личным впечатлениям, остальным по фотографиям. Все мы обратили внимание, что обрушившиеся колонны увенчаны огромными капителями в виде цветов лотоса.

Вместе со стаей крупных серебристых угрей мы вошли в перламутровую комнату, похожую на опочивальню королевы. Возле ложа из какого-то желтого металла расположился уродливый моллюск. Мы прислушались к тому, как вздымалось и опускалось его отвратительное тело. Нам показалось, будто в самом центре этого зловещего дворца бьется чье-то злобное сердце.

Пятнадцатилетний капитан нетерпеливо рвался вперед. Он бежал по мозаичному мра-

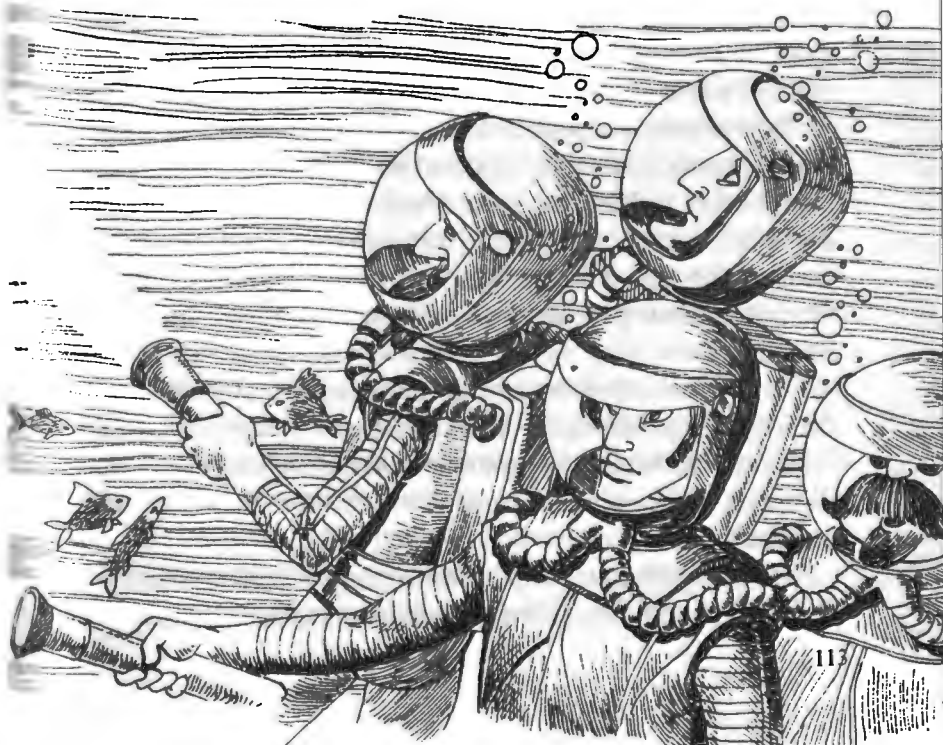

морному полу огромного зала, и мы еле доспевали за юношей.

— Смотрите, — прошептал он, — какая роскошь, и кругом большие статуи... Колонны...

— И ваш специальный корреспондент, профессор Маракот, доктор географических наук, — раздался спокойный голос из-за ближайшей колонны.

И к нам вышел уверенной походкой худощавый человек с суровым лицом. Через прозрачный шлем его одежды был хорошо виден длинный нос, близко посаженные, маленькие,

серые, сверкающие глазки под нависшими клочковатыми бровями, тонкие губы.

Не дав нам времени опомниться, герой «Маракотовой бездны» продолжал засыпать нас словами:

— Могу напомнить... Что я автор научных трудов «Ложнокоралловые формации» и «Морфология пластинчатожаберных». Вы их не читали... не правда ли? Могу добавить также, что некоторые меня называют самым черствым сухарем на свете. И, вероятно, не без основания.

Лемюэль Гулливер поспешил заверить доктора Маракота, что члены Клуба знаменитых капитанов весьма рады такому лестному знакомству. Но им бы хотелось поскорее узнать, какое открытие сенсационного характера сделал достопочтенный профессор.

Маракот был преисполнен чувства собственного достоинства.

— Я открыл подводный город атлантов. Но не развалины мертвого города, который вы имели удовольствие видеть.

Примерно двенадцать тысяч лет назад небольшая горстка могущественного племени спаслась во время гибели Атлантиды. Они знали о приближавшей катастрофе и вырубили в скалах Храм Безопасности. Там сейчас обитают в добром здравии их потомки — несколько тысяч современных атлантов.

— Что же, они живут на подводных лодках? — с большим удивлением спросил Немо.

Какое-то подобие улыбки мелькнуло на губах профессора. Желаящие могли считать, что он весело засмеялся.

— Ах, капитан Немо. Вам всюду чудятся «Наутилусы». Но тут подводные лодки совершенно ни при

чем. Огромные машины, вырабатывающие воздух, дистиллированную воду и другие необходимые продукты, были заблаговременно помещены в стенах Храма Безопасности. Машины даже производят чай, кофе, вино... Удивительно, не правда ли?

Нам все это показалось маловероятным. Капитан корвета «Коршун» довольно скептически спросил, какая энергия приводит в движение все эти машины.

— Э-лек-три-чество!.. — произнес Маракот, наслаждаясь эффектом, который произвело это слово на нас. — Уголь добывается в подводном руднике. Атланты сохранили высокую цивилизацию своих предков. Они владеют тайнами электричества и чудесами химии. А кормят подводных людей несметные дары океана. Это естественно, не правда ли? Ну, следуйте за мной, знаменитые капитаны, я познакомлю вас с живыми обитателями Атлантиды.

Но первая встреча оказалась не слишком приятной. Мы спустились по ступенькам дворца и шли вдоль подводных джунглей. Вдруг Маракот стал увлекать нас к большим валунам, под их прикрытие.

Капитан Немо немного отстал, разглядывая быстро спускавшуюся вниз крупную, странного вида рыбу. Формой она напоминала огромный плывущий пуховый матрац, мягкую рыхлую перину. Нижняя часть рыбы была светлая. С нее свисала длинная красная бахрома, вибрация которой давала поступательное движение всему телу. У рыбы не было ни глаз, ни рта, но, очевидно, она обладала чрезвычайно развитым чутьем.

Мы кинулись на помощь Немо и, вспрыгнув на широкую спину чудовища, вонзили острые металлические копыя в его мягкое тело.

Однако гигантская перина продолжала опускаться прямо на капитана «Наутилуса». Но этот бывалый путешественник по глубинам океанов успел укрыться в какую-то расщелину. И вовремя, иначе колоссальная рыба могла его раздавить своей тяжестью. Еще несколько ударов копьями — и мы спрыгнули вниз, поднимая густые клубы ила. И вот израненный гигант медленно заскользил прочь, оставляя за собой клейкий, маслянистый след.

— Ну, что же вы скажете, коллеги? — спросил Маракот, помогая капитану «Наутилуса» выбраться из расщелины.

— Скажу, что, очевидно, это разновидность рыбы-покрывала, давно известной ихтиологии, — спокойно сказал Немо.

Дальнейший путь к Храму Безопасности мы проделали без особых происшествий, если не считать, что по дороге Маракот показал нам остов своей яхты «Статфорд», погибшей в Атлантике вскоре после исчезновения глубоководной экспедиции. Все, кто был на борту, погибли. Мы хотели обнажить головы перед памятью погибших моряков. Но вовремя вспомнили, что для этого пришлось бы снять защитные колпаки. И мы отдали салют поднятием копий и сигналами электрических фонарей.

Мы шли дальше через чаши огромных водорослей, раздвигая их стволы копьями. А Маракот продолжал свой рассказ. Это вовсе не означает, что он был болтлив. Вовсе нет. Но профессор был настолько преисполнен самыми различными знаниями, что они сами выделялись из него, как пузырьки газированной воды.

— По весьма точным подсчетам, свыше миллиона кораблей покоятся на дне морей и океанов. Вы пред-

ставляете себе, какие сокровища хранят эти погибшие корабли? У нас в Англии есть немало лиц, которые специально занимаются поисками их кладов. Но пока результаты ничтожны, потому что дело не поставлено на научную ногу. Впрочем, страховые компании сейчас приводят это дело в порядок и даже привлекают к обработке всех данных о кораблекрушениях электронно-счетные машины. А в одном нью-йоркском страховом обществе, говорят, имеется самый полный архив кораблекрушений. Мне вспоминается забавный случай. Один шутник, знаток Библии, попросил дать ему сведения о гибели Ноева ковчега. И он из Нью-Йорка получил следующую ответ: «Ноев ковчег построен в 2488 году до нашей эры, деревянный, снаружи пропитан смолой. Длина — 300 локтей, ширина — 50. Грузовое судно, предназначенное для транспортировки скота. Владелец Ной и его сын. Последние сведения: наскочил на гору Арарат».

Тем временем мы, пройдя холмистую долину, очутились перед скалой, нимало не похожей на гору Арарат.

Профессор остановился перед небольшой квадратной дверью с массивными колоннами по бокам. Она была открыта. И мы вошли в большое пустое помещение. Тяжелая каменная дверь немедленно захлопнулась за нами. Пришел в движение какой-то огромный насос, и уровень воды вокруг нас стал быстро понижаться. Ожидание длилось бы утомительно долго, но профессор не давал нам скучать.

— Вас, конечно, интересует, капитаны, каким образом мне и моим коллегам удалось спастись?

Мы совершали спуск с борта яхты «Статфорд» в стальной глубоководной кабине. Мы — это означа-

ет, кроме меня, Маракота, приват-доцент Сайрес Хедли и механик с завода «Мерибэнкс» в Филадельфии Билл Сканлэн. К счастью, оба мои помощника живы и здоровы, чего, к сожалению, нельзя сказать о всех остальных членах экипажа «Статфорда». Итак, казалось, что у нас все было предусмотрено, и надежность стального троса, соединявшего нас с судном, не вызвала ни малейших сомнений. Наконец, было проведено множество испытаний. Но кто мог предусмотреть, что в глубинах Маракотовой бездны, она теперь именуется именно так, на нас нападет гигантское существо, неизвестное науке? Это чудовище больше всего походило на морского рака: две огромные клешни торчали у него по бокам, а пара тяжелых, громадных усов вибрировала над черными, круглыми, злыми глазами навывкате. Панцирь светло-желтого цвета имел в окружности метра три, а в длину, не считая усов, чудовище было не меньше десяти метров! Я заметил, что глаза были на подвижных члениках. И вот эта мерзкая скотина своими клешнями оборвала трос. Кабина моей экспедиции упала на дно. Кончился кислород, и мы стали задыхаться. И тут пришло спасение в лице атлантов. Они надели на нас стекловидные костюмы с запасом воздуха. Странно, на вас подобные костюмы. Где вы их взяли? Со страниц какого романа?

— Мало ли что бывает в ночь под Новый год, — уклончиво ответил Лемюэль Гулливер.

Он поступил совершенно правильно, не рассказав профессору о нашем знакомстве с Синдбадом-мореходом, лампой Аладдина, сына Хасана-портного, и могущественным джинном Кашкашем.

Мы не располагали никакими научными данными, которые могли бы убедить доктора географических

наук, автора «Ложнокоралловых формаций» и «Морфологии пластинчатожаберных» в том, что чудеса еще бывают на свете.

Откачка воды прекратилась. Мы стояли на мокром полу, выложенном каменными плитами. Маракот помог нам освободиться от уже ненужных прозрачных колпаков. Затем он проводил нас в обширную гостиную, всю устланную толстыми коврами и обставленную золочеными креслами и низкими диванчиками, при виде которых вспоминались гробницы египетских фараонов. Из позолоченной двери вышел низенький, коренастый, плотный человек. Его большие карие глаза внимательно осматривали нас. А мы в свою очередь с изумлением смотрели на его цветную тунику до колен и сандалии не то из рыбьей, не то из шагреновой кожи. Несомненно, такую одежду носили, наверное, тысячу лет назад.

Профессор церемонно представил нас как своих друзей и знаменитых капитанов. При этом он называл человека в хитоне именем Манд. Очевидно, предводителя атлантов было очень трудно чем-нибудь удивить. Во всяком случае голос его звучал бесстрастно:

— Капитаны! Когда-то их было множество в нашей стране. До сих пор среди ила на месте гавани мы находим разбитые триремы и галеры наших предков. Но мореплаватели с Большой земли?.. Вы первые прибыли к нам за двенадцать тысячелетий. Что привело вас сюда? И где разбились ваши корабли?

Переводчиком был Маракот, который уже мог объясняться на языке атлантов.

Мы были в замешательстве. Сказать правду было невозможно. Ведь сказки «Тысяча и одна ночь» были

написаны примерно через одиннадцать тысяч лет после гибели Атлантиды.

Тартарен пробовал что-то симпровизировать. Сняв малиновую феску, он сделал, по его мнению, самый грациозный из тарасконских поклонов.

— Ваше превосходительство, меcье Манд. Мы были по приглашению нашего друга и соседа по книжным полкам профессора Маракота, доктора географических наук и автора этих, как их там, формаций и морфологии.

Атлант с недоверием разглядывал любимца Тараскона.

Но на помощь пришел сам профессор:

— Это мои гости, Манд, они сейчас в Храме Безопасности и находятся под защитой древнего закона Атлантиды — закона гостеприимства.

Глава племени атлантов дружелюбно улыбнулся и пригласил нас проследовать во внутреннее помещение. По сути дела, он организовал нам небольшую экскурсию по Храму Безопасности.

Здание настолько вросло в дно океана, что проникнуть в него можно было лишь через крышу, и отсюда длинные коридоры лабиринтом спускались все ниже и ниже, пока не достигали глубины нескольких сот метров под уровнем входа.

Нам показали аппараты, вырабатывающие воздух, и насосы, разгоняющие его по всему огромному зданию. Маракот с восхищением и уважением указал нам на маленькие реторты, где вырабатывались аргон, неон и прочие газы, роль которых для дыхания на Земле мы только еще начинаем понимать. Мы увидели также огромные дистилляторы для свежей воды и сложные электрические установки. А затем мастерские, изготовлявшие прозрачные колпаки и

скафандры. Словом, здесь было предусмотрено все, чтобы люди могли жить, работать и чувствовать себя в полной безопасности.

Но как же они проводили досуг? Мы получили ответ на этот вопрос, услышав из многих помещений звуки музыки и мелодичное пение. Это совершенно не походило на современные нам музыкальные звучания, но по-своему было прекрасно.

Наконец Манд распахнул перед нами высокую дверь-арку. Мы очутились в большом зале с сиденьями, возвышавшимися амфитеатром, как университетская аудитория. Сбоку стоял довольно большой экран. Зал был заполнен до отказа. Половину аудитории составляли бородатые мужчины, а другая половина вполне заслуживала названия прекрасной. Мужчины были одеты в шафрановые туники, а их дамы живописно драпировались в розовые, синие и зеленые одежды. На каждой были украшения — нитки жемчуга и мелких перламутровых раковин.

Маракот обратил наше внимание на то, что экран был похож на обыкновенный кинематографический, но покрыт каким-то составом, который блестел и переливался в лучах света.

— Сейчас вы увидите одно из главных чудес Атлантиды — кинематограф мысли. Они недурно устроились, эти атланты. Они не слушают скучнейших докладов, а смотрят кино!.. Вы сейчас увидите, как человеческая мысль проецируется на это блестящее полотно. Учтите, что для этого не требуется ни киностудий, ни актеров, ни киномехаников и даже киноаппаратов. Любопытно, не правда ли?

Потом на кафедре появился дряхлый, седой старик — летописец или историк атлантов, встреченный аплодисментами. Он стал проецировать на

экран ряд картин, изображавших величие и гибель Атлантиды.

Мы не стали записывать все эти потрясающие картины в вахтенный журнал, поскольку желающие могут ознакомиться с этими кинодокументами на страницах повести «Маракотова бездна».

Вокруг нас раздавались вздохи. На лицах женщин были слезы.

Очевидно, атланты видели этот фильм мысли уже множество раз, но разве можно оставаться равнодушным, когда у тебя на глазах происходит величайшая катастрофа в истории человечества?

Профессор вытер платком капли пота со лба и о чем-то пошептался с Мандом. Затем нас попросили показать с экрана наши визитные кинокарточки.

Первым из нас на кафедре очутился капитан Немо. И на блестящем полотне стали проецироваться яркие страницы его жизни. Вот он в обличье принца Дакара ведет борьбу за освобождение родной Индии от владычества Британской империи. Его отряды разбиты. Приходится бежать, спасаться на пустынном острове. Здесь он строит свой «Наутилус»... и бесконечно скитается на нем со своей верной командой. Мы увидели его встречу на борту «Наутилуса» с профессором Парижского музея Айронаксом. А вот они вместе прогуливаются по Атлантиде, описанной Жюлем Верном.

Немо, как всегда, был краток не только в словах, но и в мыслях.

Гораздо подробнее провел свой кинорассказ Лемюэль Гулливер. Всеобщее оживление в зале вызвали кадры его пленения лилипутами... Перевозка в столицу... А когда он, выпрямившись во весь рост, по колени в воде, притащил к берегам Лилипутии весь

враждебный флот, в зале раздался смех. Но еще больше развеселились атланты, увидев галантную беседу Гулливера в Стране великанов. И действительно, он был неотразим, стоя на огромной ладони и говоря комплименты прекрасной великанше.

Дик Сэнд вызвал некоторое недоверие аудитории, когда все увидели его на капитанском мостике брига «Пилигрим». Но постепенно ледок растаял на картинах приключений в тропических лесах Африки. Пятнадцатилетний капитан мужественно боролся с пиратами и работоторговцами, спасая слабых и беззащитных, уже под одобрительный гул зрительного зала.

Робинзон Крузо показал на экране некоторые отрывки из своих киномемуаров. Вот его спасение во время кораблекрушения... Пещера, которая стала жилищем знаменитого отшельника на двадцать восемь лет, три месяца и шесть дней... Человеческий след на песке... Встреча с Пятницей... Все это с экрана производило большое впечатление.

Нас всех несколько удивил Тартарен. Очевидно, утомленный всеми событиями этого достопамятного вечера, он тосковал по уюту и покою. Очевидно, в нем сейчас Санчо Панса уложил Дон-Кихота на обе лопатки. Никаких приключений! Никаких путешествий! На наших глазах любимец Тараскона гулял по своему саду в домашнем халате... Подстригал розовые кусты... Поливал баобаб, помещенный в цветочный горшок... Из воинственных эпизодов на экране промелькнули только сцены стрельбы по фуражкам и отдых любимца Тараскона на львиной шкуре... Тем не менее он имел успех, особенно у женской части аудитории. Атлантам не было чуждо чувство юмора, и этот веселый толстяк им понравился.

Но особое впечатление на тысячную аудиторию произвели киномысли капитана корвета «Коршун», хотя он говорил о вещах, происходивших не двенадцать тысяч лет тому назад, а совсем недавно. Он вспомнил солнечный сентябрьский день тысяча девятьсот семидесятого года. Книга «Вокруг света на «Коршуне» находилась в сумке одной симпатичной туристки из Ленинграда, а дело происходило на Всемирной выставке в Японии, в городе Осака. Мы увидели огромные толпы посетителей. Особенно людно было возле павильона СССР. Капитан корвета «Коршун» был так любезен, что провел нас по этому великолепному павильону. А затем на экране появился павильон японской фирмы «Мицубиси». Эскалатор доставил нас в пучину вод. Перед нами проплывали огромные рыбы, освещенные ярким светом. А вокруг на морском дне раскинулся подводный город. Жилые дома, деревья, газоны были покрыты сверкающим стеклом. По экрану проносились подводные автомобили. Тракторы обрабатывали плантации водорослей. Мы видели машины, добывающие на дне моря уголь, железо, золото. Работали нефтяные вышки. Так мы познакомились с мечтами японцев, осматривая модель подводного города будущего.

Наконец, на кафедре появился капитан Артур Грэй. На экране сначала появились кадры его детства, когда в душе маленького мальчика постепенно поселялось огромное море. Он сжился с ним, роясь в библиотеке. В кадре двигались корабли. Часть их теряла паруса, мачты и, захлебываясь волной, опускалась в тьму пучин. Другие, схваченные бурунами, бились о рифы.

Перед нами проплывали корабли-пираты с черными флагами. Корабли-призраки, сияющие мертвен-

ным светом... Военные корабли с солдатами... Корабли научных экспедиций, высматривающие вулканы, растения и животных; корабли с мрачной тайной и бунтами; корабли открытий и корабли приключений. Грэй шел по фарватеру, проложенному для него Александром Грином.

А потом первое плавание на шхуне «Ансельм», где плавал юнга с маленькими руками и внешностью переодетой девочки. Кончено суровое учение у капитана Гопа. Грэй расстался с ним и купил «Секрет», трехмачтовый галиот в двести шестьдесят тонн. Встреча с Ассоль... Лавка, где Грэй покупал шелк для алых парусов. И вот волнующая сцена: Грэй вынимает из воды, как драгоценность, мокрую Ассоль. Она держится за его пояс... с новой душой и трепетно зажмуренными глазами. Счастье сидело в ней пушистым котенком. И вот она поднимается по трапу на борт «Секрета» в сильных руках Грэя.

Растроганные атланты окружили кафедру. Хотя язык любви и не нуждается в переводах, но Маракот пояснил, кто такая Ассоль. Что касается его собственной компетенции в этом вопросе, то она была бесспорной. Ведь «Алые паруса» появились на книжных полках всего на семь лет раньше, чем «Маракотова бездна». И кто же в библиотеках не знал Ассоль?

Высокая красивая девушка по имени Мона была явно огорчена и что-то быстро и строго сказала Маракоту. Ее горячо поддержали обступившие кафедру атланты, в том числе Манд и старый историк.

Маракот перевел нам, что девушка Мона считает, что разлука любящих сердец — это большое горе. Надо пригласить Ассоль сюда, если чужеземцы могут это сделать, или доставить Артура Грэя на поверхность. По ряду соображений нас больше устраивало

второе, тем более что брегет капитана Лемюэля Гулливера показывал, что часовые стрелки не стоят на месте.

Дальше все развивалось с кинематографической быстротой, хотя кинематограф мысли уже был выключен, а в зале гудели мощные вентиляторы.

Атланты снаряжали нас к подъему с огромной тщательностью. Наши головы и плечи были заключены в грушевидные стеклянные колпаки, но, собственно говоря, их только условно можно назвать стеклянными. Они были сделаны из того же легкого, упругого материала, как и костюмы, принятые в Атлантиде для подводных прогулок. Колпаки были совершенно прозрачными, с легкими серебристыми прожилками.

Манд лично пристегнул кожаными ремнями каждого из нас к красивому блестящему шару, который также отливал серебряным блеском. Очевидно, шар был наполнен каким-то составом, дававшим ему возможность двигаться.

Мона подошла к Грэю и торжественно преподнесла ему венок тонкой, древней работы из чеканного золота. Его украшали гроздья семицветных кораллов, искусно соединенные виноградными листьями.

Всем было ясно, что это подарок для Ассоль — самой прекрасной девушке на Земле. Артур поцеловал Моне руку и спрятал венок на груди.

В последний момент к толпе провожающих присоединились вернувшиеся с подводной охоты спутники Маракота — приват-доцент Сайрес Хедли и механик Билл Скэнлэн, но мы так и не успели с ними познакомиться, о чем сожалеем до сих пор.

Манд приказал дать старт.

Мы отбросили уже ненужные копья и еще раз проверили герметичность стекловидных колпаков.

— Счастливого подъема! — крикнул профессор Маракот, перерезая ножом крепежные веревки.

Атланты прересело махали руками, явно желая нам удачи. Последнее, что мы увидели в Атлантиде, было лицо Манда. Он был явно встревожен. Очевидно, его все-таки беспокоила мысль, удастся ли нам благополучно выбраться из глубин, поглотивших Атлантиду.

И тут мы все потеряли сознание. Первым очнулся капитан Немо, когда его шар-двигатель выскочил из воды, подпрыгнул на пятнадцать метров в воздух и снова спустился на воду. Следом сделали такие же прыжки еще шесть шаров.

Мы медленно приходили в себя. У Тартарена текла кровь из ушей и из носа. Но любимец Тараскона был в прекраснейшем настроении и мурлыкал свою песенку. Он напевал всего несколько секунд и замер с открытым ртом. Мы все также почувствовали признаки наступающего удушья. Видимо, в наших подъемных костюмах кончался запас воздуха.

— Отстегнуть ремни, снять колпаки!.. — скомандовал капитан Немо.

Как известно, мы все были опытными пловцами, и для нас не представило большого труда освободиться от стекловидной одежды, тем более она была так легка и гибко поддавалась каждому движению. Немного труднее было Артуру Грэю. Ему все-таки мешал тяжелый коралловый венок. Но ему на помощь пришел Робинзон Крузо и помог освободиться от прозрачных лат.

Оглядевшись по сторонам, мы увидели, что находимся в пустынном океане. Ни дыма, ни паруса не было видно на горизонте. Конечно, мы могли продержаться на поверхности какое-то время. Но сколь-

ко? А Тартарен уже выбивался из сил. Правда, толстяк был перегружен всем своим снаряжением, с которым ни за что не хотел расставаться. Даже объемистый саквояж он прикрепил к шее, залезая в спасательный костюм.

Но нас подбадривал Робинзон Крузо, имевший огромный опыт по части кораблекрушений. Сколько раз он выплывал из морской пучины и оставался жив и невредим! Плеск волн не мог заглушить его бодрый голос, вселявший надежду в наши сердца:

— Клянусь спасением утопающих! В океане всегда можно найти какой-нибудь остров, пусть даже необитаемый... или встречный корабль. А на худой конец плывущее бревно.

Полная луна вышла из-за облаков и залила все вокруг ровным, спокойным светом. Но нам было не до красот морского пейзажа. Мы увидели нечто гораздо более прекрасное — большой обломок реи, то вздымаемый на гребни, то исчезающий между волнами.

Первым доплыл до спасительного обломка Дик Сэнд. Он помогал остальным членам клуба швартоваться, бросая им обрывки снастей...

Тартарена, который совсем ослабел, усадили верхом на бревно... Любимец Тараскона долго отфыркивался, прежде чем смог что-то произнести.

— Что же это такое медам и месье? Встречать Новый год посреди океана. Без елки? Без гуся? Ужасно!.. Ужасно!..

Вдали слышались звуки веселой джазовой музыки. Она быстро приближалась к капитанам, и через минуту на траверзе обломка реи показался белоснежный пассажирский теплоход. Палуба была ярка освещена. Все иллюминаторы сверкали огнями.

Теперь уже был слышен топот многих танцующих пар и веселые возгласы. Спасение было так близко.

Капитаны кричали, махали руками. Вот тут-то пригодилась предусмотрительность Тартарена. Он выхватил из-за пояса свои пистолеты, снял из-за плеч карабины и открыл пальбу. Он пел и стрелял, пока не кончились патроны. Но музыка на теплоходе играла все громче, и вой саксофонов заглушал все остальные звуки.

Еще минута — и теплоход был уже далеко. Это было современное скоростное судно.

— Бездельники, — произнес капитан корвета «Коршун», — они танцуют, и им море даже не по колено. Оно где-то там шумит за бортом. Вот если бы это были рыбаки...

— Рыбаки? В ночь под Новый год... Когда же это было видано? — возразил капитан Немо.

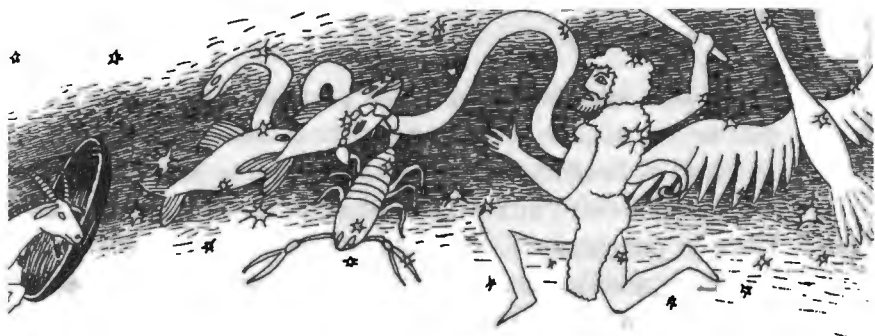
Но Робинзон Крузо, успокаивая друзей, продолжал утверждать, что если уж попались бревну и встречный корабль, то сейчас в поле их видения непременно окажется остров, может быть, даже обитаемый.

Этим надеждам не суждено было сбыться. Тем не менее капитанов ожидала новая неожиданная встреча на океанском просторе.

Раздался сильный порыв ветра, как будто налетел внезапный шквал. Все крепче ухватились за обрывки снастей, а Тартарена сдуло в воду. Из-за облаков стремительно падал вниз шар-пилот, в кабине которого отчаянно жестикулировал какой-то человек в старинной треуголке и расшитом красном камзоле.

Шар очутился прямо над обломками реи, и человек в треуголке прыгнул в воду, подняв большой фонтан брызг.

Освободившись от лишнего груза, воздушный зонд круто взмыл вверх и скрылся из виду.

— Наконец-то я вас нашел!.. — победоносно воскликнул Мюнхгаузен, усаживаясь верхом на бревно. — А вы думаете провести такую торжественную встречу без Карла Фридриха Иеронима? Ну как не стыдно, капитаны!

Ему напомнили, что он сам отправился в пушечном снаряде в Лисс. Но Мюнхгаузен не обратил на это никакого внимания. Ему было важно, что Артур Грэй цел и невредим, хотя, очевидно, основательно продрог.

Но именно Артура Грэя больше всех заинтересовало, где скитался Мюнхгаузен. Во всяком случае, в торговых кварталах Лисса они не встречались.

Знаменитого поборника истины нисколько не затруднило ответить на этот вопрос. Он лихо подкрутил усы, поправил треуголку и положил руку на эфес шпаги. Сейчас ему, вероятно, казалось, что он сидит верхом не на обломке реи, а на лучшем скакуне из султанских конюшен.

— Вы, конечно, понимаете, капитаны, — начал он свой рассказ, — что для всякого артиллериста существуют две опасности — перелет и недолет. С одного выстрела попасть в цель даже мне удастся далеко не всегда. В данном случае перелет. Кроме

того, мы летели без всякого управления. Я первый раз в жизни путешествовал в спальном снаряде. Прилег отдохнуть на минуту и уснул. Меня разбудил страшный грохот. Снаряд врезался в Млечный Путь и развалился.

Тут я вспоминаю, что с детства очень люблю молоко. Меня давно увлекала мысль исследовать Млечный Путь и пересчитать все его звезды. А тут такой подходящий случай. К тому же выяснилось, что в небесных сферах меня прекрасно знают по моим путешествиям на Луну. Сам Юпитер, благосклонно сияя, распорядился оказать мне полное содействие. И я, по правде говоря, очень нуждался в помощи. Дело в том, что из научных приборов у меня при себе были только конторские счета. А на Млечном Пути оказалось несколько миллионов звезд, размером от большой горы до грецкого ореха. Их надо было не только пересчитать, но и взвесить. Да, да! На помощь пришло созвездие Геркулеса. Оно клало звезды на Весы, и мне оставалось лишь менять гири. Работа спорилась, и через пару часов я уже досчитывал последние крупницы звездной пыли. Все! Млечный Путь наконец был приведен в полный порядок. И тут меня приглашают на новогодний бал в высших сферах! Вашего Карла Фридриха Иеронима барона фон Мюнхгаузена объявляют звездой первой величины! Мне пожалован Южный Крест, который я тут же прикрепляю к своему камзолу. Созвездие Лиры перебирает струны, приглашая к танцам. Я вальсирую с юной кометой в первой паре. И вдруг... Случайно задеваю шпорой ее сверкающий шлейф. Правда, если заглянуть в учебники астрономии... там это называется почему-то хвост. Я начинаю извиняться за свою неловкость, в поклоне пячусь назад и... наступаю на

созвездие Скорпиона, которое коварно притаилось поблизости. Огромный Скорпион с яростным шипением бросается на меня. Остается одно — бежать, бежать, бежать... Не жалея каблуков и шпор, я мчусь по Млечному Пути. Но вдогонку слышится громкий собачий лай — это созвездие Гончих Псов устремилось за мной в погоню. А за гончими выходит на поле центральная тройка нападения — созвездия Лев, Козерог и Водолей. Между прочим, последний был самый опасный противник, потому что он все время выпускал огромные струи воды, которые несколько раз сбивали меня с ног. Я окружен!.. Лев ударом лапы отпасовал меня, как футбольный мяч, под удар Козерога. Оглядываюсь и вижу, что с другой стороны Стрелец натягивает свой небесный лук. Я прыгнул в сторону и угодил в берлогу, где сладко спала Малая Медведица. Опасаясь встречи с Большой Медведицей, я выскакиваю из берлоги, но, не рассчитав силы прыжка, падаю в бездну. Казалось, спасения нет!!! Но на счастье, уже недалеко от Земли я встречаю автоматический шар-зонд для исследования высших слоев атмосферы. Мне удалось ухватиться за стропы и забраться в кабину с приборами. Разумеется... шар быстро пошел вниз. И тут неожиданная встреча. Мимо пролетает знакомый джинн, некий Кашкаш, сын Маймуна, из сказок Шахразады. Хороший парень, но, между нами говоря, порядочный враль. Он мне на лету успел крикнуть, что выполняет срочное задание самого Аладдина, сына портного. Надо к утру построить мраморный дворец. Я взываю о помощи. И джинн сжалился надо мной. Он взмахнул рукавом халата, и я очутился прямо над этим деревянным морским конем... готовый сопровождать вас в любые новые странствия!

— Ах, медам и месье... — всхлипнул Тартарен, — нам, кажется, предстоит одно, последнее, странствие — обратно в Атлантиду, но, увы, без защитных костюмов.

И опять откуда-то издалека стала быстро приближаться музыка. Но на сей раз это была не джазовая мелодия, а старинный вальс.

К обломку реи быстро приближался парусный корабль. На палубе сияли огни... И алые паруса трепетали под ветром...

Сомнений не было. Это был галиот «Секрет» из феерии Грина. Как же он здесь очутился? Но мало ли что может случиться в ночь под Новый год... А кроме того, когда людей спасают, для них самое главное именно это.

От галиота отделилась лодка, полная загорелых матросов. На носу... стояла Ассоль и кричала:

— Я здесь! Я здесь! Это я!

Капитанов быстро приняли на борт лодки. Ассоль и Грэй взялись за руки, и затем капитан «Секрета» надел ей на голову драгоценный подарок из Атлантиды. Кораллы синие и желтые, красные и зеленые, оранжевые, лиловые, розовые... переплетались в причудливом узоре из чеканного золота.

Ассоль не помнила, как они поднялись по трапу. Палуба, крытая и увешанная коврами, в ярких выписках парусов, была как небесный сад. Но самым прекрасным созданием на «Секрете» была Ассоль. Недаром матрос Летика назвал ее лучшим призом корабля.

Старый музыкант Циммер тихо водил смычком, а его оркестр играл торжественную встречу.

Артур Грэй поднялся на капитанский мостик, где за рулем стоял наш добрый знакомый Синдбад-мо-

реход... Мы поняли все, без всяких дальнейших объяснений. Аладдину, сыну Хасана-портного, срочно понадобилась его волшебная лампа, и Синдбад-мореход поспешил на страницы феерии «Алые паруса», чтобы привести галиот «Секрет» на помощь знаменитым капитанам.

Ассоль была прекраснее, чем всегда, в коралловом венке из глубин Атлантиды. Она взяла под руку Гулливера и вместе с ним вышла на шканцы. Обращаясь к океанским просторам, она сказала порывисто и звонко:

— Приглашаю на новогоднюю елку всех наших друзей, где бы они ни находились: в морях... на суше... в воздухе... И на книжных полках!.. Отдать парадный трап!..

Первым по трапу вбежал и замер на месте... Максимка из рассказа Константина Станюковича. Он прошептал одними губами:

— В жизни не видал такой елки! Она выше мачты галиота!

Следом за негритенком, гремя латами, проследовали по трапу рыцарь Печального Образа Дон-Кихот и его верный оруженосец Санчо Панса.

За ними последовали Том Сойер и Гекльберри Финн.

А дальше гурьбой поднялись ребята из Синегории и Швамбрании Льва Кассиля.

Подметая шляпами с плюмажем палубу, приветствовали книжное общество три мушкетера и сам д'Артаньян... К ним тут же присоединились Принц и Нищий.

Еще многие герои любимых детских книг быстро заполнили палубу.

Откуда-то донеслись резкие звуки, как будто кто-то бил гирей по отрезку стальной рельсы. Но

кто же в библиотеке не знал, что это — «по форме номер один позывной сигнал общий» из повести Аркадия Гайдара. И действительно, появились Тимур и его команда.

Высокий темноволосый мальчуган лет тринадцати вышел вперед. На нем были легкие черные брюки и темно-синяя безрукавка с вышитой красной звездой. Это и был Тимур.

И над просторами Атлантики прозвучало его искреннее приветствие:

Желаю увидеть вам новые страны,
Плыть по морю в новом году!..
А если вам помощь нужна, капитаны, —
Команду свою приведу!

Команда дружно подхватила хором:

Мы тоже с друзьями в походах бывали,
Извели холод и жар...
И с нами сидел у костра на привале
Аркадий Петрович Гайдар!..

Все библиотечное общество, заполнившее палубу галиота «Секрет», аплодировало Тимуру.

Циммер весело взмахнул смычком, и музыка заиграла туш.

Естественно, Артур Грэй стоял среди своих коллег по Клубу знаменитых капитанов. К нему торопливо подошла Ассоль с конвертом в руке:

— Дорогой Артур, впрочем, нет... капитан Грэй!.. Есть еще один новогодний сюрприз. Когда мы отплывали из библиотеки, курьер принес спешное послание с адресом: Москва, Радио, Клубу знаменитых капитанов.

Грэй надорвал конверт и передал письмо Дику Сэнду:

— Занесите все в вахтенный журнал.

— Это письмо от старого нашего друга — учителя географии, — сказал Дик. — О, тут еще газетная вырезка.

— Что в ней? — спросил Артур Грэй. — Почему вы молчите?

— Сейчас... сейчас... одну минуточку, — тихо произнес пятнадцатилетний капитан в крайнем изумлении. — Капитаны! Нашлись следы Атлантиды!..

Грэй выхватил газетную вырезку из рук Дика и прочел ее вслух.

На нашей памяти это, кажется, был единственный случай, когда мы занесли вырезку из газеты в вахтенный журнал. Но была ли в этом необходимость, судите сами. Эта заметка, напечатанная во французской газете «Паризьен либере», облетела всю мировую прессу... Ее перепечатала и газета «Советская Россия»:

«Обследуя с гидросамолета прибрежные воды Багамских островов, известный французский археолог — акванавт Ребикоф заметил на дне океана около острова Северный Биними остатки каких-то строений. Спустившиеся под воду водолазы увидели огромные стены, длина которых превышает сотни метров. Стены состоят из громадных блоков, вес которых, как полагают, около 25 тонн. Археологи считают, что возраст этих находившихся прежде на поверхности земли сооружений достигает восьми — девяти тысяч лет... Археологическая находка в районе Багамского архипелага вновь привлекла внимание ученых к тайне Атлантиды... Быть может, легендарная Атлантида, погружившаяся на дно океана, находилась в районе Багамских островов».

Тартарен схватил свой саквояж и с азартом воскликнул:

— Едем, медам и месье!..

Его восторженно поддержал Мюнхгаузен:

— Не медля ни минуты! Я уверен, что Атлантида погибла, потому что там процветала ложь. И хотел бы в этом лично убедиться. В интересах истины!..

Но Лемюэль Гулливер охладил их обоих, показав на стрелки своего брегета.

И действительно, было поздно. Новый год уже швартовался у причала.

Подошла Ассоль и на сей раз взяла под руку неукратимого Мюнхгаузена:

— Прошу к столу.

Мюнхгаузен сразу забыл о несостоявшемся новом путешествии в Атлантиду.

— Очаровательная Ассоль! Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен к вашим услугам, как и все мои правдивые истории!

Тартарен первый вбежал в салон капитана галиота. Любимец Тараскона восхищенным взглядом оглядел богатый стол.

— О-о... лангусты, омары, креветки, устрицы, трепанги, суп из акульих плавников! Какой аромат! Салат из морской капусты... Это вам не обломок реи. Медам и месье!.. Новогодний гусь!..

— Вы предпочитаете гуся с запеченными яблоками или с румяной картошкой, дорогой Тартарен? — полюбопытствовал капитан корвета «Коршун».

— Я предпочитаю есть гуся вдвоем!

— То есть как вдвоем?

Толстяк скромно опустил глаза:

— Очень просто. Я и гусь!..

Надо ли говорить, что гуся отдали на растерзание любимцу Тараскона. Но, впрочем, на камбузе нашлось еще с полдюжины гусей, так что все остались довольны.

По знаку Артура Грэя матрос Летика открыл пару бочонков с волшебным напитком из лучших плодов Зурбагана. Пора было наполнить кубки. Ведь Новый год уже поднимался на капитанский мостик.

Тут начались праздничные тосты. Капитаны поздравляли мальчиков и девочек, пап и мам, дедушек и бабушек... Разумеется, не были забыты юные моряки, путешественники и следопыты. Артур Грэй призывал к новым мечтаниям на палубах кораблей и у походных костров. А Тартарен — с новыми переходами из класса в класс на бриге «Пятёрка».

Прозвучал бой корабельных склянок. Это было ноль часов... ровно! Юнга Новый год стал к штурвалу на триста шестьдесят пять дней. И Артур Грэй пожелал капитанам и всем их друзьям счастливого плавания.

Где-то вдали прокричали петухи... Очень странно было слышать их голоса в Атлантическом океане.

Тем не менее надо было спешить, и Гулливер приказал свистать всех в библиотеку.

Не дожидаясь прибытия в нашу кают-компанию, Робинзон Крузо, как всегда, произнес:

— И, как говорится в романах, продолжение следует.

Музыка старого Циммера, из феерии Александра Грина, бежала за нами по волнам, растворяясь в лунном блеске.

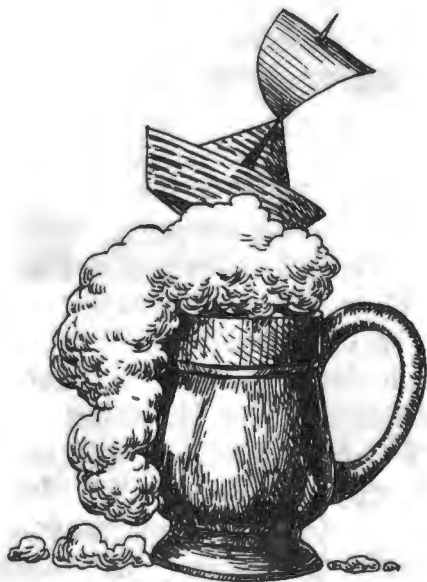
И вдруг совершенно неожиданно, как это еще не бывало никогда, перед нами...

ПРИМЕЧАНИЕ

На этом обрываются записи в вахтенном журнале Клуба знаменитых капитанов за номером два — «Адрес отправителя: Атлантида». Так же, как и в «Диалогах» Платона, — посреди фразы.

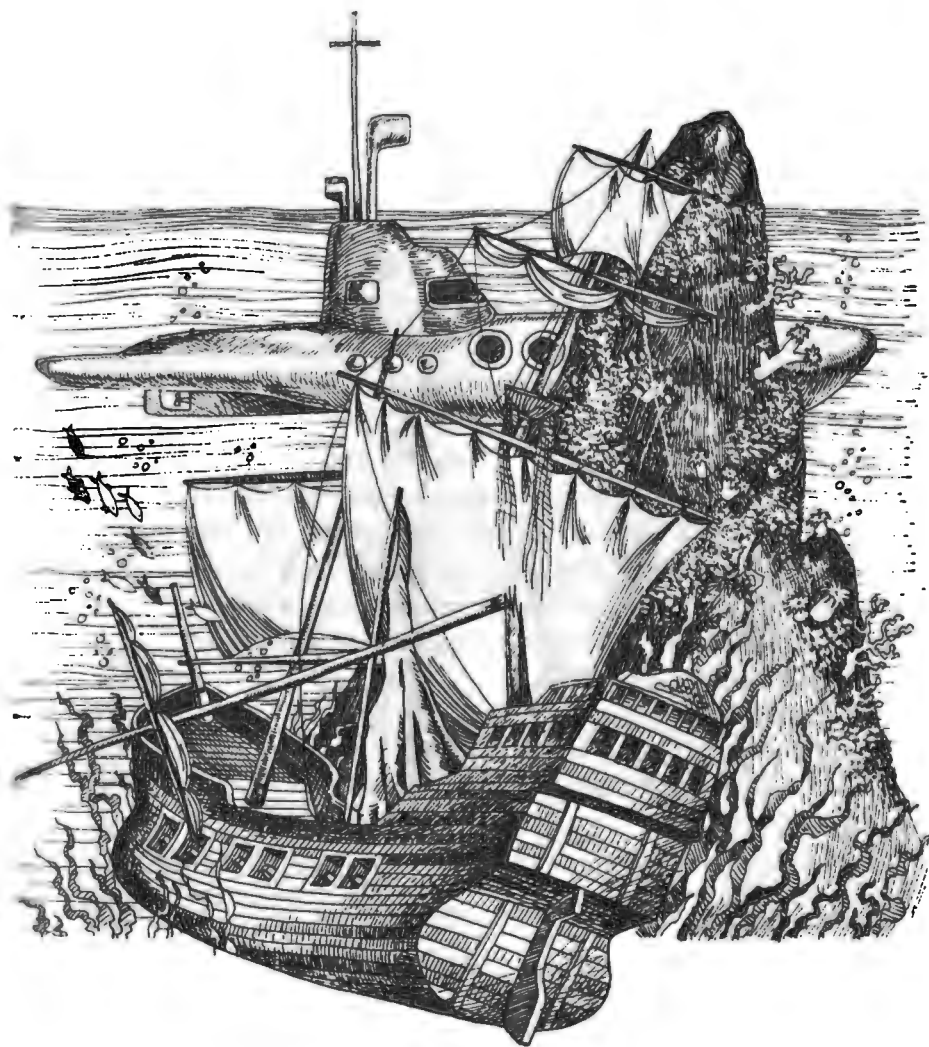
Мы все же не теряем надежды, что впоследствии удастся отыскать конец второй тетради, а возможно, и другие вахтенные журналы Клуба знаменитых капитанов, нам до сих пор неизвестные.

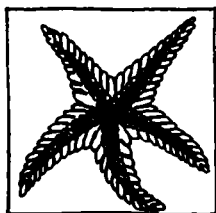
Географический кружок «Алый вымпел»

НАСАБЕАСТВО СТАРОГО КАПИТАНА

Третья клеенчатая
тетрадь

В мире есть много удивительного и таинственного. И надо сказать, что, когда Мария Петровна и ее помощница Катюша без пяти семь закрывали библиотеку, капитаны на каждом заседании сталкивались с какой-нибудь загадочной историей. Но даже старейший из них, достопочтенный Робинзон Крузо, украшающий книжные полки уже более двухсот пятидесяти лет, в этот вечер был поражен не менее остальных.

Да, они столкнулись с загадкой, которую почти невозможно было разгадать. Скучное это занятие — заполнять вахтенный журнал, особенно в штормовую погоду, но на сей раз оно показалось необыкновенно увлекательным.

Впрочем, судите сами.

Напольные бронзовые часы в футляре из красного дерева мелодично прозвенели семь раз. На книжных полках зашелестели страницы.

Раздалась привычная команда капитана корвета «Коршун»:

— Свистать всех наверх!

И мгновенно запели боцманские дудки.

Откликаясь на их зов, из переплетов своих романов начали появляться члены клуба. И, как всегда, первым запел традиционную песенку капитанов наш общий любимец Дик Сэнд. Остальные дружно ее подхватили:

В шорохе мышинном,
В скрипе половиц
Медленно и чинно
Сходим со страниц...
Встречи час желанный
Сумерками скрыт...
Все мы капитаны,
Каждый — значит...

— О, медам и месье, — заметил Тартарен, сбрасывая с округлых плеч клетчатый плед. — Я не вижу в кают-компании барона Мюнхгаузена. Может, мы немножко подождем?..

— Ждать Мюнхгаузена? — со скептической улыбкой возразил Робинзон Крузо, усаживаясь в кожаное кресло. — Бессмысленное занятие. Кто знает, какие утки увлекли его в новый полет... А быть может, он пересекает океан в чреве кита?

— Все это в равной степени возможно и невозможно. Давайте начинать! — решительно произнес Немо, занимая свое место за круглым столом.

Тартарен потянулся через весь стол за председательским молотком из черного дерева. Доски стола заскрипели под грузным телом любимца Тараскона. Однако молоток благополучно очутился в его руках, если не обращать внимания на упавшую со стола фарфоровую пепельницу.

— Ну, начнем! — И Тартарен три раза стукнул молотком.

Его остановил недоуменный вопрос Артура Грэя:

— Позвольте, но вы даже не заметили отсутствия капитана Лемюэля Гулливера. Как же можно начинать без него?

— Ну а если он участвует в бесконечных научных диспутах на летающем острове Лапута? — высказал предположение Немо.

— Все-таки подождем. Это ведь не Мюнхгаузен, а Гулливер. Его аккуратность всем известна. Я уверен, что он скоро явится, — сказал капитан корвета и, любезно улыбнувшись, взял молоток из рук Тартарена.

— Пардон, Василий Федорович, я вас не понимаю... Я уже почти открыл заседание. Отнимать мо-

лоток у председателя? — удивленно произнес Тартарен, всплеснув руками.

Дик Сэнд вскочил со своего места и с юношеским задором воскликнул:

— Давайте, капитаны, вручим председательский молоток тому, кто сможет ответить на какой-нибудь трудный вопрос. Вот, например: кто из вас знаком с флагом молодого африканского государства Гана?

— Молодой человек, — с оттенком превосходства усмехнулся Тартарен, — это известно каждому школьнику. Три полосы — желтая, зеленая и красная.

— Вы забыли... в центре флага красуется черная звезда, — добавил Артур Грэй.

— Я не забыл! Вы меня просто перебили! Что за манера! — запальчиво ответил тарасконец.

Дик Сэнд воткнул в глобус маленький флажок Ганского государства в точке города Аккра.

— Что означает этот флаг? Почему полосы красного, желтого и зеленого цвета? И что означает черная звезда?

Наступило молчание. Робинзон сосредоточенно набивал трубку. Немо задумчиво глядел на флажок.

— Ну, желтый цвет — это пески, — неуверенно произнес Робинзон.

— Возможно, зеленый цвет — это вода. А красный — солнце на закате, — высказал свои догадки Немо.

— Да, солнце бывает багряным. Но черная звезда — в первый раз слышу, — вздохнул Тартарен, с грустью поглядывая на председательский молоток.

— Вы все не угадали, — сказал капитан корвета «Коршун». — Впрочем, тут и нельзя гадать. Такие

вещи надо знать твердо. Желтая полоса — это знак золота, зеленая — цвет бобов какао, красная — память крови, пролитой борцами за свободу Ганы. А черная звезда — это символ братского единства всех народов Африки.

Тартарен приподнялся с места и с грустной улыбкой вручил молоток русскому капитану.

Василий Федорович постучал три раза по столу и торжественно произнес:

— Заседание Клуба знаменитых капитанов считаю открытым.

Внезапно раздался резкий стук в дверь. Все насто-
рожились.

— Уж не вернулись ли наши библиотекари? —
опасливо прошептал Тартарен.

Робинзон пожал плечами.

— Клянусь своей дружбой с Пятницей — это не
они. Зачем стучать, когда в кармане лежат ключи!

Снова постучали. На сей раз еще громче.

— К оружию, капитаны! Возможно, это пираты из
романа Стивенсона «Остров сокровищ» возвращают-
ся в библиотеку, — воскликнул Артур Грэй.

Члены клуба обнажили шпаги и кортики, выхва-
тили из-за поясов пистолеты. Тартарен взялся за руч-
ку огромной сковородки.

Кто-то яростно колотил в дверь кулаками. Затем
раздался приглушенный голос:

— Да откройте же наконец! Это я, ваш старинный
друг.

Пятнадцатилетний капитан бросился к двери и от-
крыл замок. На пороге появился человек огромного
роста в черном плаще.

— Месье Гулливер! — облегченно произнес Тарта-
рен, вытирая со лба холодный пот.

Опоздавший капитан снял шляпу, сбросил плащ, поправил крахмальный воротник и церемонно поклонился.

— Да, перед вами Лемюзель Гулливер из романа Джонатана Свифта собственной персоной, невзирая на все превратности судьбы.

— Где вы скитались, сударь? — с нетерпением произнес Робинзон.

Гулливер уселся в удобное кресло, подвинул к камину озябшие ноги.

— Достопочтенные капитаны! Не будем терять драгоценного времени. Я прошу всех отнестись к моим словам с особым вниманием и серьезностью. То, что вы сейчас услышите, столь же необыкновенно, сколь и загадочно. Эта история поставила меня в тупик так же, как одно происшествие, случившееся в Дублине в тысяча семьсот двадцать шестом году, то есть в год моего появления на книжных полках. Как сейчас помню, в ту ночь в Дублине выпал мокрый снег. Вдруг на черепичной крыше ратуши...

— ...показалась зловещая тень человека, — перебил его Тартарен.

— ...с кинжалом в руке, — весело добавил Дик. — Это мы уже слышали сто раз. А что с вами случилось сегодня?

Гулливер нисколько не обиделся.

— Дело не во мне. Сегодняшний случай, правда, несколько напоминает историю шкатулки с рубинами магараджи. Я напоминаю вкратце. Это случилось в Бомбее в тысяча восемьсот двадцать шестом году. В этот день как раз окончился сезон дождей...

Но нам не удалось в двухсотый раз услышать историю о похищении рубинов магараджи. Резкий стук председателяского молотка оборвал плавную речь рассказчика.

— Я лишаю вас слова, — произнес командир «Коршуна». — Нас интересуют новые истории, новые приключения, новые загадки.

Гулливвер встал и сухо ответил:

— Лишать меня слова? В тот момент, когда я хотел приоткрыть перед вами завесу... я бы сказал, необыкновенной тайны, тайны драгоценного клада!

— Клада?.. Где же он находится?.. И что там закопано? Когда? У кого ключи от сундука? — как из пулемета, застрочил Тартарен.

— Увы! На все эти вопросы ответа пока нет.

— Не томите нас, Гулливвер! Рассказывайте все, что вам известно! — поторопил его глубоко заинтригованный Робинзон.

Герой романа Свифта снял с левой руки манжету, на которой красовались какие-то карандашные записи.

— Извольте. Я находился недалеко от Москвы, в одном научно-исследовательском институте. Сотрудник этого института, некто Синельников, перечитывал историю моих скитаний. Моего читателя навещает гость — достоуважаемый участник научной экспедиции на немагнитной шхуне «Заря». И вдруг я слышу — посетитель передает поручение с борта «Зари» от магнитолога Саши Ермакова. Пользуясь оказией, Саша просит своего школьного товарища Алексея Синельникова помочь ему в весьма затруднительном положении.

— Да что же случилось на «Заре»? — не выдержав, перебил Дик Сэнд.

— Это случилось не на заре, а ночью. И не в океане, а в Москве. Скончался капитан дальнего плавания Иван Петрович Ермаков, оставив весьма примечательное завещание относительно судьбы своих сокровищ.

— Сокровищ? Каких сокровищ? Вы долго будете играть на моих нервах, Гулливер?.. Весь Тараскон знает, как я страшен в гневе, — мрачно сдвинув густые брови, заявил Тартарен.

— Спокойствие, любезные друзья. Я успел сделать на манжете некоторые заметки, пока гость с «Зари» рассказывал про это завешание. Вот слушайте: «Я, капитан дальнего плавания Иван Петрович Ермаков, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю свои сокровища, собранные на протяжении всей моей жизни...» А дальше я, к сожалению, не расслышал, кому именно адресовано завешание.

— Неужели вы больше ничего не записали? — с огорчением переспросил Немо.

— Я успел записать самое главное — местонахождение клада. Вот... «Этот дар хранится в моем родном городе по адресу: Пушкинская улица, двадцать, во дворе дома моей сестры Аглаи Петровны Ермаковой. Искать его надо в каменном сарае у старого дуба». Итак, племянник старого моряка Саша Ермаков уже больше года в плавании, исполнить волю дяди до сих пор не смог и попросил заняться этим Алексея Синельникова.

Робинзон со вздохом начал разжигать трубку.

— Где же тут тайна? Клянусь глобусом, мне все ясно, как морская карта!

— Есть множество неясных и даже ошибочных карт, — заметил командир «Коршуна».

— Какие же сокровища хранятся на Пушкинской, двадцать? Золото в слитках? Старинные монеты? Коллекция древностей? Дорогое оружие? — задавал сам себе вопросы Тартарен, но не находил на них ответа.

В глазах Немо промелькнула какая-то искорка.

— И кому завещан клад? Родным или друзьям? Членам его экипажа? Престарелым морякам?

— Это все не имеет значения. Ведь, конечно, Алексей Синельников поспешил выполнить просьбу своего друга Ермакова-младшего и отправился на поиски сокровищ. А кому передать — он-то хорошо знает, — с большой уверенностью заявил Дик Сэнд. — Разрешите манжету, капитан Гулливер. Я на всякий случай занесу ваши записи в вахтенный журнал.

Тот передал юноше смятую манжету.

— Вы ошибаетесь, Дик. Мой читатель из научно-исследовательского института Алексей Синельников никуда не поспешил. Он вздохнул и сказал: «Поздно. Я уже не успею». Но почему он сказал «поздно»? И так просил передать Саше Ермакову на «Зарю».

Робинзон пришел в большое волнение.

— Я понимаю, почему он так сказал. Видимо, в самом деле поздно. Все ясно — сокровища похищены и сарай на Пушкинской, двадцать, пустой. Дайте спичку, Тартарен.

Толстяк с величайшей готовностью чиркнул спичкой о подошву и любезно поднес огонь к трубке Робинзона.

Артур Грэй тотчас вступил в спор:

— Вам все ясно. А мне все неясно. Сплошной туман. С редкими просветами. Видно только одно — без нас дело не обойдется. Для Алексея Синельникова — поздно и невозможно. Но мы, знаменитые капитаны, не раз обгоняли ветры и ураганы, пространство и время. Мы можем успеть, что бы там ни случилось!

Робинзон спокойно уселся в кресло возле камина, явно не собираясь никуда спешить.

— Клянусь попутным ветром, мы можем успеть. Но к чему? Зачем нам эти неведомые богатства, когда страницы наших романов переполнены драгоценными грузами погибших кораблей, сундуками с дублонами, бочонками с пиастрами. А жемчуг и золото подводных глубин всегда в распоряжении нашего друга капитана Немо.

— Вы правы, Робинзон. Знаменитым капитанам не нужны ни деньги, ни драгоценности. Но наш долг — немедленно отправиться на поиски и передать сокровища Ивана Ермакова их законным владельцам, — решительно заявил Немо.

— А вы их знаете? Вам известны их имена? — скептически усмехнулся прославленный отшельник. — Я уже не говорю о том, что сокровища, вероятно, похищены.

— Вы в этом уверены? — строго переспросил Немо. — Надо прежде всего отыскать клад, а наследники всегда найдутся.

В этот момент раздался легкий свист и чей-то незнакомый голос прозвучал в кают-компани: «Возможно, что наследники найдутся, если они существуют. А может быть... их и нет на свете?»

Капитаны растерянно переглянулись. Ведь никто из них этого не сказал, но все слышали это неожиданное заявление.

— Клянусь безмолвием Арктики, — тихо произнес Робинзон, — я слышал человеческий голос. Кто это говорил?

— Неужели... привидение? — прошептал Тартарен.

В ответ послышался хохот.

— Кто бы вы ни были, сударь, — решительно воскликнул Артур Грэй, — подойдите!

«Я здесь... среди вас...» — в ответ прозвучал тот же неведомый голос.

— Где вы? — нервно крикнул Тартарен, вытащив пистолет.

— Достопочтенное привидение, — любезно обратился Гулливер, озираясь по сторонам. — Если вы не хотите предстать перед нами в виде призрака или тени, то хотя бы назовите себя.

— Я всегда ценил вежливость, Гулливер. Разрешите отрекомендоваться, — ответил незнакомый голос. — Я физик Гриффин!

— Физик Гриффин? — удивился Дик Сэнд. — Мы будем рады, если герой романа «Человек-Невидимка» примет участие в нашей встрече.

— С удовольствием, — ответил Гриффин. — Когда я буду свободен от своих дел, навязанных мне моим автором Гербертом Уэллсом.

Капитаны услышали легкий свист. В кают-компании наступила тишина. Ее взорвал своим криком Тартарен:

— Ложь! Я не верю ни одному слову! Где доказательства, что это физик Гриффин? А может быть, это самое обыкновенное привидение или призрак... тень... мираж?

— Мираж в библиотеке? — весело произнес Артур Грэй. — Не смешите детей, любимец Тараскона. Мираж — это оптическое явление в атмосфере. Для этого нужна пустыня или океанский простор. Во всяком случае далекая линия горизонта, на которой появляются мнимые изображения.

— Ах, медам и месье! — прошептал Тартарен. — Я вспоминаю чарующие миражи в Сахаре... Зеленые кроны пальм... зеркальная гладь воды... цветущие оазисы... купола мечетей и дворцов. Но кара-

ван бредет по пескам, а видения не исчезают и не приближаются. Ужасно! Ужасно!..

— Совершенно верно, — подтвердил Немо. — При так называемом верхнем мираже могут стать видимыми предметы, скрытые на много миль за линией горизонта. А вообще говоря, мираж не более чем отражение световых лучей на границах слоев воздуха различной плотности.

— Мерси, мерси! — поблагодарил любимец Тараскона с иронической улыбкой. — Ваше сообщение весьма облегчит мои путешествия по Сахаре. Весьма... Но куда все-таки исчез месье Гриффин?

— Об этом лучше спросить Герберта Уэллса, — заметил Дик Сэнд и, взглянув на лицо Артура Грэй, добавил: — Вы чем-то озабочены, капитан Грэй?

— Да, меня не особенно волнует вопрос, куда исчез физик Гриффин. На то он и человек-невидимка! Странно другое... Зачем он появился, если это можно назвать появлением?

— Что вас смущает, дорогой Грэй? — поинтересовался капитан корвета «Коршун».

— Только одно обстоятельство, — ответил Артур Грэй. — Человек-невидимка подал свой голос как раз в тот момент, когда мы говорили о сокровищах покойного капитана...

— Я думаю... это случайное совпадение, — заметил Дик Сэнд.

— Клянусь морскими туманами, меня больше волнует сообщение нашего друга Гулливера, — сказал Робинзон Крузо. — Пора действовать!..

А тем временем Тартарен быстро собирал походный багаж.

— Медам и месье, скорее в путь! Ни минуты не медля! За мной!

— А куда? — озадаченно спросил Дик Сэнд, показывая толстяку запись в вахтенном журнале.

— То есть как — куда? — удивился Тартарен, заглядывая в журнал. — Тут же ясно сказано: «Пушкинская, двадцать, каменный сарай во дворе у старого дуба».

Командир «Коршуна» призвал спорщиков к порядку:

— А в каком городе эта Пушкинская улица? Здесь сказано — в родном городе капитана Ермакова. А где он родился?

Воцарилось молчание. Этот вопрос всех поставил в тупик. Гулливер, потирая лоб рукой, тщетно пытался вспомнить подробности разговора, невольным слушателем которого он оказался.

— Гм-м... Действительно, где он родился? Человек с «Зари» называл какой-то город, если не ошибаюсь, на букву «б». Но я был слишком потрясен словом «поздно» и как-то не удержал в памяти название города.

— Умоляю вас, припомните, Гулливер. Может быть, это Брянск, Борисов, Батайск, Бугульма? — отдельно произнес Робинзон.

— Нет, не то...

— Быть может, Брест, Балта, Бахчисарай, Бологое? — высказал свои предположения Артур Грэй.

— Нет, нет.

Дик Сэнд медленно крутил глобус, поглядывая на территорию Советского Союза. И хотя на глобусе не было названий всех городов, это помогло ему кое-что припомнить.

— А вдруг это Благовещенск? Или Бийск? Борисоглебск? Бобруйск?

— Не похоже.

И вдруг Тартарен лихо подкрутил усы и, радостно сверкнув глазами, категорически заявил:

— Я знаю! Бухара!

— Только не Бухара, — горестно вздохнул Гулливер.

— Что ж гадать? — сказал капитан корвета. — Давайте разберемся по порядку. Капитан дальнего плавания Ермаков, очевидно, из морской семьи, где чтут традиции. Ведь его племянник тоже плавает на «Заре». Скорее всего, старик жил в одном из портов. В таком случае — это Баку, Бердянск или Батуми. И в каждом из них должна быть Пушкинская улица.

— Могу ручаться, что эти города не были названы, — уверенно ответил Гулливер.

Часы мерно пробили восемь. Маятник неумолимо продолжал свое извечное качание.

Командир «Коршуна» решительно встал и прицепил кортик.

— Ждать больше нельзя. Остается одно — отправиться на борт «Зари», отыскать Сашу Ермакова, найти завешание и узнать, какой город в нем назван.

— И кому предназначены сокровища, медам и месье! Это не менее важно!.. — вставил Тартарен, застегивая ремни своего походного рюкзака.

А Робинзон даже и не подумал тронуться с места.

— Куда вы собрались? Мы же не знаем, в каком океане искать «Зарю»? Кому известны ее координаты?

— Мне! — воскликнул прибодрившийся Гулливер. — Как раз об этом говорили достоуважаемые собеседники в научно-исследовательском институте. Я запомнил точно и отвечаю за свои слова. «Заря» находится в порту Такоради на побережье Гвинейского залива, неподалеку от Аккры.

— На чем же мы двинемся в путь? — спросил Артур Грэй. — Может быть, на вашем «Наутилусе», капитан Немо?

Тот отрицательно покачал головой, увенчанной белоснежной чалмой.

— Кто же не читал «Восемьдесят тысяч километров под водой». Все знают мой корабль «Наутилус». И вряд ли мы сможем незаметно подойти к борту «Зари». Здесь нужен ровесник этой шхуны. И лучше всего судно под советским флагом. Я предлагаю...

Дальше запись в судовом журнале была размыта. С помощью лупы можно было разобрать конец одной строчки и начало следующей. Очевидно, это были слова «Помор» и «янки». Но «янки» тут были совершенно ни при чем. Капитаны очутились на борту «Поморянки» — советской подводной лодки. Эта лодка вела разведку рыбных косяков и изучала жизнь промысловых рыб.

Команды на лодке не было. Это был единственный рейс, когда «Поморянку» вел Немо с помощью своих друзей по Клубу знаменитых капитанов. Кое-кому может показаться маловероятным, чтобы «Поморянка» оказалась в руках героев детских книг. Но для знаменитых капитанов не представляло никакого труда взять со страниц любого романа, повести или даже сказки корабль, припасы, оружие, морские карты, коня или ковер-самолет.

Однажды, помнится, им понадобилась собака по прозвищу Белый Клык из повести Джека Лондона, а в другой раз они пригласили доброго слона из рассказа Куприна. Правда, в клубе прихворнул Тартарен, а не маленькая девочка. Сколько раз милейший мистер Пиквик из романа Диккенса посылал за ними почтовый дилижанс! И сколько ночей они провели в океа-

не на мокрых шканцах фрегата «Паллады», столь талантливо описанного Гончаровым!

Теперь, когда самые закоренелые скептики не могут более сомневаться в правдивости этих слов, остается добавить, что в тот достопамятный вечер подводная лодка «Поморянка» шла курсом строго на норд, пересекая воды Гвинейского залива. Справа по борту находился великий черный континент — Африка. Но в подводном положении это можно определить, только сверяясь с картами.

Сильные прожекторы освещали путь далеко вперед. В их ярком свете метались потревоженные обитатели морских глубин.

Сквозь смотровые стекла были видны причудливые колонии кораллов, похожие на подземные сказочные леса.

Капитаны, как зачарованные, глядели то на лиловые, то на зеленые или красные, а порой синие созвездия коралловых цветов.

Конечно, это были вовсе не цветы, а полипы. Эти коралловые существа по форме напоминают цветы с шестью или восемью лепестками, но это не благоухающие лепестки, а щупальца, с помощью которых полипы добывают себе пищу. У кораллов меню такое же, как у китов. Те и другие питаются планктоном — микроскопическими инфузориями, рачками, бактериями и тому подобными мельчайшими живыми организмами.

Но вот общее внимание привлекла огромная пятнистая мурена, похожая на гигантского угря, длиной около трех метров, с открытой хищной пастью, наполненной бесчисленным количеством зубов. Вспугнутая появлением подводной лодки, мурена прервала погоню за многоцветным морским пету-

хом и скрылась в темной расселине коралловой постройки.

Такого же размера барракуда, удивительно напоминающая шуку, и не подумала спастись бегством. Она кинулась в атаку, пытаясь с ходу разбить смотровое стекло.

— Бр-р... не хотел бы я встретиться с этой крошкой лицом к лицу, — сказал Тартарен, отшатнувшись от окна. — Взгляните на эти ужасные зубы. Даже мурена мне кажется несколько симпатичнее.

— Едва ли это так, — поправил его капитан Немо. — Барракуда не знает страха и дьявольски энергична. Однако мурена гораздо опаснее. Известно множество случаев, когда мурена стаскивала людей со шлюпок и нападала на водолазов. Пасть этого хищника никогда не закрывается. Слишком уж много у нее зубов. И, кроме того, укус мурены ядовит. Она ищет добычу не только в тропических водах, но встречается в Средиземном море и даже у южных берегов Англии.

— Выходит, мурены опаснее акул? — с некоторым сомнением заметил Дик Сэнд.

— И те и другие хороши, — вмешался Робинзон. — Не позавидую тому, кто повстречается с белой акулой, метров двенадцати длиной, так называемой акулой-людоедом. Представьте себе, у нее несколько сот зубов, по четыре сантиметра каждый.

— Не знаю, как было с вами, — самонадеянно заявил Тартарен. — Меня акула не пробовала. Но я ее ел! Суп из акульих плавников! Пальчики оближешь. А мясо? Если не знать, что это кусок акулы, можно подумать — какая прекрасная осетрина! Но скажу честно — акулей икрой никогда не лакомился.

Капитан корвета усмехнулся и не без иронии пояснил:

— И никто не лакомился, дорогой Тартарен. Акула икры не мечет. У нее рождаются живые акулята.

Гулливвер не принимал участия в этом разговоре. Его внимание было целиком приковано к картам и приборам. Наконец, оторвавшись от экрана радиолокатора, он торжественно произнес:

— Достопочтенный капитан Немо, мы находимся на траверзе порта Такоради. Цель нашего путешествия близка.

— Проекторы гасить! Готовиться к всплытию! Продуть цистерны! — скомандовал капитан «Наутилуса», нашумевшего на страницах романа «Восемьдесят тысяч километров под водой», но, к сожалению, несколько устаревшего за последнее время. Не секрет, что подводная лодка «Поморянка» обладала многими примечательными достоинствами, которые не предвидела фантазия Жюль Верна.

На «Поморянке» была аппаратура, дающая возможность вести наблюдение как под водой, так и на ее поверхности, чувствительные гидрофоны, улавливающие самые слабые звуки, и многое другое из чудес современной техники. Не было только минных аппаратов и тарана, которым «Наутилус» топил вражеские корабли, и вообще никакого оружия. Ведь «Поморянка» была подводной лодкой, оборудованной в чисто научных целях.

Помощь рыболовным судам и изучение жизни моря — вот ее задачи.

Но в этот достопамятный день с борта «Поморянки» не велись наблюдения за косяками промысловых рыб и не изучалась работа новых тралов. Нет!

Целью этого удивительного рейса были поиски сокровищ капитана Ермакова.

Лодка всплыла на поверхность в нескольких кабельтовых от портового волнолома. Открылся люк, и капитаны вышли на палубу, мгновенно просохшую под жаркими лучами тропического солнца. Они в бинокли и в подзорные трубы осмотрели все суда, стоявшие у причалов, но, увы, среди них не было ни одного парусника, напоминающего шхуну «Заря».

Капитан корвета долго разглядывал пузатый лайнер под голландским флагом, затем перевел трубу на советский танкер «Некрасов». За кораблями открывалась панорама большого современного порта, сильно выросшего после освобождения Ганы от британского владычества.

Совещание на палубе «Поморянки» длилось недолго. Капитаны решили разделиться: Немо, Артур Грэй, Гулливер и Робинзон остались на лодке, а капитан корвета с Диком Сэндом отправились в шлюпке на берег, чтобы разузнать, куда ушла «Заря». В последний момент к ним присоединился Тартарен, объявив себя крупнейшим знатоком африканских дел.

Шлюпка с тремя знаменитыми капитанами пришвартовалась возле рыбацкой пристани. Они вышли на берег и смешались с пестрой разноплеменной толпой моряков и туристов, путешественников и бродячих торговцев. Никто не обращал внимания на их костюмы. Малиновая феска Тартарена, мундир капитана корвета и камзол Дика Сэнда выглядели весьма скромно среди пестрых индийских сари, цветных кенте — праздничной одежды ганцев, сенегальских тюрбанов и клетчатых мужских юбок гостей из далекой Шотландии.

Оглушенные шумом портового города, особенно после безмолвия морских глубин, капитаны шли мимо бесконечных рядов уличных торговок. Те кричали на разные голоса, предлагая свой нехитрый товар: кокосовые орехи, вареные плоды маниока, связки бананов, крупные апельсины.

Здесь же можно было купить спички, табак, рыболовные крючки, коралловые бусы, дешевые ткани, цветные платки и серьги, брошки, кольца, браслеты, сделанные искусными руками ганских мастеров.

Среди покупателей лавировали женщины с поклажей на голове. Руки у них были свободны. Даже школьницы несли свои тетради и чернильницы на головах.

Вокруг продавщиц всякой снеди резвились маленькие ребята. Недаром уличных торговок в Гане называют «мэмми», что означает мама.

Капитаны спрашивали многих встречных — не знают ли они, куда ушла шхуна «Заря»? И была ли она вообще в Такоради? Но ни регулировщик на перекрестке, ни шофер такси, ни швейцар у подъезда большого отеля, ни парикмахер, куrivший у дверей своего заведения, ничего не знали. Только мальчишка-газетчик на лету ответил, что видел советский парусник в порту еще сегодня утром. Больше от него ничего нельзя было добиться, как он ни морщил свой черный лоб, покрытый испариной.

В этот момент задержавшийся у лотка с жареной рыбой Тартарен услышал французскую речь. Два рослых моряка в беретах с помпонами выбирали коралловые ожерелья, со смехом примеряя их на своих загорелых шеях.

Словоохотливые моряки из Марселя тут же рассказали нашему тарасконцу, что «Заря» стояла ря-

дом с их пароходом «Орлеанская дева» и часа два назад снялась с якоря курсом на Аккру.

Дальше события развивались с волшебной быстротой. Тартарен юркнул в какую-то лавчонку и выскочил оттуда в огромном сомбреро, прихватив подмышку еще две такие же соломенные шляпы для своих друзей. И уже втроем капитаны примкнули к группе туристов из Южной Америки. Многие из них носили сомбреро. Это прекрасная защита от палящих лучей солнца. Спросите любого мексиканского пеона.

Голубой туристический автобус быстро мчался по асфальтовому шоссе в столицу Ганы Аккру.

Капитаны уселись в задние кресла, стараясь держаться подальше от своих веселых спутников. Они смотрели на тропические заросли, на тенистые ущелья и на морской берег с рыбацкими лодками, куда временами выходила дорога.

— До Аккры всего сто пятьдесят миль. Я уверен, что мы там застанем «Зарю» и раскроем тайнуклада капитана Ермакова, — тихо сказал Дик Сэнд.

— О мой мальчик! — грустно возразил Тартарен. — Не увлекайтесь. Мы можем не застать «Зари» — это раз. Племянник старого моряка Саша Ермаков может не оказаться на борту — это два. Завещание может быть утеряно — это три. И множество других сюрпризов судьбы — это четыре, пять, шесть и так далее до бесконечности...

Их разговор прервал звучный голос гида. Это был молодой высокий африканец в белоснежном костюме с микрофоном в руке.

— Наше молодое государство подняло флаг независимости лишь в тысяча девятьсот пятьдесят седьмом году. Английская колония Золотой Берег стала

Республикой Гана. История Ганы известна со времен средневековья. Ее описывали многие арабские путешественники еще в десятом веке. Но Гану завоевали берберы-магометане, вторгшиеся в страну с севера. Древняя столица государства Кубми-Сале была разрушена и занесена песками...

Автобус плавно затормозил возле ветхих стен старинной крепости. Гид пригласил туристов осмотреть крепость Эльмину, построенную португальцами в конце пятнадцатого века, за десять лет до открытия Америки. Это был первый из двадцати семи укрепленных замков, воздвигнутых колонизаторами на земле Ганы.

Захватив фотоаппараты, гости из Южной Америки шумной толпой двинулись по подъемному мосту через глубокий ров, на ходу снимая на пленку башни и бастионы.

Капитанам пришлось следовать за ними — ведь автобус все равно стоял на месте в ожидании путешественников.

Члены клуба вместе со всеми прошли через покрытый потрескавшимися плитами двор, затем гид зажег яркий электрический фонарь, и туристы спустились вниз в каменные «магазины», где когда-то хранился особо ценный товар — черные рабы для отправки на американские плантации. Торговлю людьми вели португальцы, голландцы, шведы, датчане, немцы, затем постепенно их всех вытеснили английские работоровцы.

При свете фонаря были видны покрытые вековой сыростью стены и столбы с обрывками ржавых цепей. Из казематов туристы вышли через узкий проход прямо на морской берег. Этим путем гнали рабов для погрузки в трюмы кораблей. Здесь пленные

африканцы могли в последний раз вдохнуть воздух своей родины.

Пока путешественники занимали свои места в автобусе, гид рассказал, почему эта страна называлась Золотым Берегом. Отсюда вывозилось много золота, и сегодня еще добыча золота составляет восемьдесят процентов горной промышленности страны. Но вскоре на смену желтому золоту пришло «черное золото» — рабы. Торговля рабами была прибыльнее, чем добыча золотого песка. А в наши дни Республика Гана — королева какао. Так что любители шоколада, конфет и какао с молоком или без молока должны быть благодарны трудолюбивым ганцам.

Блистательная мысль Тартарена — присоединиться к туристской группе — на проверку оказалась далеко не столь блистательной. Она стала угрожать провалом всего плана. Хотя Аккра постепенно приближалась, но все еще казалась недосыгаемой. Автобус делал одну остановку за другой.

Правда, было очень интересно посмотреть на отлично сохранившиеся строения бывшей датской крепости Христианберг...

По обеим сторонам дороги тянулись зеленые плантации какао, банановые рощи и заросли кокосовых пальм.

Но когда автобус в десяти километрах от столицы завернул к белоснежным зданиям университета на склонах холма Леон, капитаны, не сговариваясь, поняли друг друга и решили отстать от любезного гида, которому хотелось как можно больше рассказать о своей стране.

Было бы неверно думать, что капитаны потеряли интерес к наукам. Нет! Но у них сейчас была другая цель. Они бежали по пыльной дороге, все более

удаляясь от нарядных зданий молодого университета, в сторону Аккры... Уже ненужные сомбреро валялись в придорожной канаве, когда капитаны промчались мимо мыловаренного завода...

Их обгоняли грузовики с принятыми в Гане надписями на бортах сообразно вкусу владельцев машин: «Не забудь меня», «Путешествуй и смотри», «Вы хорошие парни», «Не теряй надежды»...

Капитаны метнулись в сторону, чтобы пропустить оранжевый автофургон с бодрым призывом на кузове: «Никогда не спеши»...

Выбившийся из сил Тартарен с трудом перевел дыхание.

— Я больше не могу. Я втрое старше вас, Дик, и вдвое тяжелее. И если уж говорить всю правду, я могу сколько угодно сидеть в засаде на львов, но бегать, как страус... увы, это не мое призвание.

— Но это была ваша идея — сомбреро, автобусы, туристы, — возразил капитан корвета.

— Моя! — с гордостью подтвердил толстяк. — Однако мы уже почти в Аккре. И завешание месье Ермакова почти в наших руках! Ах, если бы не эта проклятая одышка.

В этот момент около них затормозила открытая легковая машина. За рулем сидела молодая африканка в европейском платье.

— Вы русские? — спросила она, поглядывая на капитана корвета.

— Вы угадали. Я русский моряк, — с достоинством ответил герой повести Станюковича.

Девушка открыла дверцу.

— Значит, вы наш друг. Садитесь. Я вас подвезу. Вам не в Аккру?

— Куда угодно, мадемуазель. Только не пешком, — выпалил Тартарен, первым забираясь в машину.

И через несколько минут капитаны уже мчались по оживленным улицам столицы Ганы. Они проехали мимо здания парламента, суда присяжных, кооперативного общества, национальной библиотеки. Мимо них проносились высокие отели, новые школы, красивые жилые дома.

— Я везу вас в порт, — любезно сказала девушка, обращаясь к командиру «Коршуна». — Ваш корабль, вероятно, стоит на рейде?

Василий Федорович не успел ответить, потому что Тартарен, хитро подмигнув ему, брякнул:

— Мадемуазель, вы угадали. Мы эти... ну, магнитологи со шхуны «Заря».

Девушка очень огорчилась:

— Вы опоздали. Я работаю на радиостанции и сама слышала: советская шхуна «Заря» без остановки в Аккре проследовала курсом на экватор. Как же вам теперь быть?

К сожалению, морская вода очень плохо действует на чернила.

Целых две страницы вахтенного журнала клуба оказались совершенно испорченными. К еще большему сожалению, никто из нас не мог припомнить, каким образом три капитана покинули Аккру. Как они вернулись на борт «Поморянки», где томились в ожидании Немо, Гулливер, Артур Грэй и Робинзон? Но не это самое важное звено в истории поисков клада капитана Ермакова. Важен сам факт, что подводная лодка шла курсом строго на экватор, напрягая до предела свои двигатели, а на борту вновь находились все члены Клуба знаменитых капитанов, кроме барона Мюнхгаузена. В вахтенном

журнале не было до сего времени никаких упоминаний о его координатах.

И вообще, кто может знать, откуда прибудет Мюнхгаузен? Куда он исчезнет? И когда это произойдет?

Итак, «Поморянка» удалялась от берегов Ганы, держа курс на юг. За кормой тянулся пенистый след. Стайки летающих рыб выскакивали из воды и, описав дугу в воздухе, снова исчезали в волнах. Но внимание капитанов было поглощено другим. Они любовались травянистой зеленой саванной, раскинувшейся вдоль побережья.

Вскоре берега уже начали таять, исчезая в туманной дымке.

Устроившись поудобнее возле верхней рубки, Дик Сэнд приводил в порядок свои записи. Оторвавшись от вахтенного журнала, пятнадцатилетний капитан обратился к своим спутникам:

— Я записал так: мы пробыли в Гане всего несколько часов. Но как изменился Золотой Берег с того недавнего времени, когда над молодой республикой был поднят трехцветный флаг с черной звездой — флаг независимости и свободы! Эта маленькая страна с населением всего в шесть миллионов человек имеет большое будущее.

Юношу перебил уверенный голос Гулливера:

— Все правильно, любезный Дик, кроме того, что это маленькая страна. Гана по своим размерам не уступает Великобритании, а земля ее гораздо богаче. Достаточно вспомнить, что в Англии нет ни золота, ни алмазов, ни марганца, ни бокситов. Там нет банановых рощ, кокосовых пальм и плантаций какао. Все это имеет Гана.

Внезапно налетел шквалистый ветер, как это часто бывает в Гвинейском заливе. Капитаны схватились

за поручни, но шляпа Гулливера, подхваченная ветром, улетела за борт. Теперь стало ясно, почему так резвились летающие рыбы. Это верный признак наступающего шторма.

Пришлось быстро идти на погружение. Как известно, в глубинах моря всегда «хорошая погода». Но и в «хорошую погоду» подводных путешественников подстерегает множество опасностей.

Внезапно луч прожектора осветил какую-то темную громаду, висевшую в воде. Немо успел положить руль на борт, и лодка круто свернула направо, но там возвышалась, похожая на скалу, незаконченная постройка кораллов — фундамент будущего острова.

Немо искусно провел «Поморянку» через узкий проход, отделявший коралловую колонию от темной громадины. Это был затонувший когда-то бриг с поломанными мачтами. Сквозь опутавшие корпус водоросли можно было увидеть зияющие пробоины от пушечных ядер.

Огромный пролом открывал картину разыгравшейся здесь трагедии. Трюм был забит скелетами, законными в цепи. На носу красовалась полусгнившая деревянная фигура — голова женщины. Капитаны успели прочитать название корабля — «Эсмеральда». Нетрудно было догадаться, что это был невольничий корабль, затонувший после схватки с каким-нибудь пиратом, пытавшимся отнять у «законных владельцев» черных рабов.

Не успела «Поморянка» выйти на открытую подводную дорогу, как из гидрофонов раздался сильный шум. Это было похоже и на шипенье масла на сковородке, и на треск горящих сучьев.

Тартарен с аппетитом втянул воздух.

— Неужели на камбузе что-то жарят? Может быть, креветок? О, это такая вкусная еда. Особенно в масле.

— Вы угадали, — улыбнулся Немо. — Это креветки. Только они далеки от сковородки, Тартарен. Известно ли вам, что креветки очень скандальные особы? Когда они поднимают шум, вы не услышите гуденье винтов и двигателей. Не раз военные подводные лодки спасались от преследования, испугавшись скопищ звучащих креветок.

А из гидрофонов раздалась звуки скрипок. Изумленные капитаны переглянулись.

— Скажите, месье Немо, а на скрипке тоже играют ваши креветки? — саркастически спросил Тартарен.

— Нет. Эти звуки издают полосатые зубатки при помощи своего плавательного пузыря, выдавливая из него пузырьки воздуха. А в китайских водах живет рыба циноглоссус. Это своеобразная рыба-оркестр. Она подражает звукам органа, арфы и даже звонит в колокол. Науке уже известно несколько десятков видов звучащих рыб.

Теперь из гидрофона раздался удалой свист, потом кто-то сильно захрапел, но все эти звуки были перекрыты сильными ударами барабана.

Немо поймал в луч прожектора стайку морских петухов, за которыми следовали тропические сциениды. Капитаны прильнули к смотровому стеклу.

— Перед вами ансамбль морских петухов, или тригл, — пояснил капитан «Наутилуса». — А вот там, дальше, плывут морские барабанщики — тропические сциениды. Впрочем, с барабанным боем плавают по морям и другая рыба — пятнистая дограда.

Из гидрофонов, заглушая подводный концерт, громко зазвучали баяны. Знакомая мелодия матросской песни «Яблочко» разнеслась по всей кают-компании.

— Пардон, месье Немо, это играет рыба-баян? Или, быть может, рыба-аккордеон? — осведомился тарасконец.

Ему ответил Артур Грэй:

— Баяны играют на «Заре».

На поверхности воды показался бурунчик. Это «Поморянка» подняла перископ вблизи немагнитного парусника. Перед знаменитыми капитанами проплыла стройная шхуна со светло-серым корпусом. Верхняя часть шхуны и все надстройки были выкрашены белой эмалью. Между лакированными мачтами висели флаги расцвечивания. С бака доносилась музыка и веселый гул.

— «Заря», — прошептал Артур Грэй. — Завешание капитана Ермакова в двух кабельтовых с подветренной стороны.

Баянисты, видимо, не жалели мехов: музыка становилась все громче. Ее даже не мог заглушить топот матросов, танцующих «Яблочко».

— Неужели все это в честь... гм-м... одного из нас? О-о, я вспоминаю мое возвращение в Тараскон из Сахары! — скромно потупив глаза, заметил Тартарен.

— Да, если вас считать богом Нептуном. Тогда в вашу честь сейчас на «Заре» справляют традиционный морской праздник по случаю пересечения экватора, — весело ответил Гулливер.

— Но как же нам незаметно пробраться на борт шхуны? — нетерпеливо спросил Артур Грэй. — Праздник праздником, а вахта вахтой.

— Есть идея. Мы пригласим на помощь физика Гриффина. Ведь он сегодня уже побывал в нашей

кают-компаний. — И с этими словами капитан корвета снял с полки книгу в обложке, украшенной фантастическим рисунком.

Раздался шелест страниц. Из переплета медленно вышел закутанный с головы до ног человек. Широ-

кие поля фетровой шляпы скрывали его лицо. Он носил большие синие очки с сеткой. Лицо его было забинтовано, оставался неприкрытым только розовый остроконечный нос. Низ лица был закрыт шелковым платком, из-под которого торчала трубка.

— Слышал, слышал ваш разговор, капитаны. И вряд ли я могу вам быть полезен. Моя аппаратура частично разбита, частично сгорела во время пожара в главе двадцатой моего романа — «В доме на Грейт-Портленд-стрит». И я не могу вас сделать невидимками.

— В этом нет никакой надобности, distinguished Гриффин. Мы обращаемся к вам с покорнейшей просьбой. Что вам стоит доплыть до «Зари»? Пробраться в каюту Саши Ермакова и узнать координаты клада его достойного дяди?.. — вмешался Гулливер.

Кому не известно, что Гриффин был склонен ко всякого рода озорным и даже опасным поступкам? А на сей раз, как физика по специальности, его еще увлекала мысль побывать на борту немагнитной шхуны.

Не ответив ни слова, он быстро сбросил одежду, снял бинты и фальшивый нос. Нельзя сказать, что перед капитанами предстал человек-невидимка, просто никто не предстал, потому что ничего не было видно. Напутствуемый добрыми пожеланиями, Гриффин скрылся в выходной камере. Дик Сэнд задрал за ним люк.

Через несколько минут на поверхности воды показались легкие круги. Это плыл человек-невидимка.

Членам клуба оставалось только терпеливо ждать его возвращения... Робинзон долго разглядывал в перископ силуэт «Зари», прежде чем задать недоуменный вопрос:

— Distinguished капитаны, мне не совсем понятно назначение этой шхуны. Парусный корабль — и всего в шестьсот тонн. И для чего он сделан немагнитным?

— Дружище, Робинзон, — ответил Артур Грэй, — как известно, кроме географических полюсов, на Земле есть и два магнитных полюса. Отклонения стрелки компаса от истинного севера или юга называется «магнитным склонением». Это склонение различно в разных районах, и его должны знать моряки, летчики, а также космонавты. Кроме того, во многих местах земного шара существуют магнитные аномалии. Да и само магнитное поле Земли с течением времени изменяется. Все это изучают, производя магнитные съемки. На суше это просто. Ну а на морях и океанах — другое дело. Современные стальные корабли имеют собственное магнитное поле, которое искажает точность наблюдений. И вот американцы построили первое немагнитное судно-яхту «Карнеги», но оно погибло в тысяча девятьсот двадцать девятом году. После этого только Советский Союз сумел построить современную немагнитную шхуну «Заря», законченную в тысяча девятьсот пятьдесят втором году. На этом судне нет железных деталей, даже якоря, цепи, поручни и тросы сделаны из цветных металлов и немагнитных сплавов. Однако шхуна имеет отличные мореходные качества.

— А каковы же результаты плаваний «Зари»? — с интересом спросил пятнадцатилетний капитан.

— «Заря» произвела магнитные съемки во многих районах Мирового океана, — пояснил капитан корвета. — Появилась возможность внести исправления в магнитные карты для морской и воздушной навигации, особенно в картах Южного полушария. «Заря» открыла доселе неизвестные науке магнитные аномалии. Очевидно, под морским дном таятся грандиозные залежи железных руд. И, наконец, «Заря» изучала прохождение радиоволн и космических лучей в открытом море.

Пока капитаны вели этот разговор в салоне «Поморянки», человек-невидимка подплыл к корме шхуны и уцепился за конец швабры, спущенной за борт на тросе для промывки. Теперь Гриффину было нетрудно выбраться на палубу.

Мимо него шла диковинная процессия ряженных во главе с «Нептуном», в тоге из простыни, с длинной мочальной бородой и трезубцем в руках. За ними следовали его «приближенные» в причудливых одеждах из водорослей. Процессия остановилась возле огромной купели... Поднялся веселый смех и визг. «Нептун» потряс трезубцем, и в купель бросили в одежде одного «новорожденного» — научного работника, впервые пересекающего экватор.

Когда промокший до нитки новичок выбрался из купели, матрос, переодетый нимфой Амфитритой, выглянул из большой бутафорской раковины и с чувством прочитал грамоту:

— «Дано сие любезному сердцу нашему кандидату физических наук Александру Ермакову, племяннику нашего любимца капитана дальнего плавания Ермакова, в отраду перехода с высочайшего нашего соизволения из северных широт необъятных владений наших в широты южные через границу, экватором нареченную. Бог морей и океанов Нептун».

И только «нимфа» хотела вручить грамоту молодому магнитологу, как чья-то невидимая рука вырвала этот листок бумаги и унесла в сторону открытого трапа...

Матрос в греческой тоге кинулся вдогонку за листком, думая, что это шутки ветра. Он протянул руку, чтобы схватить летящую в воздухе грамоту, как вдруг неожиданный толчок в грудь сбил его с ног.

Вздорный характер Гриффина и здесь отвлек его от настоящего дела.

Но на сей раз все обошлось благополучно. Падение «нимфы» вызвало дружный хохот и аплодисменты. Моряки подумали, что все это входило в программу представления.

Человек-невидимка проскользнул в салон-лабораторию, где были установлены магнитометры для измерения сил земного магнетизма, двойной магнитный компас и другие важнейшие приборы. Даже под потолком висел какой-то цилиндрический прибор в метр длиной. В салоне было пусто.

Похищенная грамота бесшумно плыла по воздуху. Тишину нарушали только легкие шаги босых ног. Невидимая рука открыла одну из боковых дверей с табличкой «А.С. Ермаков и В.П. Иванов». И тут же дверь тихонько закрылась.

А на палубе боцман распекал бывшую «нимфу Амфитриту», уже снявшую простыню и венок из водорослей.

— Это ты так драишь палубу?! — указывал он пальцем на следы босых ног у трапа. — Да еще на экваторе! Два наряда вне очереди.

Виновник пытался оправдаться, говорил о каком-то таинственном ударе, но кто мог в это поверить?

В маленькой каюте, где одна над другой были привинчены две койки, человек-невидимка лихорадочно перебирал бумаги. Очевидно, поиски были безуспешны. Тогда Гриффин начал снимать со стен все фотографии, переворачивать их, вынимать из рамок. Но никаких следов завещания капитана Ермакова ему обнаружить не удалось. Наконец, невидимый посланец знаменитых капитанов положил на стол фо-

тографию пожилой женщины с добрым лицом, повязанной оренбургским платком. Внизу под портретом виднелась надпись: «Дорогому Сашеньке Ермакову от тети Аглаи. Братск, 8 июля 1959 года».

Человек-невидимка повесил портрет на место, по своей привычке разговаривая сам с собой: «Поручение выполнено, милейший Гриффин. Это мог сделать только я! Тетя Аглая — это сестра капитана Ермакова, а город на букву «б» — Братск!»

Невидимые руки аккуратно положили на стол грамоту бога морей и океанов, затем легонько скрипнула дверь. На палубе праздник был в самом разгаре. В купель бросали очередных жертв Нептуна, а вернувшаяся в свою раковину Амфитрита вручала им грамоты.

Собачка Тузик веселилась не меньше всех. Как вдруг, что-то почуяв, она с громким лаем кинулась к левому борту, пытаясь укусить кого-то, хотя возле борта никого не было.

Лай привлек общее внимание. Но дальше произошло нечто совершенно загадочное. Тузик взлетел на воздух, как будто подброшенный сильным пинком ноги, и угодил прямо в купель.

Секундой позже раздался другой, гораздо более шумный всплеск.

Нептун и боцман перегнулись через фальшборт и увидели след, который оставляет за собой пловец.

— Акула!.. — высказал предположение бог морей и океанов. — Дай гарпун, Вася!

— Зачем? — пожал плечами боцман. — Я не вижу никакой цели. Просто играет волна.

Так человек-невидимка избежал большой опасности — Нептун был отличный гарпунщик.

Дик внимательно наблюдал в перископ.

— Капитаны! Гриффин подплывает. Я вижу его след на воде.

— Открыть входную камеру! — скомандовал Немо.

Раздался металлический лязг люков. С шипением выходил сжатый воздух. Затем все стихло. Открылась дверь. Капитаны услышали шлепанье босых ног по полу.

— Дайте мне мохнатую простыню или полотенце! — торопливо воскликнул человек-невидимка.

Ему быстро принесли простыню. Было жутковато смотреть, как Гриффин обтирал свое невидимое тело.

— Чаю с лимоном. И покрепче! Я продрог.

Заскрипело кресло. Усталый Гриффин присел. Дик поставил на стол чай. И сразу же невидимая рука подняла стакан. Гриффин, жадно отхлебывая крепкий чай, рассказал капитанам, не упуская подробностей, все, что с ним произошло на борту «Зари», и самое главное — что ему удалось обнаружить в каюте Александра Ермакова, племянника покойного капитана.

Но договорить до конца ему не удалось.

— Месье Гриффин! — нетерпеливо вскрикнул Тартарен. — Вся эта история с завещанием и сокровищами — ложь или правда?

— Минуточку терпения, — сказал Гриффин. — Мне холодно. Я должен одеться.

Капитаны бросились ему помогать, подавая бинты, шляпу, синие очки, костюм, и через несколько минут человек-невидимка уже сидел в кресле в том самом виде, в каком он сошел со страниц.

— Итак, координаты клада известны! — торжественно произнес Гриффин. — В каюте Ермакова висела фотография...

— Дамы?! — воскликнул Тартарен.

— Вы угадали, капитан Тартарен, — ответил Гриффин. — Это была женщина в пуховом платке. А теперь — слушайте меня внимательно: «Дорогому Сашеньке Ермакову от тети Аглаи. Братск, 8 июля 1959 года».

— Пардон, месье Гриффин, — усмехнулся любимец Тараскона. — Это кто вам сказал? Она? Не понимаю...

— Это надпись на фотографии! Ясно? — торжественно произнес Гриффин.

— Ясно! — заявил Артур Грэй. — Город Братск... Очевидно, там и родился капитан дальнего плавания Ермаков.

— Да, он писал... — радостно добавил Дик: — «В моем родном городе — Пушкинская, двадцать, каменный сарай во дворе, возле старого дуба...»

— И неведомые сокровища в сундуке! Вперед! Едем! — восторженно крикнул Тартарен.

— Едем! — воскликнул Гриффин. — Я в принципе согласен. Но я не слышу деловых предложений. Какую долю клада получу я?

— Как вам не совестно, мистер Гриффин! — с возмущением сказал капитан корвета «Коршун». — Какое вы имеете отношение к наследству старого капитана?

— Джентльмены! — сухо произнес человек-невидимка. — В моем распоряжении осталось всего двадцать фунтов стерлингов. А планы мои требуют крупных сумм. Я должен создать новую аппаратуру. Мой невиданный эксперимент должен быть завершен с блеском.

— А за чей счет? — прервал его Дик.

— Для меня это не имеет значения, — жестко ответил Гриффин. — В конце концов, обыкновенные

люди — не более чем объекты для научных экспериментов!

— Это чудовищно! — гневно заявил Гулливер.

— Мне стыдно за вас, Гриффин. Вы же наш сосед по книжным полкам... — с горечью сказал капитан корвета.

— Что же вы мне предлагаете? — спросил человек-невидимка.

— Принять участие в нашей экспедиции. Разыскать сокровища покойного капитана и вручить их законным наследникам! — сказал Артур Грэй

— Переговоры считаю законченными. Гуд бай!.. — холодно попрощался Гриффин и, насвистывая, исчез. Только мохнатая простыня на спинке кресла напоминала о его недавнем присутствии.

— Да-а, я все-таки думал о нем лучше... — задумчиво произнес Дик.

— Вы плохо знаете роман Герберта Уэллса, милый Дик, — заметил Артур Грэй. — Когда Гриффину понадобились деньги, он ограбил родного отца. Деньги были чужие, и старик застрелился.

— Человек, который погубил родного отца, не задумываясь прирежет любимца Тараскона, — сказал Робинзон не то серьезно, не то в шутку.

— Почему меня, месье Робинзон? — обиделся Тартарен и на всякий случай вытащил из саквояжа два пистолета.

— Конечно, мистер Гриффин — фигура зловещая, но его угрозы нас не остановят, — сказал Артур Грэй. — Не будем терять драгоценного времени.

Дик Сэнд горячо поддержал Грэя, и капитаны стали обсуждать план экспедиции в Братск.

Им было ясно, что при всех достоинствах «Поморянки» путешествие на ней по порожистой Ангаре

было бы весьма затруднительным, да и само появление подводной лодки во внутренних водах Сибири могло привлечь излишнее внимание. Нужен был плот, и капитаны, мысленно перебрав своих соседей по книжной полке, остановились на книге норвежского ученого Тура Хейердала «Путешествие на «Кон-Тики».

Кое-кого может взволновать судьба «Поморянки», оставленной без команды в Гвинейском заливе. И совершенно напрасно. Она продолжала покачиваться на волнах, приобретая свой первоначальный вид — цветной фотографии из журнала «Вокруг света», со страниц которого и была взята для этого удивительного путешествия.

А оригинал, с которого был сделан снимок — подлинная «Поморянка», — в это время шла по следу огромного косяка сельдей в Баренцевом море.

По живописной реке, несущей свои могучие воды посреди сибирской тайги, медленно плыл плот «Кон-Тики».

Свежий ветер надувал четырехугольный парус с изображением древнего перуанского вождя — сына солнца Кон-Тики. Несколько странно было смотреть на этот плот в наше время, но казалось, что загадочный Кон-Тики был удивлен не меньше, разглядывая прибрежную тайгу.

А посмотреть было на что. От одного берега Ангары до другого — добрый километр.

Множество зеленых островков плыли навстречу плоту. Вековые лиственницы, гигантские кедры и корабельные сосны тянулись к облакам.

Капитан корвета постучал молотком по рулевому веслу.

— Заседание Клуба знаменитых капитанов продолжается. Дик! Прошу записать в вахтенный журнал.

Плывем по Ангаре. Курс — город Братск. Цель — поиски клада. Ветер попутный. Скорость — пять узлов. Происшествий нет.

— Рыбы тоже нет! — огорченно заметил Тартарен, вытаскивая из воды удочку с пустым крючком. — Но есть вопрос. Зачем норвежские юноши отправились на этом корабле... пардон, на этом плоту через Тихий океан?

— Видите ли, дорогой Тартарен, — ответил председатель клуба, — среди обитателей острова Пасхи сохранились предания, что их предки поселились там более тысячи лет назад. Но откуда они прибыли, каким путем? Молодой норвежец Хейердал высказал предположение, что они приплыли из Южной Америки.

— Разрешите усомниться в теории достоуважаемого ученого. Как же предки нынешних полинезийцев могли переплыть океан? — удивился Гулливер.

— На чем? — поддержал его пятнадцатилетний капитан.

— Вот на таких плотях, — сказал Артур Грэй, указывая на решетчатую палубу «Кон-Тики».

— Это миф! — возразил Немо.

— Сказка! — поддакнул Тартарен, снова забрасывая в воду удочку.

— Легенда! — заметил Гулливер.

— На таком плоту пересечь Тихий океан? — с сомнением промолвил Дик Сэнд. — Нет, это невозможно!

— Это миф, сказка, легенда стали действительностью, — улыбнулся Артур Грэй. — Шестерка отважных парней во главе с Хейердалом построила этот плот из бальзового дерева. Оно растет главным образом в Центральной Америке и на Антильских ост-

ровах. Если это дерево высушить, оно становится вдвое легче пробки. Посмотрите сами — плот построен по древнему индейскому образцу, без гвоздей и стальных тросов.

— Значит, это немагнитный плот, так сказать, прадедушка «Зари», — оживился Тартарен.

— Если хотите, да. Но у «Кон-Тики» были другие цели, — улыбнулся Артур Грэй. — Так вот, смельчаков провожали из перуанского порта Кальяно как обреченных на гибель. Однако через сто дней, пройдя по океану около восьми тысяч километров, они высадились на одном из полинезийских островов.

— Значит, Хейердалу удалось доказать свою теорию о заселении Полинезии южноамериканскими индейцами! — изумленно произнес Дик.

— Нет, — возразил капитан корвета. — Наука доказывает другое: родство народов Полинезии и Индонезии, сходство языков и памятников их древней культуры.

— Следовательно, Хейердал ошибался, — сделал вывод Гулливер.

Немо расхаживал по плоту, поглядывая на изображение перуанского вождя Кон-Тики.

— Да, Хейердал не разгадал тайны острова Пасхи. Но его плавание на плоту «Кон-Тики» — одно из самых дерзких и примечательных путешествий последнего времени.

Свежий ветер надувал четырехугольный парус. Нарисованное на холсте лицо божественного Кон-Тики, казалось, все время меняло выражение.

По правому борту появился поросший кустарником островок. На прибрежной отмели дымился костер. Какой-то человек в красном камзоле взывал о помощи, отчаянно размахивая треуголкой.

— Пристать к острову! — скомандовал Василий Федорович.

Гулливер налег на рулевое весло, и послушный плот приблизился к берегу.

— Мюнхгаузен! — всплеснул руками Тартарен. — Какими судьбами? В каком вы виде! Что с вами случилось? Как вы сюда попали?

Барон действительно выглядел неважно. Его камзол был разорван. Ботфорты «просили каши». Парик съехал набок. Но Мюнхгаузен держался, как всегда, заносчиво и даже высокомерно.

— А что вас удивляет? Самая обыкновенная история... Два часа назад я вылетел из Московской области верхом на ядре. Мой расчет был точен — раньше вас попасть в Братск и преподнести вам сокровища капитана Ермакова, как дамам преподносят букеты роз. Но прицел канонира был менее точен, и вместо Братска я приземлился на этом необитаемом острове. Не завидуйте мне, Робинзон. Вся территория моего острова — это десять на двадцать метров. Ни козы, ни попугая, ни Пятницы. Население острова составляет двадцать миллиардов восемьсот тридцать шесть миллионов четыреста двадцать пять тысяч и шестьдесят две... мошки.

— А дичи на острове нет? — спросил Тартарен, снимая с плеча охотничье ружье.

— Есть! Один экземпляр. Это я — барон Мюнхгаузен. В битве с мошкаррой я разорвал платье. Бил их ботфортами. Глушил париком. И все напрасно. Меня спас только дым костра.

В это время целая туча мошкарры атаковала капитанов. Пришлось немедленно отчалить и спастись бегством.

Робинзон, отчаянно пыхтя трубкой, окуривал всех дымом. По мере удаления «Кон-Тики» от острова мо-

шек становилось все меньше и меньше. Но не мош-кара занимала сейчас мысли Дика Сэнда. Он думал о другом.

— Я не могу прийти в себя от изумления. Откуда вы, барон, узнали о тайне капитана Ермакова? Кто вам подсказал название города? Мы с превеликим трудом установили, что это Братск.

— А я это установил без всякого труда! Честное слово Мюнхгаузена! — перебил его барон, горделиво выпятив впалую грудь и положив руку на эфес шпаги. — Обычная рассеянность нашего друга Гулливера приводит иногда к печальным результатам. Он даже не заметил, что я тоже находился в том же научно-исследовательском институте во время разговора о завещании... Только вы стояли на книжной полке, а я лежал в портфеле самого Синельникова. Вы умчались в библиотеку, а я никак не мог выбраться из закрытого портфеля, тем более что его заперли в несгораемый шкаф. Положение казалось совершенно безвыходным. Но мне, как всегда, чертовски повезло. Неожиданно нагрянула бухгалтерская ревизия. И сердитый контролер, вскрыв портфель, дал взбучку Синельникову: «Как можно среди денежных документов держать книги?» — и с этими словами он выбросил меня на письменный стол. Я понимаю, что вы уже давно в пути. Как только ревизоры отправились в дирекцию, я оседлал свое любимое ядро. И вы имеете удовольствие видеть на заседании клуба барона Мюнхгаузена, наполненного целым ворохом самых правдивых историй!

— Значит, вы, любезный Мюнхгаузен, запомнили, что город называется Братском! А я, признаться, упустил из виду эту немаловажную подробность, — со вздохом сказал Гулливер.

Прихотливое течение сносило плот к правому берегу реки. «Кон-Тики» проходил вблизи палаточного городка лесорубов. На всякий случай, чтобы не привлекать любопытных глаз, капитаны убрали парус с изображением перуанского вождя. Собравшись у правого борта, члены клуба с любопытством наблюдали, как на лесной делянке одно за другим падали огромные мачтовые деревья. С берега доносился грудной женский голос, перекрывая рокот трелевочных тракторов и визг электрических пил:

— Говорит Ангара!.. Говорит Ангара!.. Друзья!.. Будем знакомы! Я вытекаю из крупнейшего озера в мире — Байкала. В него несут свои воды триста тридцать сибирских рек и речек, но из озера вытекает только одна река. Это я — Ангара! Я прохожу тысячу восемьсот пятьдесят три километра и сбрасываю свои воды в Енисей. Меня зовут жемчужиной энергетики! На моем течении уже встали мощные гидростанции, образуя Ангарский каскад... Иркутская ГЭС, Суховская, Тельминская и самая крупная — Братская ГЭС. Ее энергия может заменить мускульную силу ста сорока миллионов человек! Она могла бы обеспечить электричеством город на семьдесят миллионов жителей!

Течение несло плот дальше. Голос Ангары звучал все тише и тише:

— Я вспоминаю недавнее прошлое, когда выжигали тайгу, взрывали скалы, переносили города и села, подготавливая ложе для Братского моря. Я, Ангара, должна была родить море...

Женский голос совсем уже затих в отдалении. Палаточный городок скрылся за изгибом реки.

На «Кон-Тики» возник спор. Барон Мюнхгаузен при горячей поддержке любимца Тараскона утверждал, что это говорит великая река. Они не находили

в этом ничего удивительного. Мало ли чудес на свете, не говоря уже о нераскрытых тайнах... Им удалось склонить на свою сторону пятнадцатилетнего капитана и несколько поколебать Гулливера.

Но Василий Федорович и капитан Немо упрямо твердили, что это был человеческий голос, усиленный через мегафон.

— Да, именно... корабельный мегафон! — поддерживал их Робинзон Крузо.

Но на самом деле это была детская передача Иркутского радиоцентра. Ее разносил по всей округе большой рупор, установленный на старом кедре возле стенда с газетами.

Спор, вероятно, продолжался бы долго, если бы Ангара не преподнесла путешественникам новый сюрприз.

«Кон-Тики» поравнялся с лесной пристанью, возле которой плотовщики сбивали бревна.

Из двух рупоров, украшавших контору лесосплава, гремела музыка, и мужской хор дружно пел песню о Братском море. Видимо, передача из Иркутска продолжалась.

...Где были недавно
Кряжистые избы...
Да к ним подступала глухая тайга...
Теперь на просторе
Чудесное море
Гуляет да ищет свои берега...

Плот снесло на середину реки, и кругом наступила тишина. Дик Сэнд и Робинзон подняли четырехугольный парус.

Гулливер в задумчивости обмахивался цветным платком.

— Скажите, любезные друзья, — неожиданно сказал он, — вы обратили внимание на несколько не-

ожиданное обстоятельство — на берегу реки пели о каком-то новом море? Если я не ошибаюсь, его нет на географических картах.

— Да это же песня, — улыбнулся Дик Сэнд, закрепляя шкоты.

Опустив подзорную трубу, в разговор вступил Василий Федорович:

— Я кое-что слышал о Братском море. О нем часто говорили мои читатели, но это были мечты. Вы не думайте, что Ангара всегда такая тихая. Я не раз стоял на книжной полке рядом с книгой Галеева «Плавание по реке Ангаре в тысячу восемьсот семьдесят пятом году». Вот что он писал: «И вот наступило самое большое испытание — Падун. Здесь вода мчится с бешеной силой и кипит, словно в котле...»

— А что такое Падун? — поинтересовался Робинзон.

— Это один из знаменитых ангарских порогов, расположенных ниже Братска. Кроме Падуна печальную славу имели пороги Похмельный, Пьяный, Шаманский, Долгий. Сейчас они все скрылись под водой, — ответил русский капитан.

— Очень жаль, — небрежно заметил Мюнхгаузен. — Я бы с удовольствием выкупался в Падуне или в Шаманском!

Величавая Ангара становилась все шире и шире, и вот наконец «Кон-Тики» плыл по реке, берега которой совершенно исчезли из виду.

— Капитан Немо, проверьте наши координаты, — попросил председатель клуба. Пока Немо при помощи секстанта и хронометра определял положение плота, Дик Сэнд и Гулливер развернули географическую карту.

— Мы находимся на месте города Братска, с точностью до одной секунды! — воскликнул Немо.

Его слова произвели на всех очень странное впечатление, потому что плот покачивался посреди необозримого водного простора.

— Собственно, кто из нас Мюнхгаузен? Вы или я? — иронически спросил барон.

— Но по карте город Братск находится именно здесь! — пожал плечами пятнадцатилетний капитан.

— А когда издана эта карта? — спокойно переспросил Василий Федорович.

— Совсем недавно. В тысяча девятьсот пятьдесят девятом году, — ответил юноша, посмотрев на нижнюю кромку, где был обозначен год издания.

— Медам и месье! Разве могла географическая карта устареть так быстро? Никто в Тарасконе этому не поверит! — горячо возразил Тартарен.

— Могла устареть. По Сибири время шагает очень быстро. Почти как в сказке, — ответил ему Артур Грэй. — Город Братск, куда мы держали путь, находится здесь.

— Клянусь морскими миражами, у вас галлюцинация, — стукнул кулаком по ящику Робинзон. — Где здесь?

— На дне моря! — усмехнулся Артур Грэй.

— Моря? Мы же на Ангаре! — с оттенком превосходства возразил Мюнхгаузен. — Утверждаю как старый поборник истины.

Капитан корвета дружески похлопал барона по плечу:

— Истина мне дорога не меньше. Друзья, это уже не Ангара — это Братское море, созданное руками человека!..

И Василий Федорович поведал своим спутникам все, что он слышал, путешествуя по этим местам с

одной передвижной библиотекой. Тогда здесь еще не было моря. Берега Ангары соединял огромный железнодорожный мост с ажурными пролетами. А на правом берегу находился старинный город Братск. Его тогда называли — Братск-Первый. В последние годы эти Братски росли как грибы вместе со строительством. Всего их насчитывалось пять. Три Братска должны были пойти под затопление — это, очевидно, уже случилось. Братск-Четвертый находился у самого Падун на скале Журавлиная Грудь, что на правом берегу Ангары. Он и остался на суше. А на противоположном берегу великой реки, на мысе Пурсей, был создан Братск-Пятый, или Постоянный. Между скалой Журавлиная Грудь и мысом Пурсей строилась гигантская плотина Братской гидроэлектростанции высотой в сто двадцать метров...

Слушая этот рассказ, капитаны любовались игрой волн незнакомого моря. Над водой кружили чайки, то и дело ныряя за добычей.

— То, что было полетом фантазии, мечтой, стало действительностью! — с восхищением произнес Артур Грэй.

— Но, увь, то, что было действительностью — сокровища капитана Ермакова, — становится полетом фантазии, — с горечью заметил Тартарен.

— Не спешите, Тартарен, — возразил Немо. — Сколько сокровищ было поднято с морского дна! Но вот вопрос: в каком Братске покоится клад? В первом, во втором? В пятом? Где?

Артур Грэй наморщил высокий лоб.

— В завещании, видимо, указан самый старый Братск, заложенный казаками еще в тысяча шестьсот тридцать первом году. Ни в каком другом Братске не мог родиться капитан дальнего плавания, потому что

самые старые уроженцы второго, третьего, четвертого и пятого Братска еще учатся.

Оставался один путь к сокровищам Ермакова — опуститься на дно Братского моря. К счастью, в грузовых ящиках «Кон-Тики» нашлись акваланги. Капитаны один за другим прыгали в воду, прихватив на всякий случай ружья для подводной охоты.

На борту плота замешкались только Тартарен и пятнадцатилетний капитан.

— Сударь, вы не запомнили адреса, указанного в завещании? — деловито спросил толстяк, надевая ласты.

— Я его занес в вахтенный журнал, — охотно ответил юноша. — Пушкинская улица, дом двадцать.

— Мерси! — крикнул Тартарен, ныряя в морскую пучину.

Дик Сэнд последовал за ним, крича вдогонку:

— Во дворе... в каменном сарае... у старого дуба...

Медленно покачивался на волнах одинокий плот, предусмотрительно поставленный на якорь. Единственным наблюдателем на борту был Робинзон Крузо. Старый отшельник стоял на вахте...

Капитаны быстро спускались на дно... Вспугнутые появлением неожиданных гостей стаи мелкой рыбешки заматались по всем направлениям.

Более крупные рыбы вели себя солиднее. Они просто отплывали в сторонку. Так поступили байкальский омуль, серебристый осетр, пятнистый хариус и парочка усатых сазанов.

Члены клуба, цепляясь за водоросли, брели мимо остатков разрушенных фундаментов. Робинзон споткнулся о валяющуюся вывеску с надписью «Ресторан «Байкал».

Немо нашел среди груды кирпича разбитую патефонную пластинку. При свете подводного фонаря ему удалось прочесть: «Раскинулось море широко».

Вдруг раздался сильный всплеск — то Мюнхгаузену удалось вытащить из песка жестяной указатель, какие обыкновенно бывают прибиты к воротам домов.

Капитаны с разных сторон подплыли к торжественному барону и увидели покореженный кусок железа с разбитой электрической лампочкой. Сквозь зеленоватую воду можно было разобрать адрес: Пушкинская ул., 20.

Все сомнения исчезли. Они были у цели.

Необычайное возбуждение охватило искателей клада. Правда, никакого дома не было. Очевидно, его перед затоплением разобрали и перевезли на новое место. Но не дом интересовал капитанов.

Они искали каменный сарай и старый дуб. Дуба тоже не было, но сохранился большой пень. Его посчастливилось обнаружить Артуру Грэю. А неподалеку от пня темнел полуразвалившийся каменный сарай.

По знаку Грея знаменитые капитаны бросились к сгнившей двери. Она рассыпалась на куски от легкого удара ноги Гулливера. Из разбитого окошка стремительно пустилась в бегство стайка молодых окуней.

Включив электрический фонарь, первым проник в сарай Василий Федорович. Нетерпеливый Тартарен попытался его опередить. Он вплыл в разбитое окно сарая, но зацепился ранцем с кислородным прибором за раму и застрял. Увидев толстяка в столь затруднительном положении, Немо и Дик Сэнд поспешили на помощь и с трудом вытащили его за ноги.

Остальные капитаны уже были внутри. Лучи фонарей освещали пустые углы вместительного сарая. Мюнхгаузен подобрал поломанную лопату и начал раскапывать ил. Лопата ударилась о какой-то металлический предмет. Все насторожились. Что-то блеснуло в мутной воде.

Неужели они нашли клад?

Свежий ветер покачивал плот. Робинзон Крузо, в ожидании своих друзей, нетерпеливо поглядывал на воду, как вдруг... поблизости раздался знакомый свист человека-невидимки.

— Гриффин?! — настороженно окликнул Робинзон. — Как вы сюда попали?

— А я с вами и не расставался. Здесь на плоту мне было уютно и интересно...

— Хотите прийти на готовое?

— А почему бы и нет? Слушайте, знаменитый отшельник... Вы на своем необитаемом острове за долгие годы не видели настоящей жизни. Я вам предлагаю честную игру. Клад — пополам! Фифти-фифти!.. И вы будете купаться в роскоши!

— А что вы сделаете с вашей половиной? — уклончиво спросил Робинзон, явно затягивая время.

— Я собираюсь ехать во Францию, Испанию, в Алжир — там можно круглый год оставаться невидимкой и не мерзнуть. Но прежде всего мне нужен человек, который помог бы мне, спрятал меня, мне нужно место, где я мог бы спокойно, не возбуждая ничьих подозрений, есть, спать и отдыхать. Словом, мне нужен сообщник. Тогда возможно все! И это все мне дадут сокровища, которые сейчас добывают ваши друзья на морском дне.

— Клянусь морскими туманами, я не понимаю ваших целей, мистер Гриффин.

— Сейчас поймете, Робинзон. Невидимка должен подчинить своей воле всех и каждого. Он издает свои приказы. И кто дерзнет ослушаться, будет убит так же, как будут убиты и его заступники.

— И вы... предлагаете мне стать вашим сообщником?

— А за что же я отдаю вам половину клада, мистер Крузо?..

— Вы распоряжаетесь не своим имуществом, — заметил Робинзон. — Сейчас капитаны...

Его перебил Гриффин:

— Ах вот что: острый приступ сентиментальных чувств. Не беспокойтесь, коллега, с капитанами я разделаюсь сам, как и с вами, впрочем, если вы будете тянуть с ответом.

Немного помолчав, Робинзон решительно воскликнул:

— По рукам, Гриффин!

Ничего не подозревающий Гриффин одобрительно хлопнул невидимой рукой по ладони Робинзона, но сразу же был схвачен в железные объятия.

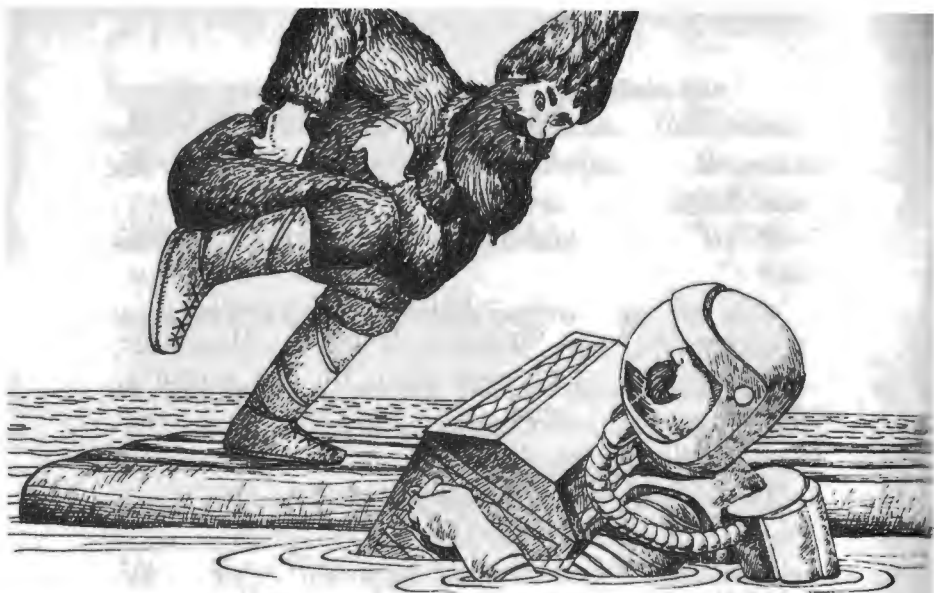
Если бы кто-нибудь посмотрел со стороны на плот, то был бы изумлен до крайности. Бородатый человек в козьей шкуре явно с кем-то боролся. Но на плоту никого не было видно, кроме бородача.

Над морем раздался сдавленный крик Гриффина:

— Отпустите меня... Даю слово... слово! Я исчезну!..

— Ну нет! — воскликнул Робинзон. — Не вырывайтесь! Это бесполезно. Я привык от зари до зари играть с тремя игрушками — с топором, заступом и веслом!

Шум борьбы стих. Робинзон связал человека-невидимку канатом, затем перенес его в деревянный ящик

для аквалангов, взял гвозди, молоток и стал заколачивать ящик...

— Я буду жаловаться самом Герберту Уэллсу! — закричал Гриффин.

— Напрасный труд. Уэллс вас и выдумал для того, чтобы показать всему миру, что может случиться, когда великие научные открытия оказываются в руках безумцев и фанатиков!

Неожиданно за спиной Робинзона раздался возглас Тартарена:

— Медам и месье!.. Наконец-то сокровища в наших руках!..

Робинзон обернулся и увидел любимца Тараскона, тщетно пытавшегося выбраться из воды на плот.

— Да помогите же мне...

Робинзон втащил толстяка на плот. Вслед за Тартареном вынырнули Немо, Дик Сэнд, Лемюэль Гулливвер, Мюнхгаузен.

— Принимайте на борт сокровища капитана Ермакова! — приказал капитан корвета, подплывая с Артуром Грэем.

Друзья выволокли из воды ветхий сундук, облепленный ракушками.

— Где вы его нашли? — спросил Робинзон.

— Только я, Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен, мог напасть на верный след. Вот!.. Смотрите, Робинзон, — сказал барон, показывая номерной знак дома: — Пушкинская, двадцать!

— Мы откопали сундук из-под густого слоя ила! — восторженно воскликнул Дик, снимая ласты.

— Среди развалин каменного сарайчика, возле полусгнившего дубового пня, — добавил Немо.

— Ну, открывайте же, наконец, сундук! — нетерпеливо произнес Тартарен, присаживаясь поближе на ящик для аквалангов. Но не успел он присесть, как раздался знакомый свист. Любимец Тараскона вскочил, как будто его ужалила змея.

— Гриффин!.. — испуганно крикнул толстяк.

Из ящика глухо прозвучал голос человека-невидимки:

— Выпустите меня.

— В чем дело? — встревоженно спросил Артур Грэй.

Робинзон Крузо рассказал капитанам все, что произошло на плоту, пока они находились на дне Братского моря.

Тогда капитан корвета «Коршун» подошел к ящику:

— Мистер Гриффин! Ваша судьба определена Гербертом Уэллсом, и вы не в силах ничего изменить. Точка. Капитаны, вскрывайте сундук!

Робинзон Крузо сбил топором замок.

— Странно... замок не был заперт.

Дик поднял крышку сундука. Он был пуст.

— Все ясно, — с досадой произнес Тартарен. — Сокровища похищены, а сундук брошен.

— Может быть... он имеет двойное дно? — предположил Артур Грэй и, взяв у Робинзона топор, несколькими ударами разбил подгнившие доски.

— Пусто, медам и месье, — разочарованно пробормотал Тартарен.

Но капитан корвета не успокоился и кортиком распорол подкладку под крышкой сундука.

— Письмо! — крикнул Дик.

Командир «Коршуна» вскрыл конверт.

— Слушайте... «Я, капитан дальнего плавания Иван Петрович Ермаков, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю моим законным наследникам все свои богатства... Когда я был еще юнгой, я, как и все ребята моего возраста, зачитывался романами о поисках несметных кладов. Это были драгоценные грузы погибших кораблей и богатства, закопанные пиратами, купцами и алчными корыстолюбцами: начиная от фараонов и кончая рыцарями большой дороги. Когда я стал капитаном, я слышал во многих портах мира рассказы о поисках сокровищ, то ли «Черного Принца» или «Титаника», то ли пирата Барбера или капитана Флинта!.. Многие искатели кладов кончали свою жизнь на паперти с протянутой рукой или в сумасшедшем доме. Иное дело богатства, которые человек создает своим трудом, своими руками... Я оставил это завещание на дне Братского моря в надежде, что мои наследники придут сюда, чтобы увидеть своими глазами электрические сокровища сибирских рек — Ангары, Енисей, Иртыша, — и узнать мою последнюю волю: я завещаю им всем поровну — любовь к морю и пу-

тешествиям, любовь к труду и созиданию, любовь к книге и учению». И подпись — «Капитан дальнего плавания Ермаков».

— Большой чудак! — донесся из ящика глухой голос человека-невидимки.

— Возможно, мистер Гриффин, — резко ответил Артур Грэй. — Но чудачки украшают мир, как сказал Максим Горький.

— Любезные друзья! — торжественно начал Гулливер. — Достопочтенный капитан был настоящим человеком!.. Ведь каждый, кто мечтает о легкой наживе, вольно или невольно становится лилипутом!

— Медам и месье! — воскликнул любимец Тараскона, закутываясь в плед. — Какой замечательный урок преподавал капитан Ермаков всем охотникам за сокровищами.

— А сокровища все-таки есть! — неожиданно заявил капитан корвета, осторожно расправляя отсыревшее письмо. — Тут еще кое-что приписано. Вода размывала чернила, но можно прочесть... «...а все... драгоценности... вы найдете...»

— Адрес? — крикнул из ящика Гриффин.

— Адрес размыт, — ответил капитан корвета. — Но, если бы он и был, мистер Гриффин, мы бы все равно отправили вас на последние страницы романа Уэллса, где кончается ваша бесславная жизнь.

Что же произошло дальше?

К сожалению, несколько следующих страниц вахтенного журнала были размыты водой. Правда, вода в Братском море пресная, но эта часть истории поисков клада оказалась безвозвратно утраченной.

В этом следует винить Дика Сэнда. Несмотря на советы друзей, юноша пытался вести записи во время разыгравшегося шторма.

Память сохранила только обрывки воспоминаний.

Страшная буря выбросила плот «Кон-Тики» на правый берег. Пришлось долго откачивать Мюнхгаузена, который не столько наглотался воды, сколько натерпелся страха. Потом капитанам удалось незаметно забраться в кузов автомобильного фургона. Его внешние стенки украшали разноцветные книжные обложки и огромная надпись: «КНИГИ». Грузовик стоял у пристани в ожидании отправки в Братск.

Внутри фургона были большие пакеты с книгами. Совершенно случайно Дик Сэнд обнаружил несколько экземпляров романа Герберта Уэллса «Человек-Невидимка». Капитаны тотчас приняли решение воспользоваться случаем и избавиться от тяжелого и неприятного груза — мистера Гриффина. Он был отправлен на страницы своего романа. Дик захлопнул переплет, засунул книгу в пакет и, туго перевязав его веревкой, бросил в угол фургона.

Они долго ехали по шоссе через тайгу, быстро приближаясь к Братску-Четвертому.

Какова же была цель этого ночного путешествия? Найти Аглаю Петровну? Председатель клуба Василий Федорович был убежден, что после затопления Братска-Первого сестра такого человека, как капитан дальнего плавания Ермаков, была с почетом переселена в Братск-Постоянный.

Но вернемся к дальнейшим записям в вахтенном журнале.

Глубокой ночью капитаны въехали в Братск-Четвертый, расположенный на скале Журавлиная Грудь. Они проследовали через этот городок без остановок и оказались на огромной двухэтажной эстакаде. Она протянулась над плотиной Братской ГЭС, соединяя оба берега.

По одному из этажей эстакады мчался поезд. Протяжный гудок электровоза далеко разносился над морским простором. А по другому этажу неслись легковые автомобили, автобусы, грузовики и среди них наш книжный автофургон.

Притихшие путешественники, прильнув к маленьким окошкам, любовались ночной панорамой нового Братска... Братска-Постоянного!

Перед ними, как в сказке, возникали кварталы большого города, опутанного гирляндами электрических огней.

Как только машина въехала на мыс Пурсей и капитаны очутились на левом берегу, они выскочили из кузова на повороте дороги.

Это был очень разумный поступок — дальнейший маршрут грузовика был им совершенно неизвестен, как, впрочем, и адрес Аглаи Петровны.

Никто не знал, что делать дальше.

А вдали у причалов порта постепенно гасли огни.

На улицах Братска уже не горели фонари и не светились окна. И только гребень плотины с эстакадой были по-прежнему залиты светом.

— Ах, медам и месье, — грустно произнес Тартарен, — ночь быстро пройдет. На рассвете запоют петиухи, и — увы — нам придется вернуться на книжные полки... с пустыми руками!

— Позвольте уточнить, достопочтенные друзья, — грустно добавил Гулливер. — Посмотрим в глаза прискорбным обстоятельствам. Мы вернемся с неразгаданной тайной на борту.

Все приуныли. Неожиданно прозвучал милицкий свисток. К ним приближался постовой милиционер.

— Свистать всех... куда-нибудь, — растерянно пробормотал бесстрашный охотник на львов.

— Не привлекайте внимания, — тихо приказал Немо.

По знаку капитана корвета все члены клуба нырнули в боковую калитку городского сада.

Тревога была напрасной. Милиционер спокойно прошел мимо калитки. Его интересовал мотоцикл с коляской, видимо, нарушивший какие-то правила уличного движения.

Капитаны шли по пустынной аллее, оживленно переговариваясь между собой. Они никак не могли договориться о курсе своего путешествия по Братску. А каждый моряк, и даже юнга, знает, что проложить курс, не зная координат, еще никому не удалось.

Вдруг их внимание привлекла какая-то старинная башня, сложенная из почерневших бревен...

Протерев очки, Гулливер прочитал надпись на мемориальной доске:

*Сторожевая башня,
сохранившаяся от старого Братска,
основанного
в тысяча шестьсот тридцать первом году.*

Капитаны с большим интересом обошли вокруг башни.

— Мне вспоминаются строки из книги «Житие протопопа Аввакума, им самим написанное», — сказал Василий Федорович. — В давние времена он был сослан в Сибирь как раскольник и враг патриарха. Аввакум первый дал описание Ангары... «Горы вы-

сокие, дебри непроходимые, утес каменный, как стена стоит, и поглядеть заломя голову...»

— Протопоп Аввакум сидел в этой башне? — спросил Дик Сэнд.

Русский капитан утвердительно кивнул и не без труда вспомнил еще несколько строк из старинной рукописи... «Посем привезли в Братский острог и в тюрьму кинули, соломки дали. И сидел до Филиппова поста в студеной бане...»

Пока они осматривали башню, небо начало светлеть.

— Любезные друзья, пора возвращаться в библиотеку. Ведь наши читатели скоро проснутся, и возможны нежелательные для нас встречи, — с сожалением произнес Гулливер, взглянув на циферблат своего брегета в форме луковицы.

— А месье петух пропоет свое ку-ка-ре-ку, — добавил Тартарен.

Тут для всех стало ясно, что клада они уже не найдут. Все капитаны не скрывали своего огорчения, и только Мюнхгаузен не терял веселого расположения духа.

— Идея! — произнес барон. — Мы остаемся здесь, в Братске. Найдем какую-нибудь школьную библиотеку, незаметно встанем на книжные полки, а после захода солнца, когда часы пробьют семь, снова сойдем со страниц и продолжим поиски сокровища!

Эта мысль всем очень понравилась.

В предрассветной мгле капитаны выскользнули из городского парка под самым носом у дремавшей сторожихи.

И не успела заняться заря, как члены клуба уже карабкались по пожарной лестнице на крышу ново-

го школьного здания. Для бывалых моряков не представляло особого труда проникнуть на чердак и оттуда проложить курс к библиотеке.

Спустившись по лестнице, они свернули в длинный коридор, стараясь не шуметь и прижимаясь к стенам. В конце коридора светилось единственное окно. Его стекла уже розовели. Приближалось утро.

И вдруг капитан корвета остановился перед дверью, украшенной мраморной дощечкой:

*Школьный музей
имени
капитана дальнего плавания
Ивана Петровича
Ермакова*

— Отдать якорь! — скомандовал Василий Федорович. — Мы, кажется, у цели!

Капитаны вбежали в просторное помещение и застыли в большом волнении перед портретом старого моряка в форме капитана торгового флота.

Сомнений не было — это и был капитан Ермаков. И действительно, под портретом в застекленной рамке красовалось его подлинное завещание. Председатель клуба подошел ближе и прочитал вслух: «Я, капитан дальнего плавания Иван Петрович Ермаков, находясь в здравом уме и твердой памяти, завещаю свои сокровища, собранные на протяжении всей моей жизни, той школе моего родного города, где больше всего юных моряков и путешественников».

Что же это были за сокровища?

Выдолбленная из цельного ствола дерева индейская пирога, бивни слона, моржовые клыки, праздничный убор шамана, малайские карнавальные маски, разные идолы с далеких островов, пестрые кентежителй Ганы и сари индийцев. На стене было развешено оружие — копья, луки, стрелы, бумеранги, щиты из кожи носорога, кривые турецкие ятаганы и абордажные топоры.

Большая стеклянная витрина была заполнена старинными монетами многих стран. Здесь были цехины, дублионы, талеры, пиастры, луидоры, дукаты и старинные русские червонцы.

Но знаменитые капитаны — не школьники. Вся эта драгоценная коллекция не привлекла их особого внимания: подобные предметы им часто попадались на страницах романов.

Они были поражены другим — выстроенной вдоль окон флотилией. На высоких подставках стояли модели прославленных кораблей. Здесь были увековечены шлюпы «Мирный» и «Восток», на которых русские мореплаватели Беллинсгаузен и Лазарев открыли Антарктиду, корабль Беринга «Святой Петр», проложивший курс через Берингов пролив.

А на самом большом постаменте возвышались рядышком три судна: «Святой Михаил», «Три святителя», «Симеон и Анна». Это были корабли экспедиции Григория Шелихова, основателя русских поселений на Аляске.

Следом за кораблями, на которых были совершены великие географические открытия русских мореплавателей, продолжали свой рейс в школьном музее всем известные советские корабли. Ледокол «Сибиряков» — он первым прошел по Великому Северному пути, вдоль берегов Сибири, за одну навигацию.

Ледокол «Красин», совершивший героический рейс в Арктику для спасения итальянской экспедиции Умберто Нобиле.

Атомоход «Ленин» — флагман советского ледокольного флота. Мирный атом несет этот гигант по морям, не угрожая ни воде, ни воздуху и ничему живому на земле.

Капитаны молча любовались моделью могучего атомохода. Тишину прервал взволнованный голос Артура Грэя:

— Самое драгоценное сокровище капитана Ермакова — эти корабли!.. Он оставил будущим морякам и путешественникам замечательное наследство!..

— Я готов расцеловать мадам Аглаю Петровну. Это она, только она, перед затоплением старинного Братска все увезла сюда и свято выполнила волю своего покойного брата! — с чувством сказал Тартарен. — Мерси ей от всех мореплавателей!..

— Выходит, дело обошлось без нас, — подвел итог Немо. — Но я нисколько не жалею о нашем путешествии. Я лично узнал столько нового.

С ним все были согласны. Капитаны жалели только о том, что тайна этого путешествия никогда не будет раскрыта и вахтенный журнал не будет никем прочитан, кроме членов Клуба знаменитых капитанов. Их размышления прервал звонкий крик петуха. Нельзя было терять ни секунды.

Капитан корвета бросился к витрине кружка юных художников и быстро отколол один рисунок — «Фрегат «Паллада» в открытом море». Этот рисунок был довольно точно перерисован с переплета последнего издания книги Ивана Александровича Гончарова «Фрегат «Паллада».

Насколько нам известно, в истории морских путешествий не было подобного случая, как похищение из музея рисунка ученика четвертого класса «Б» Шурика Кузнецова, но, увы, у капитанов не было другого выхода.

Василий Федорович быстро отдавал команды:

— Тревога! Всем на борт фрегата «Паллада»! С якоря сниматься! Курс на нашу библиотеку!

В ответ раздалась переливы боцманской дудки.

По беспокойному Братскому морю мчался фрегат «Паллада» с вымпелом Клуба знаменитых капитанов на мачте...

Второй крик петуха застал членов клуба уже на библиотечных полках, возле раскрытых красочных обложек любимых детских книг.

Робинзон Крузо, закрывая за собой переплет, сказал на прощанье:

— И, как говорится в романах, продолжение следует.

В третий раз задорно, весело прокукарекал петух.

Здравствуй, Сережа!

Прочитал я «Адрес отправителя: Атлантида...» и «Наследство старого капитана». Признаться, не без интереса. Но не могу понять, как они оказались в сундучке, а сундучок в дупле. И кто же вел важный журнал Клуба знаменитых капитанов? Я уверен только в одном — капитаны никогда не сходили со страниц!.. Ты меня не уговаривай...

Я поделился своими сомнениями с тетей Симой, Серафимой Александровной. И знаешь — она прочитала две клеенчатые тетради и заметила, что там много правдивого. Она даже думает, что мог существовать и капитан дальнего плавания Ермаков, а Братское море — это уже всем известный факт... Тетя Сима — научный сотрудник, криминалист (если не знаешь, что это такое, — посмотри в словаре на букву «К»). Она еще больше меня была взволнована нашей загадочной находкой на берегу Озера чаек...

Ты знаешь, у нее на счету более ста запутанных дел, которые она раскрыла, а тут стала в тупик. Жаль, что тетрадей только три!.. Завтра на пляже в условиях горячего песчаного грунта состоится первое испытание моего планетохода «ВВН-1».

Жму твою лапу, дружище.

Привет. Василий

Дорогой Вася!

Ты сколько хочешь сомневайся, а я верю, что Клуб знаменитых капитанов существует, только нам неизвестны его точные координаты. Но зато мы знаем из вахтенных журналов, что кают-компания клуба помещается в одной из библиотек на юго-западе города Москвы... Я когда-нибудь размышу эту библиотеку!.. А пока что у меня в руках новое доказательство... Афанасий Петрович организовал новый поход — в шлюпках по Оке... Мы осмотрели город Каширу... там сохранились мощные земляные валы старинных укреплений у впадения Каширки в Оку... Это остатки пограничной крепости, защищавшей Московское княжество... Потом мы побывали на Каширской ГРЭС... Она — бабушка наших электрических станций. Ее пустили еще в тысяча девятьсот двадцать втором году, когда нас с тобой еще не было на свете, и даже еще не было ни папы, ни мамы... А потом на берегу Оки мы разбили палатки... Мне не спалось, и все из-за твоих писем... Ведь ты не веришь, что клуб есть, а я верю... И этой ночью я написал письмо знаменитым капитанам. На счастье, у меня в рюкзаке была бутылка лимонада. Лимонад я вы-

нил, а письмо, по всем правилам морской почты, запечатал в бутылку хлебным мякишем. Почтового голубя моряков я бросил в Оку. На что я надеялся, Вася? Ведь Ока впадает в Волгу, а бутылка может через Волго-Дон выйти в Черное море, потом в Средиземное... и через Гибралтарский пролив в океан... Но все повернулось совсем по-другому. Утром Афанасий Петрович повел нас к обрыву ловить раков... И вдруг Наташа с трудом вытягивает сачок, а в нем вместо раков... Ты не поверишь, Вася... Старинный штоф зеленого стекла, запечатанный сургучом с оттиском якоря... Открыть бутылку поручили мне, как старосте географического кружка «Алый выпел». Я немного надеялся, что это ответ на мое послание... Но неужели так скоро?.. На самом деле в бутылке была четвертая клеенчатая тетрадь — «Загадка «Марии Целесты»».

Мы сидели кружком у костра, ели вареных раков, а Афанасий Петрович читал нам вслух про тайну «Марии Целесты». Посылаю тебе нашу новую находку... Ну что ты теперь скажешь? И какие выводы сделает научный сотрудник, криминалист тетя Сима?..

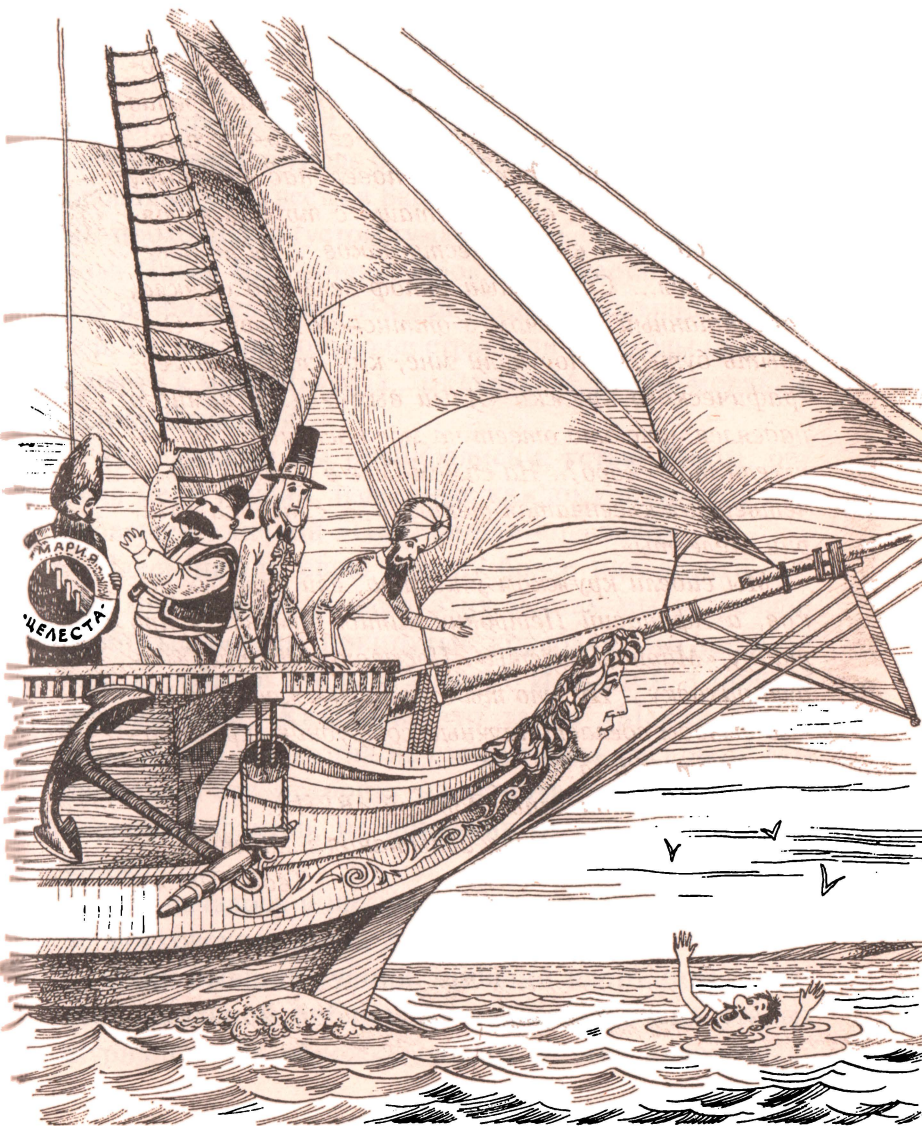
Жму обе твои лапы, дорогой «ВВН».

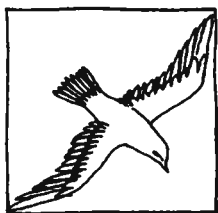
Кстати, как прошли испытания планетохода?

Твой Сережа

ЗАГАДКА «МАРИИ ШЕЛЕСТЫ»

Четвертая клеенчатая
тетрадь

На каждой своей встрече члены Клуба знаменитых капитанов сталкивались с увлекательными и загадочными историями... На этот раз в вахтенный журнал клуба занесено все, что стало известно о трагической судьбе шхуны «Мария Целеста».

Всем нам приходилось огибать мрачные берега Тасмании, прозванной моряками островом кораблекрушений. Здесь погибло более шестисот судов, не считая пропавших без вести в Бассовом проливе. Сколько раз мы проходили в густом тумане вдоль берегов полуострова Новая Шотландия. Проклятые места! В этих водах разбилось более тысячи семисот больших кораблей. Но нас нисколько не страшили переходы от мыса Смерти к мысу Дьявола... от скалы Мертвого моряка к заливу Отчаяния.

Не однажды мы пробирались к устью Темзы, обходя мели Гудвин, известные каждому штурману под зловещей кличкой «Пожиратели кораблей».

Здесь нашли свою могилу более пятидесяти тысяч моряков. И во всех этих местах мы встречали разбитые остовы покинутых кораблей. Но покинутый корабль в открытом море? И притом в полной исправности? Казалось, что тайна «Марии Целесты» никем и никогда не сможет быть раскрыта! Мы записали эту историю на основании строго проверенных фактов, не прибавив от себя ни единого слова.

Все началось в шестнадцать ноль-ноль на траверзе московского порта Химки.

Один бывший ученик, ставший капитаном, подарил школьной библиотеке комплект очень старых журналов. На обложке одного из них красовалась

фотография — это была нашумевшая на весь мир парусная шхуна. Пожелтевшие страницы журнала хранили давно забытую сенсацию.

Шхуна не затонула, не села на мель, не сгорела в море и не подверглась нападению пиратов... В безбрежных просторах Тихого океана французский парусник «Бретань» заметил справа по борту американскую шхуну «Мария Целеста». Все паруса на ней были убраны. На палубе ни живой души. На капитанском мостике — никого. Судно плыло по океану по воле волн. С «Бретани» подавали сигналы, окликались встречную шхуну. Никто не отвечал... Тогда с парусника спустили шлюпку и пристали к борту «Марии Целесты». Весь груз оказался на месте. Личные вещи экипажа, лодки и спасательные пояса тоже... На корабле не было никаких следов насилия или катастрофы. Но и людей на нем тоже не было... Что же могло с ним случиться?

Весь мир был взволнован этой загадкой. Но никому не удалось разгадать тайну покинутого корабля. В газетах многих стран высказывались тысячи предположений. Ни одно из них не было признано достоверным. И тайна «Марии Целесты» так и осталась неразгаданной.

Все это с немалым удивлением прочитали три знаменитых капитана, собравшиеся в тихий осенний вечер в кают-компанию клуба. Это были командир корвета «Коршун» Василий Федорович из повести Станюковича, пятнадцатилетний капитан Дик Сэнд и герой романа Джонатана Свифта Лемюэль Гулливвер.

История «Марии Целесты» вызвала горячий спор. Дик Сэнд держался мнения, что команда покинула корабль на какой-нибудь шлюпке, а Гулливвер выска-

зывал предположение, что члены экипажа бросились за борт вплавь... Но все это опроверг Василий Федорович — ведь шлюпки и спасательные пояса были на месте. И почему вся команда должна бросаться за борт посреди Тихого океана?

Их спор прервал бой бронзовых часов в футляре из красного дерева.

— Любезные друзья, видимо, нам троим не под силу эта загадка, — вздохнул Гулливер. — Какое счастье, что уже пробило семь часов. Давайте пригласим со страниц всех достопочтенных членов нашего клуба.

В кают-компании прозвучала звонкая трель боцманской дудки. Это Дик Сэнд подал сигнал.

Но никто не спешил спускаться с книжных полок. Даже не раскрылся ни один переплет. Наступившее молчание прервал удивленный голос Гулливера:

— Весьма странно. Какие же превратности судьбы помешали нашим уважаемым друзьям прибыть на традиционную встречу клуба?

— Интересно, где капитан Немо? — спросил командир «Коршуна». — Может быть, он сейчас бродит по дну Индийского океана?

— Что могло задержать достопочтенного Тартарена из Тараскона — бесстрашного охотника за львами и фуражками? — подумал вслух Гулливер. — И куда исчез Робинзон?

— А я хотел бы знать, какие утки увлекли Мюнхгаузена в новый полет? — добавил Дик. — И какие ветры унесли в океан Артура Грэя?

Капитан корвета в задумчивости прошелся по кают-компании и остановился возле застекленного книжного шкафа.

— Может быть, необыкновенные препятствия встали на их пути. Не зачитал ли эти книги какой-нибудь неаккуратный мальчик?

Дик Сэнд подбежал к шкафу и распахнул дверцу. К общему изумлению, книга Альфонса Доде «Тартарен из Тараскона» стояла на полке. Рядом золотился корешок романа Даниеля Дефо «Робинзон Крузо». А на другой полке подпирали друг друга переплеты романа Жюль Верна «Восемьдесят тысяч километров под водой», «Приключения Мюнхгаузена» Распе и «Алые паруса» Александра Грина.

Теперь стало ясно — герои этих книг еще до появления своих друзей в библиотеке поспешили сойти со страниц и отбыть в неизвестном направлении.

И вдруг приоткрылся переплет «Морских рассказов» Станюковича, и оттуда выглянула лукавая физиономия негритенка. Это был юнга Максимка с клипера «Забияка».

— А-а, Максимка, — улыбнулся Василий Федорович. — Ты не знаешь, куда девались наши друзья?

Юнга вытянулся и молодецки приложил руку к бескозырке.

— Есть доложить, куда девались члены Клуба знаменитых капитанов! Максимка знает. Максимка видел. Максимка слышал. Сегодня в полдень я пришвартовался к библиотеке. Меня прислали в подарок вместе с комплектами старых журналов. Видимость — ноль. Сажу на мели. Библиотекарши отчаливают в столовую. Обеденный перерыв. Полный штиль. Вдруг — шелест страниц. Шаги. Взволнованный разговор. Узнаю по голосам — капитан Робинзон Крузо, капитан Немо, капитан Тартарен из Тараскона, капитан Артур Грэй.

— О чем же они говорили? — нетерпеливо перебил юнгу Дик Сэнд.

— Есть доложить! Всего несколько слов. Но зато каких! «Тайна покинутого корабля. Борт «Марии Целесты». Ждать невозможно. Немедленно в путь».

— Умоляю вас, милейший Максимка, припомните, может быть, вы слышали, куда именно они направились? — спросил взволнованный Гулливер.

— Есть доложить координаты! Они говорили: двенадцать градусов южной широты. Сто сорок семь градусов восточной долготы. Тихий океан. Вблизи острова Таити.

— Спасибо за службу, юнга, — прочувственно сказал капитан корвета.

— Рад стараться! Разрешите быть свободным?.. — отрапортовал Максимка, закрывая за собой переплет «Морских рассказов» Станюковича.

— Скорее в путь, капитаны. Поспешим к острову Таити на всех парусах! — воскликнул пятнадцатилетний капитан.

В этот момент в раскрытое окно с громким гоготанием влетела стая диких гусей, волоча за собой на постромах улыбающегося барона Мюнхгаузена. Освободившись от веревок, знаменитый «поборник истины» поправил камзол и съехавшую набок треуголку.

Он пронзительно свистнул, и птицы, обогнув люстру, гуськом вылетели из кают-компаний.

— Откуда вы прибыли, достопочтенный барон? — любезно осведомился Гулливер.

— Я был в гостях у Оленьки, ученицы пятого «Б». Ужасные затруднения. Она меня не выпускала из рук и лежа в постели любовалась цветными картинками.

Поэтому и пришлось несколько задержаться. Но как только девочка уснула, я улетел на моей всемирно известной гусиной запряжке. Итак, я здесь. Где председательский молоток?

— Заседание еще не началось, дорогой барон, — пояснил Гулливер. — Дело в том, что наши друзья, не дождавшись нас, отбыли в таинственное путешествие.

Мюнхгаузен был искренне возмущен:

— Ах так! Без меня? Это все происки Тартарена! Он с момента своего выхода в свет завидует моему успеху.

Откровенно говоря, на сей раз Мюнхгаузен не очень уклонился от истины. Тартарен действительно ему всегда завидовал. Толстяка частенько мучила мысль, что он лишь порождение фантазии писателя Альфонса Доде и никогда не существовал в действительности. А ведь барон Мюнхгаузен, как отлично известно всем друзьям нашего клуба, — это историческое лицо. Кто из школьников не знает, что на свете жил-был настоящий барон Карл Фридрих Иероним фон Мюнхгаузен — саксонский дворянин? Два с половиной века назад он побывал в России и, вернувшись домой, начал плести всякие небылицы в кругу своих друзей. Впрочем, это случалось и со многими другими иностранцами в разные времена.

Рассказы Мюнхгаузена привлекли большое внимание, и двенадцать писателей сочинили о нем книги. Но лучшей была книга немецкого писателя Распе «Приключения Мюнхгаузена». Ее сила в том, что она блестяще высмеивает ложь и пробуждает в читателях драгоценное чувство фантазии.

Это чувство будит живую мысль и помогает человечеству двигаться вперед. Старая сказка о ковре-

самолете ведь тоже не более чем фантазия, но какой летчик или космонавт не слышал ее в детстве? И разве, сидя у голубого экрана телевизора, мы не вспоминаем порой сбывшуюся сказку о волшебном зеркальце? Сказочные сапоги-скороходы делали всего семь миль в час, то есть немногим более одиннадцати километров. А современный гоночный автомобиль развивает скорость до тысячи! И полеты барона Мюнхгаузена верхом на ядре кажутся черепашьими бегами по сравнению с космическими полетами.

Но вернемся к событиям, происходившим в библиотеке в тот достопамятный вечер. По приказу капитана корвета «Коршун» с книжных страниц выплыл его корабль. Были поставлены все паруса. И «Коршун» быстро двинулся вперед, рассекая носом зеленоватые волны с белыми барашками.

— Куда мы держим курс? — поинтересовался барон.

— На поиски шхуны «Мария Целеста». В Тихий океан, — ответил Дик Сэнд, развертывая карту.

Барон наморщил лоб, что-то припоминая.

— Тихий? А я бы предложил отправиться в Великий океан.

Раздался общий смех. Только Гулливер сохранял полную невозмутимость.

— Любезный друг, вы, очевидно, несколько забыли школьные уроки географии. Впрочем, это было так давно, что я вас не упрекну. Но, чтобы восстановить истину, я вам напоминаю. Великий, или Тихий, — это два названия одного и того же океана. И оба они не вполне точны. Было бы справедливо заметить, что этот океан является не Великим, а

Величайшим. Судите сами, его водная поверхность вместе с морями составляет около ста восьмидесяти миллионов квадратных километров, то есть половину всего Мирового океана. Кроме того, Тихий океан самый глубокий. В нем обнаружены подводные пропасти глубиной свыше одиннадцати километров. Я имею в виду Марианскую впадину. Как известно всем, кто имел в школе не ниже тройки по географии, она простирается к востоку и югу от Марианских островов, в западной части Тихого океана. В этом океане больше воды, чем в Атлантическом, Индийском, Северном Ледовитом и Южном океанах, вместе взятых. Теперь поговорим о его втором названии — Тихий океан. Кто из моряков не знает о страшных тайфунах, о коварных течениях, о внезапных бурях и свирепых многодневных штормах, которые составили мрачную славу так называемого Тихого океана?.. Впрочем, вначале он был назван Южным морем. Это название было ему дано испанским завоевателем Васко Нуньесом Бальбоа, который первым увидел берега неведомого европейцам океана в 1513 году. Через семь лет морская экспедиция во главе с выдающимся португальским мореплавателем Фернаном Магелланом, обогнув южную оконечность Америки, открыла путь из Атлантики в Южное море. Суда первых кругосветных путешественников были основательно потрепаны штормами Атлантики... Но вот они прошли пролив, названный именем Магеллана. Перед ними открылся необъятный океанский простор.

Экспедиция пересекла огромный океан и за два года ни разу не попала в бурю. Немудрено, что Магеллан и его спутники называли этот океан Тихим.

В этот вечер Тихий океан вполне оправдывал свое обманчивое название. Корвет «Коршун», подняв брамсели и бом-брамсели, шел по заданному курсу к острову Таити в поисках злополучной шхуны «Мария Целеста». Даже в сильные подзорные трубы капитаны не могли заметить ни дымка, ни паруса. В этой уединенной части Тихого океана вообще было мало надежды встретить какое-либо судно, а тем более корабль, покинутый командой.

Заполняя вахтенный журнал, члены клуба вспоминали известные морякам истории о кораблях, брошенных командой. Английская шхуна «Дженни» тридцать лет дрейфовала, затертая льдами Южного Ледовитого океана.

Американская шхуна «Фэнни Уолетен», оставленная моряками, была замечена с других судов сорок шесть раз за три года ее одинокого плавания. Потом следы ее затерялись в Саргассовом море. До сих пор, возможно, плавает известный корабль-призрак — английское судно «Динмор». Несколько лет его искали в Атлантике суда американского военного флота. Но, увы, безуспешно!..

Однако все эти загадочные истории бледнеют перед тайной «Марии Целесты». Это был редкий случай, когда команда бросила исправное судно, оставив все шлюпки и спасательные пояса на борту.

Примечательно, что вахтенный журнал этой встречи Клуба знаменитых капитанов существенно отличался от всех предыдущих и последующих. Это был единственный случай, когда одновременно велось два журнала. Один был начат в библиотеке, а второй не-

посредственно на борту «Марии Целесты» теми многочисленными капитанами, которые первыми проникли на борт загадочной шхуны. Истинный ход событий пришлось восстанавливать, сравнивая записи, сделанные в разное время разными людьми. Как всегда бывает в таких случаях, установить удалось далеко не все. Так, например, мы никогда не узнаем подробностей плавания корвета «Коршун» по Тихому океану до острова Таити. Не удалось выяснить и каким путем первая группа капитанов добралась до покинутого командой корабля. Неизвестно также, кто еще, кроме членов нашего клуба, искал в океане «Марию Целесту».

Да, многим казалось, что это уравнение, состоящее из одних неизвестных, по законам математики не может быть никогда решено.

Такого мнения держался и Робинзон Крузо. Он находился на борту «Марии Целесты» и даже нес ночную вахту у штурвала, но тайна брошенной шхуны оставалась по-прежнему непостижимой. Робинзон в сотый раз разглядывал чисто прибранную палубу. Старинная корабельная пушка на носу парусника была старательно надраена и поблескивала при бледном свете луны. На блоках висели две шлюпки, а больше паруснику и не полагалось иметь. В разных местах по борту и на шканцах красовались спасательные круги с надписью «Мария Целеста». Их было более чем достаточно, и все они, как назло, находились на месте.

На мостик быстро поднялся капитан Немо. Робинзон встретил его безнадежной тирадой:

— Клянусь всеми необитаемыми островами на свете, мы никогда не разгадаем тайну этой проклятой шхуны!

— Вы рано сдаетесь, капитан Робинзон, — улыбнулся Немо. — Мне странно это слышать от человека, у которого хватило терпения прожить двадцать восемь лет на необитаемом острове.

Но это напоминание нисколько не убедило его бородатого собеседника.

— Так это был прекрасный остров и вовсе не такой пустынный. Там были птицы, говорящие попугаи, дикие козы, пышная растительность. Наконец, я там встретил своего неразлучного друга Пятницу, а здесь даже нет крыс. Видимо, они тоже покинули корабль. Нет, я бы не хотел провести даже двадцать восемь часов на этой злосчастной посудине, плывущей в полную неизвестность.

— Вот что я нашел в каюте шкипера! Вахтенный журнал шхуны! — крикнул Артур Грэй, быстро поднимаясь на мостик. — Обратите внимание, на чем кончается запись.

Над недописанной страницей склонилась белоснежная чалма Немо и козья шапка Робинзона. При свете бортового фонаря можно было прочесть строки, написанные ровным каллиграфическим почерком...

«...В полдень определили координаты: 19° южной широты и 147° восточной долготы. Вторая вахта заступила вовремя.

2 часа дня. Легкий попутный ветер. На горизонте...»

— Все ясно! — довольно усмехнулся Робинзон. — На горизонте появилось пиратское судно. Пираты взяли шхуну на abordаж, а всю команду обратили в рабство, как случилось в молодости со мной.

Артур Грэй недоверчиво покачал головой:

— Почему же пираты не разграбили корабль? Весь груз на месте. И даже оружие в сохранности. Под

подушкой на койке шкипера лежал этот заряженный пистолет. — И он помахал перед носом озадаченного Робинзона большим дуствольным пистолетом, отделанным серебром. — А в кубрике висят ружья, кортики, абордажные топоры. Нет, версия с пиратами отпадает.

Знаменитый отшельник в задумчивости разглядывал пистолет.

— Все ясно! На корабле произошел бунт. Шкипера схватили во сне.

— В таком случае разрешите задать вопрос. Зачем бунтовщикам бежать с корабля, если он уже захвачен? И на чем они могли бежать, если все шлюпки и спасательные круги на месте?.. — спросил капитан Немо.

Робинзон уже в который раз оглядывал палубу.

— Ну, теперь-то уж мне все ясно. Клянусь своей бородой, внезапная эпидемия желтой лихорадки скосила всех!

Артур Грэй невесело усмехнулся:

— Вам, кажется, придется сбрить бороду, Робинзон. Желтая лихорадка? Но куда же подевались бранные останки моряков? И почему об этом нет ни слова в вахтенном журнале? Да разве так выглядит судно после эпидемии? К вашему сведению, на столе в жилой палубе я обнаружил двенадцать чашек с кофейной гущей на дне.

— А я обнаружил в трюме течь, — сказал Немо. — Боюсь, что эта старая посуда недолго будет плавать по морям.

Вдруг со стороны камбуза раздался страшный скрежет. Немо, переглянувшись с Греем, осторожно спустился по трапу к люку. Проскользнув в люк, он на цыпочках прошел по жилой палубе, стараясь ничем не выдать своего присутствия.

Но все предосторожности были напрасны. В камбузе не происходило ничего таинственного. Просто там орудовал Тартарен, доскребая кривым малайским кинжалом остатки жаркого с большой сковородки.

Пустые миски, кастрюли и горшки стояли на потухшей плите. На медном блюде лежала изрядная кучка обглоданных костей, вполне достаточная, чтобы удовлетворить аппетит своры голодных псов. На глиняной тарелке возвышалась горка косточек от компота, очевидно, сваренного на всю команду.

Немо бросил беглый взгляд на всю эту картину, и его сразу осенила догадка:

— Ага... команда, перед тем как покинуть корабль, основательно пообедала. Это случилось совсем недавно — даже кости еще не обсохли.

Толстяк невинно отвел глаза в сторону.

— Вы, как всегда, угадали, Немо. Это было совсем недавно. Пытаясь раскрыть тайны камбуза, я очистил все кастрюли. Ничего заманчивого — похлебка из гнилой солонины, затем та же солонина, зажаренная под горчичным соусом, и компот из слишком сухих фруктов. К сожалению, все было холодное. Я эти вещественные доказательства, разумеется, съел, чтобы проверить, не отравлена ли пища. Но, к счастью, звезда Тараскона еще не закатилась.

Неизвестно, что бы еще поведал Тартарен, если бы с капитанского мостика не донесся голос Робинзона: «Да поднимитесь на палубу!.. В чем там у вас дело?..»

Они поспешили наверх и рассказали Робинзону, что команда не успела пообедать, хотя на камбузе все было готово.

На Робинзона это сообщение не произвело никакого впечатления. Он спокойно раскурил трубку и начал философствовать:

— Море полно неразгаданных тайн, несбывшихся надежд. А сколько горьких разочарований испытал каждый моряк!.. Мне вспоминается один случай. Клянусь историей моих скитаний, я был очень польщен, когда узнал, что на морских картах появился остров — Робинзон Крузо. Это в Тихом океане, в группе небольших вулканических островов Хуан-Фернандес, вблизи западного побережья Южной Америки. Ваш Робинзон — единственный книжный герой, удостоенный такой чести. И я решил посетить свой остров. Так что я высаживаюсь на тот самый берег, где меня некогда выбросили бушующие волны после кораблекрушения. И вдруг — я не верю своим глазам — передо мной стоит мой любимый Пятница с копьем в руках. Я бросаюсь к нему с радостным криком: «Пятница!» Он поворачивается и злобно отвечает: «Убирайтесь отсюда вон... Не мешайте!..» И тут мне показалось, что я начинаю сходить с ума. Ко мне приблизился человек с огромной бородой, в костюме из козьих шкур и с моим мушкетом в руках. Передо мной очутился... Робинзон Крузо.

— Может быть, это был матрос Александр Селькирк? Ведь ваш автор, Даниель Дефо, взял для своего романа подлинные приключения этого матроса на необитаемом острове, — перебил его Немо.

— Клянусь следами на песке, вы не угадали, капитан Немо! Оказывается, сейчас на острове работает специальная компания по обслуживанию туристов. Они тысячами приезжают на мой остров. Наемные актеры несколько раз в день разыгрывают здесь целые представления, показывая эпизоды из книги Даниеля Дефо. Я попал в самый разгар спектакля. И подоспевшие билетеры вытолкали меня вон. Меня — настоящего Робинзона Крузо!

Поскрипывая такелажем, загадочная шхуна продолжала свой путь в неизвестность. Вдруг зеленый ответ далекой ракеты озарил океанский простор.

Тартарен не мог скрыть своего страха:

— Что это? Нас кто-то пытается запугать!

— Это сигналы с какого-то корабля. Вести наблюдение за горизонтом! — отрывисто скомандовал Немо.

Все четверо взялись за подзорную трубу и увидели, что их догоняет большое парусное судно. Оно быстро приближалось, и уже можно было разглядеть открытые пушечные порты.

Робинзон предложил поднять все паруса и уходить полным ходом. Но ему не удалось убедить Немо. Тот считал, что все равно на этой старой посудине, с водой в трюме не удастся уйти от быстроходного корабля. Оставалось приготовиться к обороне. Тартарена послали в пороховой погреб за оружием. Немо и Артур Грэй зарядили пушку и взяли на прицел неизвестный корабль.

— Боюсь, что это пираты из какого-то романа, который я не читал, — произнес Немо, вглядываясь в ночную даль.

Из-за облаков вышла луна, и стало видно, что погоня совсем близко. Можно было разглядеть, как с борта на таях спускали большую шлюпку.

В нее прыгнули несколько вооруженных людей в камзолах и плащах.

— А вдруг это возвращается команда?.. — прошептал Робинзон. — И нас на законном основании вздернут на реях, как джентльменов удачи¹, захвативших корабль.

¹ Так называли пиратов на морях.

На палубу выполз Тартарен, сгибаясь под тяжестью целой охапки ружей. За поясом у него торчал добрый десяток пистолетов. При этом толстяк каким-то чудом катил перед собой бочонок с порохом, а на буксире тащил перевязанный тросом зарядный ящик.

Увидев шлюпку, идущую к «Марии Целесте», тарасконец с дрожью в голосе пробормотал:

— Может быть, на всякий случай ударим из пушки?

— Вы с ума сошли! — оборвал его Немо. — Держите к ветру, Робинзон. Артур Грэй, отдать штормтрап! Принять шлюпку! Это же наши друзья по Клубу знаменитых капитанов!

И вот по трапу на борт поднялись Дик Сэнд, Мюнхгаузен и Гулливер. Последним покинул шлюпку капитан корвета, приказав гребцам вернуться на «Коршун». Он вручил мичману Ошанину пакет для старшего помощника. В нем был приказ: «Корвету «Коршун» лечь на обратный курс. Доплыть до библиотеки и пришвартоваться к полному собранию сочинений Станюковича».

А на палубе неожиданно вспыхнула ссора. Дружеские излияния Тартарена, растроганного до слез этой неожиданной встречей в Тихом океане, были внезапно прерваны Мюнхгаузеном.

— Вы хотели прославиться на весь мир? Без меня! Открыть тайну покинутого корабля! Как вы посмели, Тартарен, отправиться в такое путешествие без Мюнхгаузена?.. — кричал он, размахивая шпагой перед самым носом толстяка.

— Уберите шпагу, — мрачно произнес Тартарен. — Меня это волнует, а в гневе я страшен. Спросите любого льва.

Но барон был неумолим.

— Я сейчас вырву ваши лучшие страницы! — и он сделал энергичный выпад.

Толстяк ловко увернулся от острия шпаги и поднял с палубы бочонок с порохом.

— Только посмейте, Мюнхгаузен, и я измажу порохом ваш титульный лист.

Дуэлянтов никто не разнимал. Все знали, что их почти столетняя дружба главным образом состояла из ссор и примирений. И действительно, через минуту они вместе со всеми капитанами принимали участие в новых попытках раскрыть тайну покинутого корабля. Правда, никаких свежих догадок и предположений высказано не было. Только барон Мюнхгаузен заявил, что у него есть одна чрезвычайно правдивая идея, но она еще требует некоторых раздумий. И он гордо удалился с палубы в каюту.

Василий Федорович принял на себя командование «Марией Целестой», хотя ему никогда не приходилось водить по океанам старые шхуны с гнилой палубой и неразгаданной тайной на борту.

Капитаны определили координаты. Оказалось, что шхуна находится на траверзе острова Таити и медленно тащится на юг. Они оторвались от карты, услышав громкий возглас Робинзона: «Человек за бортом!»

Дик Сэнд ударил в судовой колокол. Василий Федорович коротко скомандовал:

— Грот и фок на гитовы! Ложиться в дрейф!

Но Артур Грэй не ждал, когда кончатся эти маневры с парусами. Скинув куртку, он бросился за борт.

Не прошло и нескольких минут, как Артур Грэй и Дик Сэнд принесли на шканцы спасенного незнакомца. Это был высокий матрос с бледным лицом.

На его обнаженных руках темнела причудливая татуировка. Матроса усадили на зарядный ящик. Тартарен влил ему в рот немного рому из своей походной фляжки. Бедняга открыл глаза и пробормотал, словно в бреду:

— В полночь... ровно в полночь... спасайтесь... в полночь...

Эти слова всех поставили в тупик. Был ли это просто бред? Или это имело прямое отношение к тайне «Марии Целесты»?

И что должно произойти в полночь?

Капитаны расступились, давая дорогу Гулливеру. Тот с вежливым поклоном взял за руку матроса, все еще не пришедшего в сознание.

— Дайте я проверю ваш пульс. Доверьтесь мне. Ваш покорнейший слуга, капитан Лемюзль Гулливер, начал плавание свыше двухсот лет тому назад в должности хирурга на судне «Ласточка». — С этими словами Гулливер достал из жилетного кармана серебряный брегет.

Незнакомец очнулся, бросил беглый взгляд на циферблат и тревожно спросил:

— Который час?

— На моем хронометре без двух минут двенадцать, — спокойно ответил Гулливер.

Матрос сорвался с места и кинулся к борту. В последний момент Робинзон и Немо успели перехватить его у самого фальшборта.

Незнакомец пытался вырваться из крепких объятий, оглашая палубу шхуны громкими криками:

— Мы сейчас взлетим на воздух... Осталась одна минута!.. Ровно в полночь... Все за борт!..

Капитаны не тронулись с места. Часы-луковица с мелодичным звоном пробили двенадцать раз. В насту-

пившей тишине прозвучал насмешливый голос Гулливера:

— Ваши предсказания не сбылись, милейший. Наступила полночь. А мы не в воздухе, а на палубе корабля!

Робинзон выпустил оторопевшего матроса из рук и суровым тоном сказал:

— Клянусь последним патроном, я вышвырну вас за борт, если вы не расскажете нам всю правду! Кто вы такой? Зачем вы явились к нам на борт? Кто вас подослал на «Марию Целесту»?

Эта угроза была совершенно излишней, потому что незнакомец и не собирался ничего скрывать от знаменитых капитанов. Он оказался их соседом по книжным полкам — русским матросом Василием Чайкиным из книги Станюковича «Похождение одного матроса». Чайкин рассказал, как он отстал от своего клипера «Проворный» в американском порту Сан-Франциско... Потом он плавал рулевым на шхуне «Динора». Ходил в Австралию, оттуда в Новый Орлеан. На дилижансе пересек степи Южных штатов, дружил с индейцами, дрался с бандитами, мыкал горе горькое... А душа все звала в Россию. Наконец ему удалось вернуться на родину. По дороге матрос попал в порт Гонолулу. В ожидании парохода, сидя в одной портовой таверне, он случайно услышал разговор двух бродяг... Какой-то мистер Чип нанял их на особую работу: незаметно погрузить в трюм шхуны «Мария Целеста» большую хлопушку, и Чайкин понял, что речь шла об адской машине. Она должна была взорваться в открытом море двенадцатого сентября ровно в полночь.

— Ах, медам и месье, все это вздор! — ехидно заметил Тартарен. — Сегодня двенадцатое сентября, и только что минула полночь.

— Выходит, вы мне поверили бы, только взлетев на воздух, — горько усмехнулся Чайкин.

В ответ раздался дружный смех. Не смеялся только капитан корвета. Он был полон каких-то тревожных мыслей.

— Я считаю ваш смех совершенно неуместным. Вы упустили из виду, что на каждом меридиане время различное. «Мария Целеста» сейчас на другом меридиане, градусах в пятнадцати от Гонолулу. Здесь на меридиане острова Таити — полночь, а на меридиане Гонолулу всего одиннадцать часов вечера или немногим больше. Значит, взрыв все-таки может произойти.

И Василий Федорович приказал еще раз осмотреть корабль, «перевернуть» каюты, перетряхнуть весь груз, обшарить каждый закоулок в трюме.

Следует заметить, что командир «Коршуна» был совершенно прав. Ведь что такое сутки? Это не более чем один оборот земного шара вокруг своей оси. Наша планета похожа как бы на циферблат гигантских часов, по которому, как стрелка, движется первый луч солнца. И в восточных странах, как известно, сутки начинаются раньше, чем в западных, потому что Земля вертится с запада на восток. Где же раньше всего наступают новые сутки? В Советском Союзе — на полуострове Чукотка. Дело в том, что вся Земля разделена на двадцать четыре пояса, по числу часов в сутках, и в каждом поясе — свое время! Посредине Берингова пролива, между островами Большой и Малый Диомид, проходит воображаемая линия, которая отделяет один день от другого. Интересно, что по одну сторону от нее будет еще суббота, а по другую — уже воскресенье.

Это знают все моряки. Если они плывут с востока на запад, им приходится выбрасывать один день из кален-

даря. Но если корабль идет с запада на восток, то один и тот же день приходится считать два раза. А летчики, которым довелось перелететь через Берингов пролив, с Чукотки на Аляску, неизменно попадали во вчерашний день. Скажем, вы вылетели с мыса Северного девятнадцатого сентября, а прилетаете в американский поселок Теллор восемнадцатого сентября. Так что путешествие во вчерашний день не представляет в наше время больших затруднений... А разница во времени между меридианами Гонолулу и острова Таити могла оказаться роковой для «Марии Целесты».

Но что же происходило на ее опустевшей палубе? На мостике оставался только один Дик Сэнд, сменивший Робинзона у штурвала. Юношу не покидала мучительная мысль: кому и зачем понадобилось взрывать корабль?

Из люка с трудом выбрался Чайкин и, пошатываясь, побрел на шканцы. Несколько стыдясь своей слабости, он присел на ступени трапа и тяжело вздохнул.

— В жилой палубе хлопушки нет, а в трюм не добраться, — извиняющимся тоном сказал он Дику.

Пятнадцатилетний капитан думал совсем о другом.

— Скажите, Чайкин, вы не знаете, кто такой этот мистер Чип?

— Не знаю. Но я хотел предупредить команду «Марии Целесты»... Сколько раз по ночам я сходил со страниц своей книги и отправлялся в блуждающий океан на любом попутном судне. На этот раз я плыл на маленьком рыбацком боте. Мы налетели на риф. Бот погиб вместе с моими спутниками, и если бы не вы, это было бы мое последнее плавание.

— А кто из моряков знает, какое плавание окажется для него последним? — задумчиво произнес пятнадцатилетний капитан.

Чайкин не успел ничего ответить, так как его внимание было привлечено большим сундуком. Этот сундук вытащили на палубу Гулливер и Немо.

Следом появились остальные капитаны. И тут выяснилось, что сундук обнаружен в каюте шкипера, где он стоял за койкой, заваленный разным хламом. Сундук доставили на шканцы с огромными предосторожностями. Ведь в нем могла оказаться адская машина. Тартарен даже предложил швырнуть эту опасную находку за борт, но Василий Федорович, сорвав с крюка пожарный топор, молча вскрыл сундук.

Капитаны столпились вокруг. Немо, стараясь не делать лишних движений, осторожно вытащил старую полосатую фуфайку, мокасины с вышитым полумесяцем, домашние туфли, кисет для табака с индейской вышивкой. Все обратили внимание, что на кисете был также вышит полумесяц.

Больше в сундуке ничего не было. Только на дне лежала порывевшая фотография индианки в национальном пестром костюме.

Гулливер поднял фотографию и, надев очки в стальной оправе, прочитал надпись на английском языке. «На память Гарри Джексон — любящая Молодая Луна. По просьбе клиентки подписался фотограф Райт».

— Молодая Луна? Это индейское имя! — озадаченно заметил Робинзон.

Но Гулливера уже не интересовала фотография. Он с беспокойством посмотрел на хронометр.

— Обращаю ваше внимание на часы: до взрыва осталось двадцать минут.

Капитан корвета захлопнул пустой сундук и отдал команду:

— Всем приготовиться покинуть корабль.

Капитаны направились к большой кормовой шлюпке и быстро спустили ее на воду. Запасливый Робинзон прихватил в дорогу бочонок с пресной водой и мешок с сухарями.

Некоторая задержка вышла из-за Тартарена. Толстяк долго упаковывал свой саквояж, запихивая в него все вещи, найденные в сундуке.

В последнюю минуту к Василию Федоровичу подошел матрос Чайкин.

— Позвольте обратиться, капитан. Я свое дело сделал: предупредил вас об адской машине мистера Чипа. Разрешите мне, как положено по повести Станюковича, вернуться скорее домой, в Россию!

В распоряжение матроса была предоставлена маленькая носовая шлюпка со всем необходимым для далекого путешествия. Капитаны пожелали ему счастливого плавания, и Чайкин первым отвалил от борта «Марии Целесты».

— Осталось десять минут до взрыва, — уже с большой тревогой произнес Гулливер, спускаясь по веревочному трапу за борт. Капитаны заняли свои места в шлюпке и, навалившись на весла, стали быстро уходить от зловещего корабля.

Так «Мария Целеста» была вторично покинута экипажем. При этом никого из нас не встревожила судьба Мюнхгаузена. Действительно, его не было ни в большой, ни в маленькой шлюпке. Его не было ни на палубе, ни на мостике. Во время поисков адской машины барона не видели ни в каютах, ни на камбузе, ни в трюме. Он просто исчез в совершенно неизвестном направлении. Но его друзья по клубу несколько не были обеспокоены. Они привыкли к особенностям характера Мюнхгаузена. Если он исчез — то неспрос-

та! Кто знает, в какое новое путешествие он отправился?

Шлюпка отошла от «Марии Целесты» уже на целый кабельтов. Гулливер высоко поднял хронометр, так, чтобы серебряная луковица была видна всем гребцам.

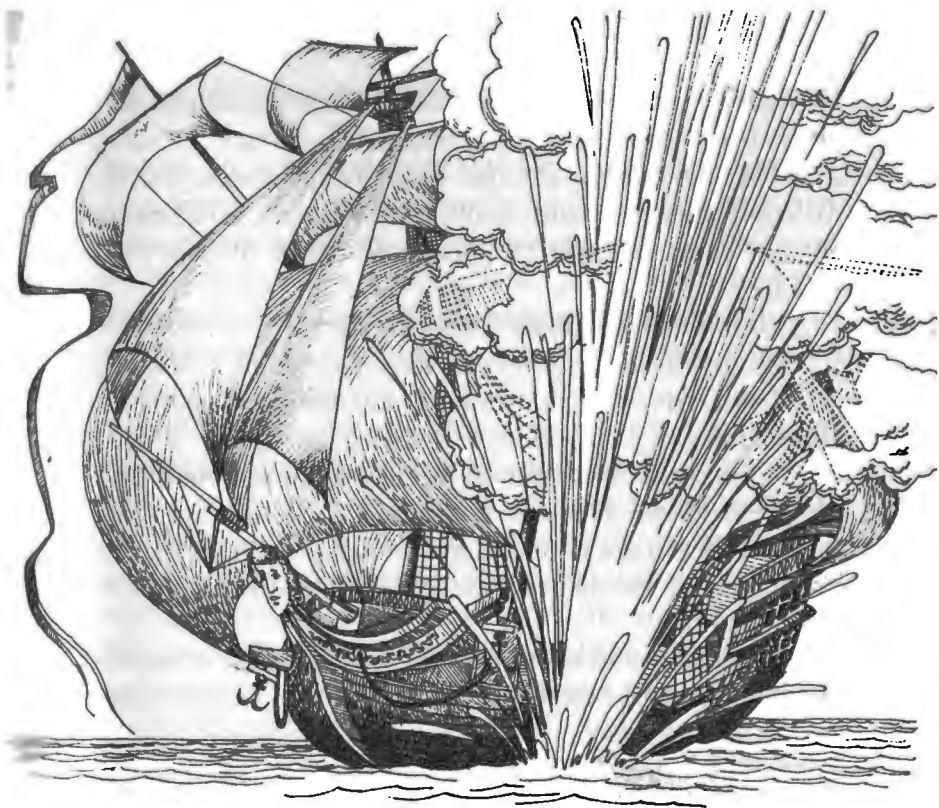
— По поясному времени Гонолулу ровно полночь. Сейчас «Мария Целеста» взлетит на воздух!..

Но шхуна по-прежнему покачивалась на зыбких волнах.

Вместо взрыва тишина была нарушена звонким голосом Дика Сэнда:

— Я не хотел спорить, капитаны, как самый молодой среди вас. Но мне показалась очень сомнительной вся эта история с адской машиной какого-то мистера Чипа. Мало ли о чем могли болтать двое пьяных бродяг в портовом кабаке? И Чайкин мог

все спутать, тем более что, даже по его словам, разговор шел о большой хлопушке. Может быть, это просто елочная хлопушка.

Приободрившийся Робинзон поддержал юношу:

— Клянусь пороховым погребом, паника была напрасной. Нам лучше вернуться на шхуну и снова пытаться проникнуть в тайну «Марии»...

Оглушительный взрыв не дал ему договорить. Высоко к небу поднялся огненный столб пламени. В облаках черного дыма метались обломки рей с оторванными кусками парусов... Мачты рухнули за борт. Через огромные пробоины в трюм хлынула вода. Горящая шхуна накренилась, перевернулась вверх килем и быстро погрузилась в морскую пучину.

Члены Клуба знаменитых капитанов молча наблюдали за катастрофой, разыгравшейся в этом пустынном районе Тихого океана. Они были потрясены не только гибелью судна. Вместе с «Марией Целестой» на дно ушла и надежда раскрыть тайну покинутого корабля.

В океане царствовал полный штиль.

Трудно было поверить, что не прошло и часа с того момента, когда взорванная адской машиной шхуна навеки скрылась в морской пучине.

Члены клуба налегли на весла, стараясь уйти подальше от этого зловещего места. Капитаны еще продолжали делиться своими догадками о тайне «Марии Целесты», но вскоре общим вниманием завладел Артур Грэй.

Он вспомнил историю другого «призрака» — парохода «Бейшино». Это судно появилось на морях сравнительно недавно — в 1931 году. Капитан галиота «Секрет» к этому времени уже прочно обосновался на книжных полках: ведь Александр Грин закончил свою феерию «Алые паруса» в 1922 году.

В тридцатых годах в библиотечном обществе начались разговоры о кладе «мягкого золота» на борту исчезнувшего парохода «Бейшино». После небывало удачной охоты на морского зверя весь трюм был забит драгоценными шкурами, но отплыть домой морякам не удалось... Внезапно наступила ранняя зима, и море у берегов острова Виктория замерзло первого октября. Случай не исключительный для Канадского арктического архипелага.

И тогда капитан решил зимовать на острове. На берегу экипаж построил хижины, где можно было разместиться с некоторыми удобствами. Ну а судно оставили вмерзшим в ледяное поле. Каково же было удив-

ление зимовщиков, когда однажды, выйдя на берег после сильной пурги, они увидели, что льды разошлись, а «Бейшино» исчез. Он стал кораблем-призраком. Его искал экипаж, владельцы судна и многочисленные охотники за сокровищами. Его видели много раз в разных водах, но подойти к нему никому не удавалось. В этих поисках принял участие и капитан Грэй на своем галиоте «Секрет». Артуру хотелось раскрыть загадку исчезнувшего корабля. С ним в рейс пошла и его любимая Ассоль. Однажды у острова Франклина матрос Летика из «вороньего гнезда» на мачте заметил дрейфующий корабль. На корме ясно можно было прочитать название «Бейшино». «Секрет» пустился в погоню, но вскоре корабль-беглец растаял в ледяном тумане, словно призрак. На этом пришлось прекратить поиски, так как «Секрет» с трудом прокладывал себе дорогу среди плавучих льдин.

Ассоль уверена, что ветры и морские течения до сих пор носят «Бейшино» по волнам. Но кто знает, может быть, пароход нашли современные джентльмены удачи, разграбили его и пустили ко дну, чтобы скрыть концы в воду.

— Ах, месье Артур Грэй! — заметил любимец Тараскона. — Но что стоит ваш «Бейшино» по сравнению с «Марией Целестой»? Там экипаж по приказу капитана покинул корабль, а здесь... совершенно другое. Куда исчезла команда «Марии Целесты»? Для чего была подброшена в трюм большая хлопушка? Кто такой мистер Чип? Вот вопросы! А ответов я не слышу!

Капитан корвета «Коршун» бросил руль и тяжело вздохнул.

— Я не знаю, куда держать курс, капитаны. Может быть, в Гонолулу? Но там сотни кабаков и

тысячи бродяг. И кто из них знаком с этим мистером Чипом? Одно теперь ясно — он существует. Но где?

Сидевший на корме Тартарен долго рылся в саквояже и наконец извлек уже знакомую нам старую полосатую фуфайку. Он бережно ее встряхнул, и на дно шлюпки вывалился кусок холста. Он был запрятан внутри фуфайки, подальше от посторонних глаз.

Толстяк торжественно поднял холстину и развернул ее, как географическую карту. Оказалось, что она была вся испещрена цветными рисунками.

— Медам и месье, чутье старого следопыта меня не обмануло. Мы очень поверхностно осмотрели сокровища, найденные в каюте шкипера.

Робинзон вырвал у него из рук странную находку и впился в нее глазами.

— Клянусь трубкой мира, это индейское письмо. Мой Пятница часто получал такие письма.

Необычное письмо по очереди разглядывали все капитаны.

На тонкой парусине были нанесены изображения самых различных предметов, как будто бы нарисованные ребенком.

...Вигвам на колесах и на нем женские косы. Голубая извилистая линия. Бизон, у которого одна нога почему-то загнута в сторону. Орлиное перо, воткнутое в землю. Далее был нарисован вигвам без колес, над ним клубился легкий дымок. А рядом был изображен холм с тремя деревьями. Затем зеленели три дубовых листка. Куда-то мчалась индейская пирога с крыльями. Она почти налетала на сердце, украшенное цветком. И наконец, последний рисунок изображал полумесяц.

Капитаны потратили немало труда, чтобы прочитать индейское письмо. Хорошо, что среди них был Робинзон Крузо, который умел разгадывать условные знаки краснокожих.

В вахтенный журнал клуба был внесен полный текст письма, проливший некоторый свет на историю «Марии Целесты».

Первый рисунок: «Вигвам на колесах и женские косы». Это означало: «Я переехала».

Второй рисунок: «Голубая извилистая линия» — это река.

Третий рисунок: «Бизон, одна нога которого загнута в сторону». Дик Сэнд вспомнил, что индейцы называют рекой Большого бизона Миссисипи. Загнутая нога означает поворот реки.

Четвертый рисунок: «Орлиное перо, воткнутое в землю». Робинзон слышал про могилу вождя племени команчей по имени Орлиное Перо. Он похоронен вблизи от небольшого города Мелтона.

Пятый рисунок: «Вигвам без колес. Над ним клубится легкий дымок... А рядом изображен холм с тремя деревьями». «Мой дом стоит теперь у холма, где растут три дерева».

Шестой рисунок: «Три зеленых дубовых листка...» — это три дуба.

Седьмой рисунок: «Индейская пирога с крыльями». Над этим рисунком бились больше всего. Наконец Артур Грэй высказал предположение, с которым все согласились. «Пирога с крыльями» — это приглашение: «Приезжай скорей!»

Восьмой рисунок: «Сердце, украшенное цветком».

Его мгновенно расшифровал Тартарен:

— Никаких сомнений!.. Все ясно! Она пишет: «Я тебя люблю!»

Девятый и последний рисунок: «Полумесяц».

— Молодая Луна! — категорически заявил Гулливер. — Вспомните надпись на фотографии.

Тартарен, порывшись в рюкзаке, достал старую фотографию и с чувством прочитал уже знакомую надпись: «На память Гарри Джексону — любящая Молодая Луна. По просьбе клиентки подписал фотограф Райт».

— Письмо прочитано, — подвел итог капитан корвета. — «Я переехала на реку Миссисипи, к повороту возле города Мелтона. Мой дом стоит у холма, где растут три дуба. Приезжай скорей. Я тебя люблю. Молодая Луна».

Тартарен был растроган:

— Ах, дорогие друзья! Мы все когда-то были молоды... Насколько я понимаю толк в таких письмах, если этот шкипер Гарри Джексон жив, — он там, возле Молодой Луны!

Наконец в руках капитанов снова оказалась тонкая нить, ведущая к раскрытию тайны покинутого корабля. Их больше не интересовали бродяги, Гонолулу, мистер Чип. Они приняли решение немедленно отправиться на Миссисипи и найти шкипера Джексона с «Марии Целесты».

К сожалению, на этом месте запись оборвалась. Точнее сказать, несколько страниц вахтенного журнала Клуба знаменитых капитанов оказались настолько размыты морской водой, что нельзя было прочитать ни одной строчки. Навсегда останется тайной, не менее загадочной, чем тайна покинутого корабля, эта утраченная часть рукописи. Никто не знает, каким образом капитаны пересекли Тихий океан и добрались от острова Таити до среднего течения реки Миссисипи. Можно только предполагать, что в этом не-

легком путешествии им помогли соседи по книжным полкам.

Следующая страница вахтенного журнала, которую можно было прочитать с помощью лупы, неожиданно начиналась одной из любимых песенок знаменитых капитанов — «Почтовый дилижанс»:

Ночной заставы огонек
Метнулся и погас.
Друзья! Наш путь еще далек
В глухой тревожный час...

Почтовый дилижанс мчался по пустынной дороге вдоль извилистого берега Миссисипи. Дымка ночного тумана ползла над спокойными водами великой реки. Дилижанс остановился вблизи северной окраины города Мелтона. Редкие огоньки мерцали в хижинах рыбаков, населявших эту часть пригорода.

Дик Сэнд слез с козел и открыл дверцу. Члены клуба высыпали из экипажа и поднялись на пригорок. Внизу расстилалась сонная Миссисипи. Ясно был виден крутой поворот реки с фонарем бакеншика. Но ни домика шкипера Джексона, ни трех дуфов возле холма не было. Видимо, это был совсем не тот холм и не тот поворот прихотливой реки.

— Капитаны, — сказал Дик Сэнд, — пока мы добирались сюда по страницам книги моего земляка Марка Твена «Жизнь на Миссисипи», я запомнил многое. Это самая извилистая река в мире. Это самая длинная река в мире — четыре тысячи триста миль. Она несет в двадцать пять раз больше воды, чем Рейн, и в триста тридцать восемь раз больше, чем Темза. Миссисипи принимает и несет в залив воды пятидесяти четырех больших притоков, по которым могут пройти плоты и баржи. Площадь ее бас-

сейна равняется территории Англии, Уэльса, Шотландии, Ирландии, Франции, Испании, Португалии, Германии, Австрии, Италии и Турции, вместе взятых... Еще замечательна эта река тем, что вместо того, чтобы к устью расширяться, она становится уже и глубже... Река ежегодно приносит в Мексиканский залив четыреста шесть миллионов тонн ила. Это заставляет вспомнить грубое прозвище, данное Миссисипи капитаном Марриэтом, — «Великая Клоака»...

— Да-а... попробуйте в этой «Великой Клоаке» отыскать домик Джексона, — безнадежно заметил Немо.

— Это еще не все, — продолжал Дик Сэнд. — Надо учесть, что Миссисипи еще замечательна своей склонностью делать громадные прыжки, прорезая узкие перешейки. Многие приречные города бывали отброшены далеко вглубь, перед ними вырастали песчаные дюны и леса. Кто знает... Может быть, Джексон теперь живет в нескольких милях от берега?

— Вы делаете успехи, молодой человек, — неожиданно раздался насмешливый голос Мюнхгаузена, и из зарослей орешника, позевывая, вышел барон. — Ваш рассказ насчет прыгающей реки напомнил мне мою историю о бешеной шубе.

— Это не рассказ, а географические факты, — пробормотал оторопевший юноша, никак не ожидавший встретить здесь Мюнхгаузена.

Остальные капитаны были удивлены не меньше. Но барон, не дожидаясь вопросов, раскрыл им тайну своего чудесного появления.

— Это было самое необыкновенное из моих путешествий. Как вам известно, я неоднократно летал на утках, на гусях, верхом на ядре и так далее и тому

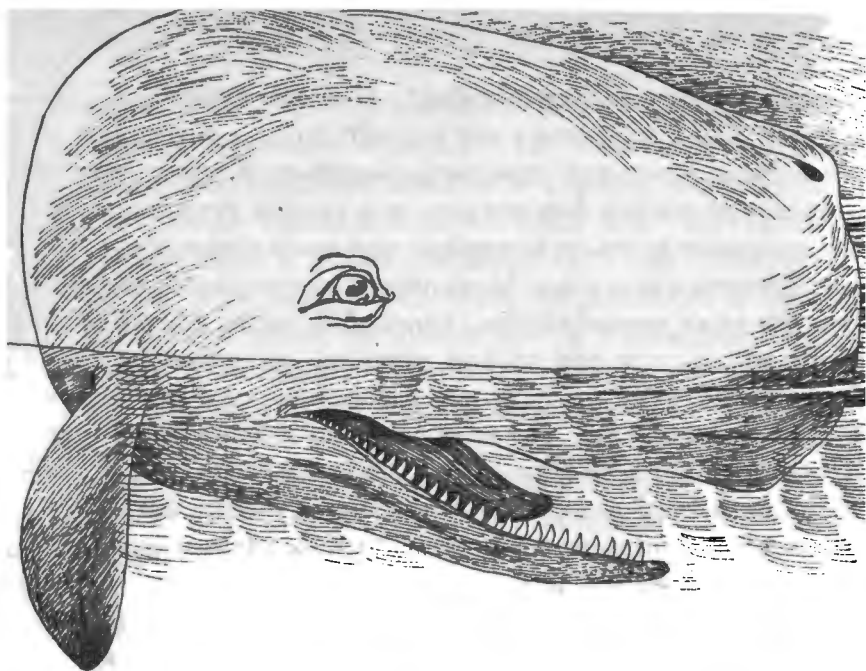
подобное. Но это путешествие!.. О-о, это будет сенсация!.. Мы расстались в тот момент, когда я спустился в трюм в поисках укромного местечка. К счастью, пороховой погреб был открыт, и я удобно устроился на зарядных ящиках, подложив под голову тюк, повернувшийся под руку. Меня немножко смутило, что внутри тюка что-то тикало, наподобие часов. Мелькнула мысль, что это адская машина, но я был настолько погружен в научные размышления о тайне покинутого корабля, что не обратил на это внимания. Незаметно для себя я тихо уснул. Как известно, еще с пеленок я отличаюсь необыкновенно крепким сном. В своей жизни я проспал немало извержений вулканов, наводнений и землетрясений. На этот раз я сквозь сон услышал какой-то взрыв. Мне показалось, что я лечу где-то под облаками. Очнулся я только в холодной воде... среди стаи разгневанных кашалотов. Самый старый бросается на меня. И даже не успев испугаться, я оказываюсь с ним один на один. Это, несомненно, самое безобразное существо в мире. Представьте себе его физиономию. Правый глаз намного больше левого. И всего одна ноздря!

Тартарен громко расхохотался, но Немо его оставил:

— Напрасно вы смеетесь. Не могу принять на себя ответственности за правдивость всего рассказа Мюнхгаузена, но портрет кашалота он нарисовал довольно точно. Любой китобой знает, что у кашалота один глаз намного больше другого и только одна ноздря.

Получив такую авторитетную поддержку, барон воодушевился. Теперь он уже целиком находился во власти своей безудержной фантазии.

— Итак, лязгая зубами, кашалот бросился на меня. Но я не растерялся и, лязгая зубами, бросился на него.

Вы, конечно, знаете, что я лучший в мире дрессировщик животных?..

— А кашалот это знал? — ехидно переспросил неугомонный Тартарен.

— Трудно сказать... К счастью, я вспомнил, что у меня в кармане случайно завалялась колода карт. Я ныряю. Тасую под водой карты и предлагаю кашалоту выбрать любую. Не хочет! Ни под каким видом. Понимаете, глядит на меня в упор и начинает облизываться. Тогда я пускаю в ход последнее средство — карточные фокусы!.. После нескольких пассов мне удалось рассмешить его до слез. Ну а когда кашалот хохочет, с ним уже очень легко найти общий язык. Оказывается, старик подслушал ваш разговор на шлюпке и согласился совершить экстренный рейс Таити — Мелтон! Я примчался сюда раньше вас всех на кашалоте, вписав новую блестящую страницу в историю моих приключений. И вот что он подарил мне на прощание.

Мюнхгаузен торжественно извлек из заднего кармана камзола обросшую морскими ракушками бутылку с сургучной печатью.

Тартарен достал из саквояжа штопор и артистически откупорил бутылку. Как и следовало ожидать, в ней оказался «почтовый голубь моря» — записка, написанная моряками с терпящего бедствия корабля.

Дик Сэнд нетерпеливо выхватил записку из рук толстяка и с трудом прочитал кривые, поспешно написанные буквы: «...наша шхуна у мыса Гаттерас налетела на риф и села на камни. Я отдал приказ покинуть корабль. Спасите наши души...»

— Клянусь почтой Нептуна, тайна «Марии Целесты» сама приплыла к нам в руки! — воскликнул Робинзон.

— Читайте дальше, Дик, — поторопил юношу Немо.

— «...Мы разместились на двух шлюпках с небольшим запасом воды и сухарей...» — продолжал пятнадцатилетний капитан, но его тут же перебил разочарованный голос Гулливера:

— Увы, эта бутылка брошена не с борта «Марии Целесты». Тут можно разобрать подпись: «Капитан парусника «Катарина» Джон Флеминг».

Капитан корвета тяжело вздохнул:

— Да, весьма возможно, что по морям и океанам плавают бутылка, брошенная несчастными моряками «Марии Целесты». Но где? Когда и кем она будет поймана?.. Был случай, что бутылка, которую прозвали «летучим голландцем», плавала шесть лет и восемь месяцев, обогнув весь земной шар. Она прошла шестнадцать тысяч миль от острова Тасмании к берегам Южной Америки. Морские течения вынесли ее в Атлантику. Потом она долго путешествовала по Индийскому океану, и, наконец, ее прибило к берегу возле порта Бамбери в Австралии.

— А у нас в Англии, — сказал Гулливер, — при дворе королевы Елизаветы была учреждена специальная должность «королевского откупорщика океанских бутылок». Никто, кроме него, под страхом смертной казни не имел права открывать такие бутылки. Ведь в них могли быть карты с местом гибели сокровищ и зарытых пиратами кладов. Впрочем, лорд откупорщик бутылок был не слишком загружен работой. Большинство бутылок было проглочено акулами или разбивалось о прибрежные камни.

Здесь в разговор вмешался Немо:

— Дело не в сокровищах погибших кораблей. Почта Нептуна сейчас служит науке. Сотни тысяч бутылок бросается в воду... вовсе не с борта тонущих кораблей. Они годами плавают по морям и океанам.

Их вылавливают на берегах всех континентов. Уцелевшие бутылки, попадая в руки океанографов, помогают изучению прихотливых и изменчивых морских течений.

— Так уж ли это важно, медам и месье? — усомнился Тартарен.

Артур Грэй укоризненно покачал головой.

— Ах, Тартарен, вы были начальником морской экспедиции в порт Тараскон... Кто не помнит ваш знаменитый корабль «Тютю-панпан»? А задаете вопросы, на которые мог бы ответить каждый школьник. К вашему сведению, Михаил Васильевич Ломоносов еще в 1759 году написал трактат «Рассуждения о большой точности морского пути». В этом труде великий русский ученый отмечал огромную важность изучения морских течений. Он понимал все значение этого дела для успеха мореплавания. И сегодня бутылочная почта служит науке во многих странах. А в Советском Союзе все донесения океанских бутылок изучает Главное управление гидрометеослужбы.

— Я сдаюсь, — сконфуженно произнес тарасконец.

В этот момент из темноты неожиданно раздался грубый окрик:

— Руки вверх!

И капитанов окружила большая группа вооруженных плантаторов.

Некоторые из них были в цветных сюртуках, другие в кожаных блузах, а иные в охотничьих куртках. Вперед вышел бравый старичок с седыми бакенбардами. Он слегка приподнял свой бежевый цилиндр, открыв совершенно лысую голову. Это был местный шериф мистер Блекборн.

— Уважаемые господа! — с необыкновенной вежливостью произнес шериф. — Возможно, что вы про-

сто бродяги. В таком случае, по законам нашего штата, я буду вынужден отправить вас в тюрьму за бродяжничество. Но не исключено, что вы джентльмены

удачи или конокрады. В таком случае я вынужден попросить вас немедленно покинуть пределы нашего штата во избежание печальных недоразумений. Шериф Блекборн не будет больше говорить. Но он не будет и молчать. Он будет действовать!

Не успел Блекборн закончить, как в разговор вмешался его сын Роберт — здоровенный верзила в песочного цвета сюртуке, широкополой шляпе и высоких сапогах со шпорами. Через плечо Роберта была намотана веревка, на поясе бол-

тался огромный кольт. Поглядывая на Тартарена и Мюнхгаузена, он не мог удержаться от смеха.

— Папа, да это, наверно, артисты из бродячей труппы. Их афиши висят на всех заборах.

Тартарен подмигнул своим друзьям:

— Вы угадали! Всего только одно представление, в виде ангажемента, требующего немедленного воз-

вращения в Европу. В высшей степени увлекательно! Имею честь представиться: Давид Гаррик Младший из лондонской труппы Дрюри... дрюрилейнского театра!.. — Толстяк указал на Дика Сэнда и с подъемом закончил: — А это — Эдмунд Кин Старший, почетный трагик Королевского континентального театра!

Шериф, подозрительно присматриваясь к капитану Немо, кашлянул в платок:

— Джентльмены, я не могу не обратить ваше внимание на этого темнокожего в чалме...

Но любимец Тараскона не дал ему говорить.

— О-о, медам и месье! Вы будете поражены... Перед вами... Отелло! Артист нашей труппы! Исполнитель роли мавра Отелло! Сегодня сверх программы он исполнит художественную, грозную и захватывающую дух сцену — «Отелло душит Дездемону». Уважаемая публика! Артист уже в костюме и гриме!..

Раздались аплодисменты. Плантаторы заметно оживились. Но их призвал к порядку бравый старичок в цилиндре:

— Джентльмены! Весьма вероятно, что все, что говорит этот человек, — святая истина, но можно также допустить, что это сплошная ложь. Если это действительно артисты, пусть покажут свое искусство.

Капитаны пришли в замешательство, но положение опять спас Тартарен. Размахивая в воздухе своей малиновой феской, он прошелся по кругу, бросая направо и налево чарующие улыбки:

— Пожалуйста... Ради Бога... Сколько угодно... В чем дело?... Исходя из интересов публики... Будьте любезны... Вы этого никогда не слыхали!..

— Папа, у меня чертовски чешется палец на курке, — нетерпеливо заметил Роберт, играя кольцом.

Но шериф его остановил:

— Ты всегда успеешь его пристрелить, сынок.

Чуткое ухо Тартарена уловило этот разговор. Толстяк выпрямился во весь рост и грозно сверкнул глазами.

— Кого?.. Меня?.. — И тут он запел свою песенку. Она звучала как вызов всей вооруженной банде:

Спросите обо мне у львов,
Царей пустыни дикой.
И скажут львы без лишних слов,
Что я стрелок великий!
Но на шакалов и гиен
Не трачу я патрона...
Месье! Пред вами Тартарен,
Любимец Тараскона!..

Песенка Тартарена не очень пришлась по душе плантаторам. Но как бы там ни было, лед был сломан. Из завязавшегося разговора выяснилось, что вся вооруженная компания шерифа Блекборна охотилась на беглого негра Томаса. Все следы вели к

берегу Миссисипи на окраину города Мелтона. В каком же преступлении обвинялся Томас? Оказывается, он призывал всех своих знакомых негров воспользоваться правом выбирать мэра города. А в этом штате больше и не требовалось, чтобы применить закон Линча.

Роберт любезно рассказал «артистам» об американском плантаторе восемнадцатого века мистере Чарльзе Линче.

Этот «блюститель правосудия» первым предложил по малейшему поводу немедленно вешать негров на ближайшем суку, без суда и следствия. Впрочем, по его идее, это можно делать и без всякого повода. И даже в настоящее время.

Возмущенные капитаны быстро распрощались с плантаторами и двинулись к своему почтовому дилижансу. Не успел экипаж тронуться с места, как луна скрылась за облаками. Капитаны медленно ехали по пустынным улицам сонного Мелтона, сами не зная куда. Наконец они остановились у ночного бара, около которого слонялись несколько пьяных бродяг. Но как выяснилось, эти господа никогда не слыхали о шкипере Джексоне. Они с уверенностью утверждали, что такого человека в Мелтоне никто не знает. Тогда Дик Сэнд попросил показать дорогу к холму с тремя дубами у поворота Миссисипи.

У подножия холма должна быть хижина, где живет белый, женатый на индианке. Бродяги сразу оживились, потому что отлично знали, о ком идет речь, — это старый рыбак Биксби. Он действительно женат на индианке, ее зовут Молодая Луна... А живут они в хижине у следующего поворота реки. Надо проехать через Мелтон, и с южной окраины города будет виден холм с тремя дубами.

Капитаны были в недоумении. Все сходилось со знаками индейского письма — и холм, и три дуба, и поворот Миссисипи, и Молодая Луна. Но кто такой Биксби? И куда исчез шкипер Джексон?

Мы не станем скрывать, что в эту ночь хижина старого Биксби совершенно независимо от желания ее обитателей стала местом полоничества самых различных и незнакомых между собой людей. Все это удалось установить лишь впоследствии и внести в вахтенный журнал. Однако мы ручаемся за полную достоверность всех событий, несмотря на их кажущуюся невероятность. Дело в том, что тайна покинутого корабля была тесно переплетена с некоторыми другими происшествиями, волновавшими весь город.

Почтовый дилижанс громыхал по главной улице Мелтона, держа курс на южную окраину.

Капитаны не имели представления, что в тот же час одинокий всадник, закутанный в полосатый плащ, мчался по тропинке вдоль берега Миссисипи, кратчайшей дорогой, с забинтованной головой, причаливший на лодке к берегу возле самой хижины.

Оглядевшись по сторонам, негр осторожно пробрался между развешанными для просушки сетями и постучал три раза в дубовую дверь. В окошке засветился огонек свечи, и сонный голос спросил:

— Кого там принесло на ночь глядя?..

— Харперс-Ферри! — прошептал негр.

Очевидно, это был пароль, так как сразу заскрипели тяжелые засовы, и дверь широко распахнулась. На пороге стоял грузный, широкоплечий мужчина с обветренным лицом. На вид ему было лет пятьдесят. Из-за его плеча выглядывала очень красивая индианка.

— Чарльз-Таун! — торжественно произнес старый рыбак, впуская ночного гостя в дом.

Что же означали эти странные слова, прозвучавшие у порога хижины Биксби?

Харперс-Ферри — это город в штате Виргиния, с большим арсеналом. 16 октября 1859 году группа белых борцов за свободу негров во главе с Джоном Брауном подняла восстание против рабовладельцев и захватила арсенал. Наряду с белыми в его отряде сражались негры. Восстание было жестоко подавлено. Сам капитан Браун был тяжело ранен. Он был доставлен в суд на носилках и повешен 2 декабря в Чарльз-Тауне. Но героическая борьба Джона Брауна, его пятерых сыновей и многочисленных сторонников всколыхнула всю страну. И когда началась война Севера с Югом за освобождение негров, то песня о Джоне Брауне стала походной песней северян:

Спит Джон Браун в могиле сырой,
Но память о нем ведет нас в бой!..

И сегодня в Харперс-Ферри и в Чарльз-Тауне совсем несладко живет человеку с черной кожей. А ведь более ста лет назад, 22 сентября 1862 года, великий президент Соединенных Штатов Америки Авраам Линкольн подписал свою знаменитую прокламацию. В ней говорилось, что все лица, которые были на положении рабов, в пределах любого штата или части штата... станут свободны отныне и навсегда.

Рабовладельцы ему этого не простили. Президент был убит в театре в день национального праздника Соединенных Штатов.

«Линкольн жил и умер героем, как великий человек будет жить, пока существует мир. Он является

тем, кем Бетховен был в музыке, Данте — в поэзии, Рафаэль — в живописи...» — так писал о нем Лев Толстой.

Имена Джона Брауна и Авраама Линкольна и сегодня призывают к борьбе за равенство и справедливость. И в наши дни их последователи подвергаются в Соединенных Штатах Америки гонениям и преследованиям... Веревка, прикончившая Джона Брауна, и пуля, сразившая Авраама Линкольна, ищут и находят все новые жертвы.

Поэтому молодой негр Томас, раненный в голову, тайком пробрался в уединенную хижину рыбака Биксби в надежде найти здесь защиту и спасение.

Они сидели, негр и белый, за грубо сколоченным столом.

Негр торопливо ел кукурузную лепешку, запивая ее домашним пивом. Хозяин подливал ему стакан за стаканом, а Молодая Луна хлопотала возле очага, разогревая жаркое.

Биксби не задавал беглецу никаких вопросов. Кто в порту Мелтона не знал, что грузчик Томас поддерживал негров, которые решили принять участие в выборах мэра города?

По конституции Соединенных Штатов Америки они имели на это законнейшее право. Но какова цена конституции в дни выборов в южных штатах?.. Негров предупредили, чтобы они сидели по домам, не то будет худо, а слишком решительного Томаса пытались застрелить возле избирательного участка. К счастью, пуля скользнула вдоль виска, и раненый негр успел скрыться.

Томас тоже не был склонен к разговорам. Он отлично знал, что рыбак Биксби не раз прятал беглых негров и помогал им перебраться на север, чтобы

спастись от расправы. В этой хижине беглец чувствовал себя в полной безопасности.

Молодая Луна тоже молчала. По обычаям ее племени женщины никогда первыми не начинали разговор с главой дома, а ей очень хотелось спросить, где муж думает спрятать Томаса. Когда он его отвезет в лодке на правый берег? Не напали ли плантаторы на его след? Да, на душе у хозяйки дома было неспокойно...

Сильный дождь забарабанил по железной крыше. Все трое прислушивались к отдаленным раскатам грома. И вдруг сквозь шум дождя и вой ветра явственно прозвучал конский топот... Сомнений не было — к хижине приближался какой-то всадник. Биксби переглянулся с женой, и та увела Томаса в чулан для дров. Так же молча она передала негру тяжелый многозарядный кольт.

Раздался резкий стук. Кто-то бил по двери сапогом.

— Кто там? — проворчал Биксби, снимая со стены карабин.

— Откройте, это я, Роберт, сын шерифа Блекборна, — прозвучал хриплый голос с самыми любезными интонациями.

Старый рыбак снял засовы и впустил в комнату насквозь промокшего Роберта.

— Добрый вечер, мистер Биксби!.. Не правда ли, чертовски противная погода? Льет как из ведра, — сказал молодой Блекборн, сбрасывая на скамью свой промокший плащ.

— Вы прискакали ко мне ночью, чтобы поговорить о погоде? — саркастически заметил хозяин.

— Не только о погоде, дорогой Биксби, черт бы вас подрал! Я приехал напомнить вам — завтра выборы.

— Зачем я туда пойду, Роберт, при моем ревматизме? И вообще я не интересуюсь политикой.

— Не хитрите со мной, Биксби. От вас так немного требуется. Отдать свой голос за нашего кандидата, и все. Скажите: сколько?.. Десять долларов вас устроят? Можно вперед... А какой кандидат? Сам мистер Чип! Плантатор, судовладелец, содержатель газеты и казино... Почетный прихожанин городской церкви и вице-президент лиги настоящих джентльменов!

— Но ведь есть и другие кандидаты, — возразил старый рыбак, — хотя бы учитель Паркер.

Роберт усмехнулся и отвел глаза в сторону.

— Вы разве не знаете? Два часа назад глубокоуважаемый мистер Паркер скончался от удара во время встречи с избирателями. Лицо, пожелавшее остаться неизвестным, ударило его дубинкой по голове. Итак, остался один Чип. По рукам, Биксби? — И молодой человек вытащил из кармана бумажник.

— Оставьте деньги при себе, — твердо произнес старый рыбак, — я не буду голосовать за Чипа. Он мне не нравится.

Роберт взял со скамейки свой плащ и церемонно поклонился.

— Вы тоже многим не нравитесь. У вас всегда была дурная слава, Биксби... Ну, что же... пеняйте на себя. Спокойной ночи! Впрочем, я не даю никаких гарантий, что ночь будет слишком спокойной.

Заметив возле двери в чулан Молодую Луну, сын судьи приветливо помахал ей широкополой шляпой.

— Прощайте, дорогая вдова, — сказал он напоследок и вышел из хижины.

Когда топот копыт затих вдаль, Молодая Луна обняла мужа.

— Что ты наделал? Теперь они с тобой расправятся, — сказала она.

Биксби слегка отстранил жену и стал снимать со стены пистолет и ружья.

— Я не отдал бы свой голос этому негодяю, даже если бы меня вздернули на рею! Если они сунутся в нашу каюту, боюсь, что кое-кого придется списать с корабля. А Томасу лучше покинуть наш дом. И поскорее.

— Я его выпустила через заднюю дверь, как только пришел мистер Роберт, — ответила индианка, помогая мужу заряжать пистолеты. — Я дала ему хлеба, денег и твой большой кольт. Томас уже плывет вниз по реке.

Тем временем гроза стихла. Все реже и реже раздавались отдаленные раскаты грома. В наступившей тишине послышался громкий топот нескольких лошадей и грохот подъехавшего экипажа.

— Это они, — бесстрастно произнесла Молодая Луна, взводя курок своего ружья.

И тут же кто-то осторожно постучал в дверь. Биксби задул свечи и угрожающе произнес:

— Джентльмены! Я вам очень советую отвалить от борта. А то мой карабин подаст голос!

За дверью раздался веселый голос любимца Тараскона:

— Ах, медам и месье! К чему эти шутки... Мы ваши друзья!

— Впустите нас, старина. Мы с «Марии Целесты», — добавил капитан корвета.

Название злополучной шхуны произвело на старого рыбака магическое действие. Он бросил карабин, открыл все засовы и гостеприимно распахнул дверь.

— Входите, ребята. Я вам всегда рад. Особенно сегодня, когда мне, может быть, понадобится ваша помощь.

Но каково же было изумление хозяина дома, когда он зажег свечи и увидел перед собой совершенно незнакомую и весьма странную на первый взгляд компанию — это были командир «Коршуна», капитан Немо, Дик Сэнд, Робинзон, Гулливер, барон Мюнхгаузен, Артур Грэй, Тартарен из Тараскона.

Хвататься за оружие было уже поздно, и старому рыбаку пришлось вступить в переговоры:

— Я вас никогда не видел. Вы, вероятно, ошиблись адресом.

Тартарен быстро достал из саквояжа пожелтевшую фотографию и индейское письмо, обнаруженное в каюте шкипера на «Марии Целесте».

— Это она! — торжественно произнес толстяк. — Молодая Луна! Это ваше письмо, мадам? — и он вручил растерявшейся индианке свои драгоценные находки.

— Вы шкипер Джексон? — почти с уверенностью спросил Немо.

Старый рыбак неожиданно рассмеялся:

— Ошибаетесь, джентльмены. Я — Биксби. Это уже не первый случай. Меня не раз путали с каким-то Джексоном. И я ничего не знаю. Я не прятал беглого негра. И еще заверяю вас, джентльмены удачи, в доме нет ничего ценного. Вы напрасно тратите время.

— Нет, не напрасно, шкипер, — ответил Робинзон, раскуривая трубку угольком, взятым из очага. — Вы должны раскрыть нам тайну «Марии Целесты». И клянусь всеми затонувшими кораблями, об этом никто никогда не узнает.

— Но кто вы такие, джентльмены? — оторопело спросил старый моряк.

Артур Грэй снял плащ и удобно расположился на скамейке возле стола.

— Не опасайтесь нас, Джексон. Мы члены Клуба знаменитых капитанов.

Дальше в вахтенном журнале следует несколько размытых строк. Но на сей раз страницу залила вовсе не морская вода. Судя по тому, как позеленела бумага, на нее было пролито домашнее пиво, или, вернее, грог.

Трудно сказать, что побудило старого рыбака Биксби признаться в том, что он на самом деле был шкипером Джексоном. Может быть, индейское письмо на холстине и фотография Молодой Луны, захваченные капитаном с борта «Марии Целесты»? Возможно, что он предпочел, чтобы в эту тревожную ночь в хижине заночевали восемь бывалых моряков?

А может быть, он еще со школьных лет помнил любимые книги, со страниц которых сошли знаменитые капитаны?

Но как бы там ни было, дальнейшая запись в вахтенном журнале начиналась с откровенной беседы.

Капитаны сидели возле очага. Молодая Луна наливала в оловянные кубки горячий грог. Шкипер Джексон неторопливо рассказывал:

— Целых семь лет я скитался по островам Тихого океана. Моим первым пристанищем была группа островов Паумоту. Я высадился на острове Лазарева. Там я нанялся матросом на угольное судно и добрался до Маршаллового архипелага. Полгода я пробыл на острове Кутузова. Тут мне как будто повезло. Меня взяли кочегаром на английский корвет. Не выдержав

зверского обращения и жестокой порки, я отстал от корабля на острове Суворова. Это было мое последнее убежище. Да, шкипер Джексон затерялся где-то в просторах Тихого океана. На Миссисипи вернулся старый рыбак Биксби...

— Да не томите нас, шкипер, — перебил его Дик Сэнд. — Это несколько невежливо, но я больше не могу терпеть. Меня мучит тайна «Марии Целесты»!

Шкипер ничего не ответил, поднялся с места и достал из кованого сундучка какие-то ветхие бумаги.

— Эти документы, капитаны, подтвердят вам правдивость моих слов. Парусная шхуна «Мария Целеста» готовилась к рейсу Гонолулу — Сидней. Владелец корабля был некий мистер Чип. Его хорошо знают здесь, на Миссисипи. Он нанял на этот рейс двенадцать безработных моряков во главе со мной — шкипером Джексоном. Все было так спешно, что мы даже не успели осмотреть корабль. И вот, когда мы прошли уже большое расстояние и находились в южных водах Тихого океана, нам стало ясно, что старая «Мария Целеста» до порта не дойдет. При первом шторме шхуна должна была пойти на дно. Это был плавающий гроб, а не корабль. Мы были обречены на гибель. Зачем же это понадобилось Чипу? По американским законам владелец застрахованного корабля получает порядочные деньги, если судно пойдет на дно. Его премия повышается во много раз, если судно погибает со всей командой. Чип и решил утопить «Марию Целесту» со всеми людьми, чтобы получить сумму, в десять раз превышающую стоимость его старой посуды. Что же оставалось нам делать? Мы уже не могли вернуться в Гонолулу, а о Сиднее нечего было и думать. И мы решили тайно бежать. Ведь по амери-

канским законам экипаж, бросивший свой корабль посреди моря, подлежит суду. Нас уморил бы на ка-торге тот же Чип вместе со своим компаньоном шерифом Блекборном. Поэтому я и скрывался семь лет на далеких островах.

Наступившее молчание прервал взволнованный голос Гулливера:

— Достопочтенный мистер Джексон! Но как же вы умудрились бежать? Ведь все шлюпки и спасательные круги остались на борту «Мария Целесты»?

Шкипер не успел ответить. В дверь очень резко постучали властной хозяйской рукой. Старый моряк взглянул в щель между ставнями и увидел на пороге силуэт высокого худошавого господина в сюртуке и в фетровой шляпе. Незнакомец держал в руке керосиновый фонарь. При слабом свете фонаря можно было разглядеть лицо благообразного старика с седыми бровями и козлиной бородкой. Это был мистер Чип — плантатор, судовладелец, содержатель газеты и казино, почетный прихожанин городской церкви и вице-президент лиги настоящих джентльменов. Ко всем этим официальным титулам можно добавить, что он являлся кандидатом в мэры города и бывшим владельцем шхуны «Мария Целеста».

Джексон быстро принял решение — поскольку Чип явился один, впустить его и поговорить начистоту. Шкипер попросил капитанов спрятаться в глубине хижины за пестрой индейской занавеской. По знаку мужа Молодая Луна открыла входную дверь.

Чип на пороге учтиво снял цилиндр, задул фонарь и поставил его на подоконник.

— Ну и погодка! Нужно иметь железное здоровье. Как бы этот дождь не помешал выборам. Чего вы молчите, Биксби? Давайте поговорим как деловые

люди. Этот мальчишка Роберт все напутал. Десять долларов и Биксби! Биксби и десять долларов! Смешно! Я вас вполне понимаю. Предложить десять долларов человеку, к голосу которого прислушиваются рыбаки левого берега! Сто долларов! Это цена. Сто долларов и Биксби. Это звучит!

Старый моряк медленно подошел к своему бывшему хозяину.

— Вы меня не купите и за сто тысяч долларов, которые вы получили от страховой компании за «Марию Целесту».

Чип даже не моргнул глазом и хладнокровно ответил:

— А это много или мало? И откуда вам все это известно, Биксби?

— Вы, конечно, не могли запомнить всех моряков, которых нанимали, чтобы пустить на дно...

Судовладелец долго всматривался в лицо старого моряка, а затем в ужас прижался к стене.

— Шкипер Джексон, — пролепетал он.

— Да, босс, это я. Вы не имели бы удовольствия видеть меня сегодня, если бы «Марию Целесту» в океане не заметили со встречного маленького судна. На нем шли простые китобои. Узнав о нашем бедственном положении, они взяли нас на борт. Покидая корабль, мы нарочно все оставили так, будто шхуну постигло внезапное несчастье. Так возникла тайна «Марии Целесты»!

Чип постепенно пришел в себя и незаметно достал из бокового кармана пистолет.

— Хорошо сказано... Но тайна хороша до тех пор, пока она остается тайной. Не так ли, шкипер Джексон? — и он навел дуло на грудь старого моряка.

— Нет, не так, мистер Чип! — громко произнес капитан Артур Грэй, открывая занавеску. — Тайна хороша, когда она раскрыта!

Увидев перед собой восемь вооруженных капитанов, судовладелец с необыкновенным проворством, весьма удивительным для почтенного джентльмена его возраста, выскочил за дверь. Если бы шкипер даже пожелал с ним расправиться, это было уже невозможно. Ночь была слишком темна... Но старый моряк не имел подобного намерения. Он запер дверь и с горечью обратился к своим гостям:

— И этого негодяя хотят выбрать в мэры города! Ну, это мы еще посмотрим. Я подниму против Чипа рыбаков левого берега! Я пойду в порт, расскажу все матросам и грузчикам!

— Дружище Джексон! — воскликнул Робинзон. — Будьте осторожны! Чип вместе с шерифом Блекборном упрячут вас за решетку или пристрелят из-за угла.

Но шкипер не колебался в своем решении.

— Всех не упрячешь за решетку и не перестреляешь!

Он подошел к столу и поднял кубок с грогом.

— Я пью за тот день, когда Джексоны сумеют полностью рассчитаться с Чипами!

Вдали, со стороны южной окраины Мемфиса, раздался крик петуха.

— Тревога! Свистать всех наверх! В библиотеку! — скомандовал капитан корвета.

И пока знаменитые капитаны прощались со шкипером Джексонном и Молодой Луной, на разные голоса запели боцманские дудки.

Через несколько мгновений капитаны стояли на шканцах корвета «Коршун». Свежий ветер надувал

паруса. И первые лучи рассвета застали капитанов уже в Московском море.

И уже не плимутроки с берегов Миссисипи, а химкинские петухи затеяли свою утреннюю переключку.

Из воды словно вынырнул золотистый край солнечного диска...

Капитаны пришвартовались к своей кают-компании, когда до третьего крика петуха оставались считанные минуты.

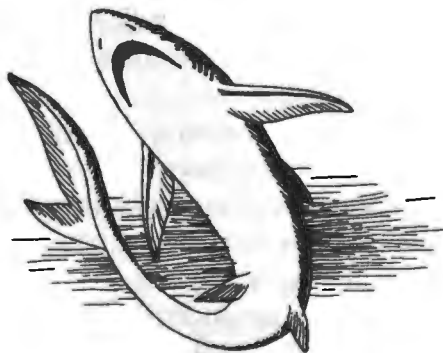
— По книжным полкам, друзья! — воскликнул Немо.

— И, как говорится в романах, — продолжение следует, — добавил Робинзон Крузо.

Капитаны заняли свои места возле сверкающих переплетов. И в библиотеке вновь прозвучали слова прощальной песенки...

...Снова мы недвижно
Станем там и тут,
Вновь на полке книжной
Корешки блеснут...
Но клянемся честию
Всем, кто слышал нас, —
Будем с вами вместе
Мы еще не раз!

Где-то совсем рядом задорно и весело прокричал петух.

Почтовая открытка
с видом фонтана «Самсон» в Петродворце

Москва, 125319. Красноармейская ул., д. 29, кв. 59.
Ловцу морских бутылок Сереже Березову.

Адрес отправителя: г. Петродворец Ленинградской области.

Первое почтовое отделение. До востребования.
Конструктор «ВВН-2» В.В. Новиков.

Дорогой Сергей!

*На испытании планетоход «ВВН-1» прошел по
пляжу восемь метров и развалился. Приступил к мо-
дели «ВВН-2». Тетя Сима просит выслать пятую
клеенчатую тетрадь, если вы ее найдете. Булька
кланяется. Пошли дожди. Купаться нельзя. Напи-
ши, что нового у городских воробьев?*

В.В.Н.

Куда: г. Петродворец, Ленинградской области.
Первое почтовое отделение.

До востребования

Кому: Конструктору «ВВН-2»

Василию Васильевичу Новикову

Отправитель: г. Москва, 125319

Красноармейская ул. д. 29, кв. 59.

Городской воробей С. Березов

Не унывай, Вася!

У Циолковского тоже не сразу получались модели. И клеенчатые тетради находятся не сразу. Пятую тетрадь выслать не могу. Мы ее не нашли. Зато срочно высылаю восьмую! Под кодовым названием «Королевский корсар». Раз есть восьмая, значит, где-то существует пятая, шестая, седьмая... А возможно, девятая, десятая и так далее. Где же найти «Корсара»? А дело было так... Мы с Афанасием Петровичем двинулись в новое путешествие по Подмосковию. Приехали по железной дороге в Царицыно, а потом шли пешком через лес... мимо Царицынских прудов... Остановились у руин большого дворца и узнали его историю... Дворец десять лет строил великий русский архитектор Баженов по заказу Екатерины II. Когда дела подходило к концу, императ-

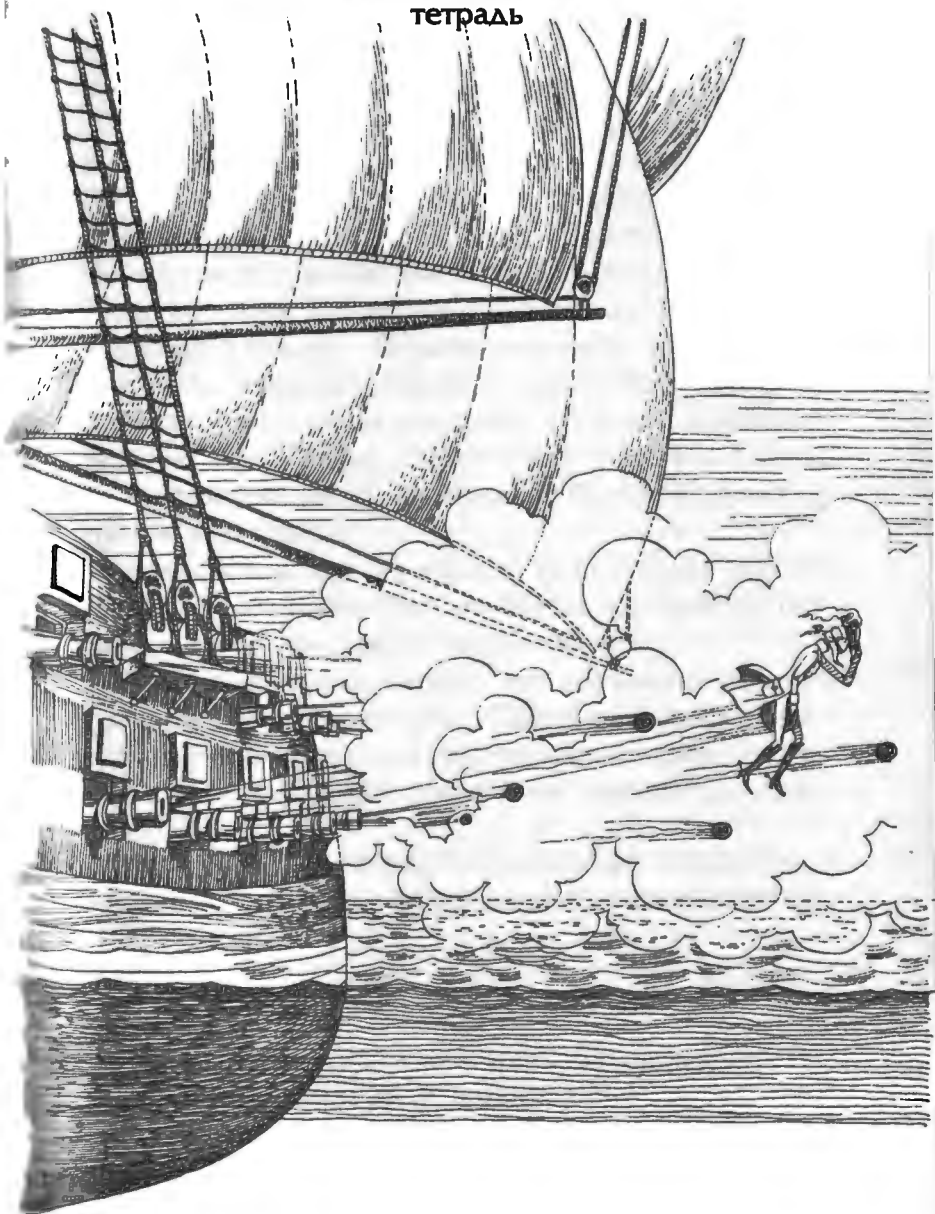
рица, приехала подлюбоваться и пришла в ярость... Архитектор соорудил два одинаковых здания для нее и ее сына Павла. Царица приказала снести оба дворца и поставить один большой. Его строили, строили, да так и не достроили, потом разбирали на кирпичи... Но в парке сохранились некоторые постройки Баженова — Первый Кавалерский корпус, в котором сейчас клуб, Фигурный мост, Оперный дом, Виноградные ворота и еще много разных беседок. Потом мы опять вернулись к развалинам замка и уже собирались в обратный путь, как вдруг раздался восторженный крик Маруси Кольцовой: «Королевский корсар!» Она стояла в проломе угловой башни и размахивала клеенчатой тетрадью Клуба знаменитых капитанов... Маруся нашла ее в полуразрушенной нише, завернутую в старую зюйдвестку. Все остальное ты узнаешь из восьмого вахтенного журнала. Афанасий Петрович говорит, что рассказы про Шелихова и Баранова, про русские открытия на побережье Западной Америки — все это страницы истории... И даже королевский корсар Барбер был на самом деле. А сейчас наш географический кружок под кодовым названием «Алые вымпел» готовится к походу на Бородинское поле. Все городские воробьи сошлись на одном — такого лета еще не было.

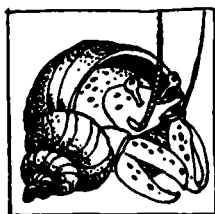
Остаюсь твой друг и искатель клеенчатых тетрадей

С. Березов

КОРОЛЕВСКИЙ КОРСАР

Восьмая клеенчатая
тетрадь

Лунный свет, пробившись сквозь ажурные занавески и легкие шторы, тускло освещал помещение школьной библиотеки. Здесь все было в идеальном порядке. Чувствовались заботливые руки седенькой Марии Петровны и ее молодой помощницы Катюши.

На продолговатом столе были аккуратно разложены газеты и журналы. На книжных полках чинно стояли классики — Пушкин, Лермонтов, Гоголь, Тургенев, Достоевский, Чехов, Толстой, Горький, Маяковский... Важно выстроились в ряды толстые тома Большой Советской энциклопедии и разные толковые словари... Повыше радовали глаз длинные шеренги в красных, зеленых, оранжевых, синих, коричневых и голубых мундирах — книги Фенимора Купера, Жюль Верна, Майн Рида, Герберта Уэллса, Роберта Стивенсона, Александра Грина, Константина Станюковича...

А напротив, как на параде, выстроились книжки Корнея Чуковского, Самуила Маршака, Аркадия Гайдара, Сергея Михалкова, Агнии Барто...

Разноцветной цепочкой поблескивали корешки русских народных сказок, «Тысячи и одной ночи», сказок Ганса Христиана Андерсена и братьев Grimm...

Над дверью в деревянной раме красовались слова:

**КНИГА, БЫТЬ МОЖЕТ, НАИБОЛЕЕ СЛОЖНОЕ И
ВЕЛИКОЕ ЧУДО ИЗ ВСЕХ ЧУДЕС, СОТВОРЕННЫХ
ЧЕЛОВЕКОМ**

М. Горький

В простенке между книжными шкафами со стеклянными дверцами висел в металлической окантовке

портрет Николая Васильевича Гоголя. Великий писатель, нахохлившись, глядел в окно...

С книжных полок доносится глухой рокот, похожий на шум далекого морского прибоя. И вдруг... из книги Джонатана Свифта «Путешествия Лемюэля Гулливера» вылетел остров Лапута.

Шквалистый ветер зашумел в библиотеке, закружил газетные листы, распахнул окна, взметнул ажурные занавески. А полосатые шторы затрепетали под самым потолком, как флаги на корабле.

Из романа Жюль Верн «Пятнадцатилетний капитан» выглянул встревоженный Дик Сэнд. Не понимая, что здесь произошло, он тотчас сбросил веревочную лестницу, проворно спустился вниз и подбежал к окну.

Летающий остров уже поднимался над крышами московских домов. Дик пристально вглядывался в улетающий остров, и увидел, а может быть, померещилось, что какой-то человек с Лапуты помахал ему шляпой, и как будто бы это был капитан Лемюэль Гулливер!..

Остров Лапута, описав круг над красными огоньками Останкинской телевизионной башни, взял курс на запад и вскоре исчез...

Никакого удивления на лице юноши не было заметно.

Его интересовал только один вопрос: кто же так приветственно помахал шляпой? Если это был Гулливер, то, видимо, он отправился на летающем острове в какое-то новое путешествие! Но куда? И зачем?

Знаменитые капитаны нередко сходили со страниц своих романов и отправлялись в дальние плаванья на корвете «Коршун», галиоте «Секрет», на легендарном «Наутилусе», на пароходе «Тютю-панпан», на бриге «Пилигрим» и даже верхом на ядре,

как Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен. Дик Сэнд задумчиво глядел на небо. К востоку от Луны красноватым блеском мерцала планета Марс. Звезды Персея, Андромеды и Пегаса сияли семизвездным «ковшом». А через все небо бесконечной дорогой протянулся Млечный Путь.

Дик закрыл окна, поправил занавески и шторы. Собрал с пола газеты, положил их на стол, записал в вахтенный журнал кают-компании Клуба знаменитых капитанов события этой ночи и, быстро поднявшись по веревочной лестнице на верхнюю книжную полку, скрылся на страницах своего романа.

Остров Лапута, парящий над лесами, городами и морями, держал курс строго на запад и был похож на «летающую тарелку», породившую в наше время самые фантастические толки.

* * *

По Фрунзенской набережной шли Мария Петровна и Катюша, поглядывая на заманчивые огоньки Парка культуры и отдыха. Рабочий день был закончен. Старушка рассказывала девушке о Станюковиче, о его плаваниях в Атлантическом и Тихом океанах, о том, что Константин Михайлович большинство своих морских рассказов написал в ссылке, в Томской губернии, куда он был выслан царским правительством за свои передовые взгляды...

Ни Мария Петровна, ни Катюша не подозревали, конечно, что в это время происходило в библиотеке.

Старинные бронзовые часы в футляре из красного дерева только что пробили семь раз... Раскрылись переплеты книг Александра Грина, Жюль Верна, Даниеля Дефо, Константина Станюковича...

Зашелестели страницы... Прозвучала боцманская дудка... И первым в кают-компании клуба появился из своего романа капитан корвета «Коршун» — Василий Федорович. Затем прыгнул с верхней полки Робинзон Крузо, спустился по веревочной лестнице Дик Сэнд с медным канделябром в руке, зажимая под мышкой вахтенный журнал.

Щелкнул замок. Раскрылись стеклянные двери книжного шкафа, из которого, как из каюты, вышел капитан Немо. Еще раз прошелестели страницы. И в библиотеке появился Артур Грэй из феерии Александра Грина «Алые паруса».

Знаменитые капитаны молча поклонились друг другу. Дик Сэнд зажег толстые свечи на канделябре, положил на стол журнал, походную чернильницу на цепочке и открыл узкий футляр с гусиными перьями. Робинзон Крузо раскурил трубку и, взглянув на озабоченное лицо капитана «Наутилуса», спросил:

— О чем вы задумались, дружище Немо?

— Я крайне взволнован, — ответил Немо, бросив взгляд на часы. — До сих пор не прибыл капитан Лемюэль Гулливер!.. А его пунктуальность хорошо известна всем читателям на протяжении столетий.

— Что же могло его задержать сегодня? — задумчиво произнес капитан корвета «Коршун». — Коварство лилипутов или гостеприимство великанов?..

— Кто его видел в последний раз? — спросил Немо.

— Очень возможно, что я... — неопределенно заметил Дик.

— Возможно? — изумленно воскликнул Робинзон. — Вы что, его не узнали?.. Не понимаю.

— Позвольте мне ознакомить вас с последней записью в вахтенном журнале.

Дик, быстро перелистав страницы, прочел:

— «9 августа 1971 года. 23 часа 17 минут по московскому времени. Со страниц романа Джонатана Свифта поднялся в воздух летающий остров Лапута и взял курс на запад».

— И это все? — спросил Артур Грэй.

— Не совсем...

— А что же было еще? — торопливо задал вопрос Немо.

— Мне показалось, что на одной из лестниц острова стоял Гулливер.

— Не нахожу в этом ничего странного, — сказал Артур Грэй. — Видимо, капитан Лемюзль Гулливер полетел в страну гуингнмов. Ему ведь очень понравились эти необыкновенно умные лошади.

— Боюсь, что вы ошибаетесь, дорогой Артур, — возразил капитан корвета «Коршун». — Я вспоминаю свой разговор с Гулливером. Недели две тому назад мы встретились в переплетной. Меня тогда поразила молчаливость Гулливера, который, как вы знаете, любит поговорить. Да и, кроме того, ему есть что рассказать. Я спросил его... и надо заметить, что отвечал он мне как-то рассеянно.

— Ну все-таки, о чем он говорил? — нетерпеливо спросил Дик.

— О каком-то королевском корсаре. Я не придавал особенного значения его словам, тем более что переплетчик так зажал меня в пресс, что я слова не мог выдавить.

— Королевский корсар?.. — сквозь зубы пробурчал Робинзон, не выпуская трубки изо рта.

— Может быть, Уильям Кидд?

Капитан корвета «Коршун» отрицательно покачал головой и, снимая нагар с оплывших свечей, заметил,

что известный пират Кидд орудовал в XVIII веке, а Гулливер говорил о королевском корсаре начала XIX века.

— Во всяком случае, могу вас заверить, капитаны, — сказал Артур Грэй, — что встреча с подобными джентльменами удачи, где бы она ни была, на суше или в открытом океане, не сулит ничего хорошего. В каком бы веке это ни произошло.

В кают-компании воцарилось молчание. Артур Грэй поднялся с кресла, подошел к круглому столику, повертел глобус, а затем, повернувшись к друзьям, решительно заявил:

— Раздумывать нельзя. Мы должны немедленно поспешить на поиски Лемюэля Гулливера.

— Клянусь своим мушкетом, — воскликнул Робинзон, — я готов пустить его в дело!..

— Но где? И против кого? — в недоумении спросил Дик.

— Нам остается только ждать, — спокойно сказал капитан корвета «Коршун». — К сожалению, конечно...

— Тогда откроем нашу традиционную встречу, — поддержал Немо капитана корвета. — Будем надеяться, что Гулливер прибудет своевременно или несколько позже... — Он хотел еще что-то сказать, но его перебил Робинзон:

— Да, прибудет, если не попадет в лапы того самого королевского корсара, о котором шла речь в переплетной.

— Капитаны! — воскликнул Дик, вставая с кресла. Он всегда вставал, когда хотел что-нибудь сказать. — В такой тревожный час хотелось бы видеть за штурвалом нашего клуба капитана корвета «Коршун».

— Просим! Просим! — сразу же раздался голоса.

Капитан корвета молча поблагодарил взглядом своих друзей за доверие и, взяв председательский молоток из черного дерева, трижды постучал по столу.

— Команда далеко не в сборе, — сказал он, открывая встречу. — Среди нас нет Тартарена из Тараскона, Карла Фридриха Иеронима Мюнхгаузена и Лемюзля Гулливера. Отсутствие знаменитого охотника за фуражками и несравненного поборника истины меня не беспокоит, хотя... Вы как будто желаете что-то сказать, капитан Грэй?

— Да, меня волнует судьба Гулливера. Где он сейчас?.. Чего стоят карты, компасы, если курс — неизвестность!..

— Будем сохранять спокойствие, друзья, — улыбнулся капитан корвета «Коршун», чтобы поднять настроение. — Дик! Занесите в вахтенный журнал всех присутствующих в кают-компании. Отметьте, кого нет... и поставьте число.

Дик пододвинул к себе медный канделябр с горящими свечами, быстро записал гусиным пером в журнал имена знаменитых капитанов, а день, число и год произнес вслух:

— Вторник, десятого августа тысяча девятьсот семьдесят первого года.

— Сегодня знаменательный день, — торжественно начал капитан корвета.

У Дика сразу же заискрились глаза от любопытства. Юноша застыл с гусиным пером в воздухе, так и не опустив его в свою походную чернильницу. Робинзон Крузо перестал чистить трубку. А капитан Немо и Артур Грэй с нескрываемым интересом смотрели на председателя сегодняшней встречи... Тот продолжал свое сообщение:

— Сегодня, десятого августа тысяча девятьсот семьдесят первого года планета Марс находится в наибольшей близости к Земле — всего на расстоянии пятидесяти шести миллионов километров. Это явление астрономы называют великим противостоянием Марса. Оно бывает раз в пятнадцать — семнадцать лет. Планету можно легко узнать по красноватому блеску... Я думаю, что эту ночь мы посвятим наблюдению за Марсом, если, конечно, нам что-либо не помешает...

Как раз в этот момент раздался осторожный стук в дверь. Кто-то стучался в кают-компанию. Капитаны переглянулись, видимо, каждый подумал одно и то же: почему так тихо стучат?..

— Откроем? — спросил Дик. — Может быть, это Тартарен или Мюнхгаузен?

— Не похоже, — прошептал Робинзон. — Они бы вломились с треском!.. А не Гулливер ли это?

— Не думаю, — возразил Дик. — Если он улетел на Лапуте, то, вероятно, и прилетел бы на ней.

Снова кто-то осторожно постучал в дверь, и в кают-компанию донесся глухой возглас:

— Откройте!..

— С вашего разрешения я открываю, — сказал капитан Немо.

Щелкнул замок. В кают-компанию торопливо вошел незнакомец в плаще. Его шляпа была низко опущена на лоб, а нижнюю часть лица прикрывал темный плащ.

— Кто вы такой? — спросил капитан корвета «Коршун».

Он взял со стола медный канделябр с горящими свечами и осветил таинственного пришельца.

Тот проворно сбросил с себя плащ, шляпу. Все увидели старинного друга — капитана Лемюэля Гул-

ливера, в неизменном камзоле с блестящими пуговицами и, как всегда, в светлых чулках и тупоносых туфлях с пряжками.

Появление Гулливера обрадовало его друзей. В кают-компании поднялся шум. Капитан корвета «Коршун» постучал молотком, призвал всех к порядку и затем обратился к Гулливеру:

— К чему был этот маскарад?

— Достопочтенный капитан корвета «Коршун», опасаясь погони, я принял все меры предосторожности.

— Почему же вы не вернулись на летучем острове Лапута? — поинтересовался Робинзон.

— Я постарался покинуть Англию незаметно.

— Вам угрожала опасность? — спросил Немо.

Гулливер, осмотревшись, приложил палец к губам, как бы призывая говорить тише:

— Прикройте поплотнее дверь. Лучше на ключ. Дик, опустите шторы. Будем говорить шепотом, чтобы нас никто не услышал.

Капитан корвета успокоил Гулливера и попросил его рассказать все, что с ним произошло, не упуская подробностей.

Мерцающее пламя свечей бросало желтоватый свет на лица капитанов. Стены кают-компаний с книжными шкафами оставались в полумраке.

Дик Сэнд очинил гусиное перо, развернул журнал клуба.

— То, что я узнал на этих днях, — тихо начал Лемюэль Гулливер, — потрясло меня до глубины души. Я до сих пор не могу прийти в себя.

— Где же вы были? — спросил Дик.

— В Лондоне, любезные друзья... Дело в том, что сто семьдесят лет тому назад мною были забыты очки

в библиотеке первого лорда Адмиралтейства. Поводов для волнения не было, так как книги там не особенно тревожат и многие из них стоят больше для украшения... Я проделал долгий и трудный путь, скользя по страницам старинных морских справочников, пожелтевших от времени газет и журналов, пока мне не удалось попасть в Лондон начала прошлого столетия, а точнее, в тысяча восемьсот второй год. Но прежде чем сообщить вам, что я увидел в кабинете первого лорда Адмиралтейства, позвольте мне рассказать в высшей степени загадочную историю...

— Когда она случилась?.. — спросил Дик, обмакнув гусиное перо в походную чернильницу.

— В эту же ночь. Перед тем как я попал в кабинет первого лорда Адмиралтейства, — продолжал Гулливер, — мне пришлось пересечь добрую часть старой английской столицы. В те времена Лондон еще плохо освещался. Многие улицы и переулки были погружены в глубокий мрак. Кое-где тускло мерцали уличные фонари. Издалека доносились хриплые голоса ночных сторожей: «Леди и джентльмены!.. Только что «Большой Бен» пробил час ночи... В Лондоне идет дождь и снег... Ветер слабый... Восточный!..» Ночные сторожа ходили с фонарями. Несмотря на слабый ветер, противно скрипели железные вывески над лавками. По мостовой стучали патены — деревянные подошвы с железным ободком. Лондонцы прикрепляли их ремешками к башмакам и носили вместо галош, которых еще не было. Время от времени проезжали пассажирские кареты, так называемые «комодоры», с вооруженными до зубов пассажирами, кучером и кондуктором. Пройдя мимо собора Сент-Мэри-ле-Боу на Чипсайде, в районе Сити, построенного на месте старин-

ной церкви Святая Мария с арками, я вскоре очутился у Тэмпл-Бара, каменных ворот, воздвигнутых в 1672 году... Это на границе Вестминстера и Сити, там, где кончается Стрэнд и начинается Флит-стрит. Надо сказать, что ворота были увенчаны пиками с головами казненных преступников. Где-то в переулке раздались пистолетные выстрелы, слышались крики, и вскоре мимо меня пробежали «красные жилеты», так лондонцы называли полицейских за их яркие мундиры...

— Это, конечно, любопытно... — перебил его Робинзон. — Но несколько в сторону.

— Я уже хотел свернуть к Адмиралтейству, но мой слух поразил несмолкаемый колокольный звон. В такой поздний час? Меня это очень удивило. Минував постоянный двор «Слон и паланкин» со стоянкой почтовых карет, я направился к Ньюгетской тюрьме. Рядом с мрачными стенами главной уголовной тюрьмы в Лондоне, построенной еще в XV веке, находилась старая церковь Гроба Господня. Колокола этой церкви звонили в дни казней. Кого же собирались казнить, думал я, подходя к Олд-Бейли — центральному уголовному суду старого Лондона. Здание примыкало к мрачным стенам Ньюгетской тюрьмы. В этой тюрьме хранились кандалы знаменитых разбойников Англии XVIII века Джека Шеппарда и Дика Терпина. Оба они были казнены в Лондоне. Сквозь мокрый снег я подошел к знакомой мне церкви. С колокольни раздался зловещий звон. Значит, кто-то в каменных мешках Ньюгета доживал последние часы своей жизни. Казнили чаще всего на рассвете, если можно было назвать рассветом ранние утренние часы в Лондоне. Кто же должен был покинуть мир навсегда?..

Бросив последний взгляд на темные стены Ньюгетской тюрьмы, я поспешил в Адмиралтейство, так как совсем продрог. Мне не хотелось идти пешком через весь город, но ехать было не на чем. Не видно было наемных портшезов с носильщиками, нигде было нанять провожатых факельщиков. Но не успел я отойти от тюрьмы, как где-то сзади от меня глухо застучали копыта лошадей.

Я обернулся в надежде нанять хоть какой-нибудь случайный экипаж. Из тяжелых ворот Ньюгетской тюрьмы выехала закрытая карета, в которой обыкновенно возили преступников.

Не долго думая, я уцепился сзади. Это было сопряжено с риском, но я понадеялся на спасительную темноту.

Мы быстро мчались по мглистым улицам и переулкам, переехали Лондонский мост через Темзу, миновали старинные римские бани, уцелевшие в английской столице как один из древнейших памятников римского владычества.

А когда мы проехали конную статую Карла Первого Стюарта на Чаринг-Кроссе, я хотел соскочить и дальше пойти пешком, но меня удержало любопытство: кого везли в закрытой карете из Ньюгетской тюрьмы?.. Ночью?.. Когда звонили колокола перед казнью?.. Куда везли?..

Представьте себе мое удивление... карета остановилась во дворе Адмиралтейства!.. Я быстро отбежал в сторону и укрылся за выступом стены. Из кареты вышли трое полицейских. «Красные жилеты», не мешкая, вывели преступника. Лица его я не мог рассмотреть. Было темно. Я только слышал лязг кандалов. В этот момент по мостовой проходили ночные сторожа с фонарями, оповещая жителей о времени и погоде.

До меня доносились осипшие голоса ночных сторожей: «Леди и джентльмены!.. Только что «Большой Бен» пробил три часа... В Лондоне падает снег и дождь... Ветер умеренный. Восточный!..»

Мне было не до погоды. Меня мучила одна мысль: зачем привезли из Ньюгета человека в кандалах?.. В три часа ночи?.. В Адмиралтейство!..

Эта тайна и задержала меня в Лондоне, капитаны. Дик! Налейте мне, пожалуйста, стакан воды.

— И вам удалось ее разгадать, капитан Гулливер? — спросил юноша, подавая воду.

— Частично, — ответил Гулливер.

— Что же произошло дальше? — нетерпеливо воскликнул Артур Грэй.

— Мне удалось проникнуть в библиотеку первого лорда Адмиралтейства. К счастью, там никого не было. Не зная еще, что предпринять, находясь в затруднении, я вдруг услышал приближающиеся шаги. В поисках убежища я быстро взобрался по библиотечной лестнице на верхнюю полку, где укрылся за толстыми фолиантами в переплетах из свиной кожи. Кстати, я там нашел свои очки. Но меня в этот момент интересовало совсем другое. В библиотеку вошел лакей. Он раздул мехами огонь в камине, зажег свечи в бронзовых канделябрах. Но, к счастью, огромные книжные шкафы тонули в полумраке, и я оставался незамеченным. Вскоре появился лорд Адмиралтейства и, взглянув на часы, спросил: «Джемс! Прибыла ли карета из Ньюгетской тюрьмы?» — «Да, сэр. Где будете принимать?» — «Здесь!..»

Через несколько минут, звеня кандалами, явился тот самый человек, которого привезли «красные жилеты». К сожалению, они говорили очень тихо, но

я все-таки разобрал, что к первому лорду Адмиралтейства привели какого-то пирата. Потом разговор пошел о секретном пакете. И еще меня поразили два слова: «королевский корсар». Мне было ясно только одно — здесь затевалась какая-то секретная операция...

— Что же могло все это означать? — задумчиво спросил Дик, перевернув исписанную страницу вахтенного журнала.

— Да, я еще забыл вам сказать, — добавил Лемюэль Гулливер. — Последнюю фразу первый лорд произнес довольно громко: «Подать карету мистеру Барберу!»

— Почему же вы не проследили, куда он поехал? — заметил Робинзон.

— К сожалению, достоуважаемые капитаны, я этого не мог сделать. Лорд, расположившись поудобнее в глубоком кресле, стал раскладывать карточный пасьянс. Он ушел только через полтора часа. Оставшись один, я разыскал в одном из книжных шкафов «Ньюгетский справочник» — шеститомное издание с биографиями важнейших преступников, заключенных в этой лондонской тюрьме, начиная с тысяча семьсот семидесятого года. Но имени Барбера там не значилось. Возможно, что этот корсар только еще начинал свою карьеру под черным флагом. Но весьма вероятно и другое: по каким-либо высшим соображениям кому-то было нежелательно знакомить публику с биографией пирата, — закончил Гулливер.

Капитаны задумались. Наступило молчание. Только Артур Грэй не усидел в кресле и, медленно прохаживаясь по кают-компании, задавал вопросы не то сам себе, не то всем присутствующим:

— Секретный пакет?.. Королевский корсар?.. Первый лорд Адмиралтейства и пират в кандалах у камина?.. В чем же тайна этого необыкновенного свидания в три часа ночи по Гринвичу?..

— Сумеет ли мы раскрыть эту тайну? — задумчиво процедил сквозь зубы капитан корвета «Коршун». — Задача не из легких!..

— Ну что ж... я попытаюсь помочь в этом запутанном и, как мне кажется, темном деле, — неожиданно заявил Немо.

— Вы были в Лондоне в те времена? — с надеждой спросил Робинзон Крузо.

— Нет. Не был. Но это не имеет значения, — заметил Немо.

Все с удивлением взглянули на него, ожидая, что же он скажет. Но капитан Немо повернулся спиной и, подойдя к книжным полкам, скомандовал:

— Эй! На «Наутилусе»!.. Доставить в кают-компанию Клуба знаменитых капитанов динамический «Полюс звуков»!

И сразу же ему ответил голос вахтенного начальника: «Есть доставить «Полюс звуков»!..»

Немедленно был спущен трап, и два матроса принесли сверкающий ящик из сплавов разных металлов, стекла, с множеством клавиш, кнопок, разноцветных проводов, микроскопических ламп под прозрачным серебристым куполом.

Матросы осторожно поставили «Полюс звуков» на стол, и один из них, видимо, старший, взглянул на своего капитана в ожидании приказаний.

— Можете идти. Вы свободны, — распорядился Немо.

Матросы торопливо взбежали по трапу и скрылись на страницах романа.

А знаменитые капитаны в недоумении рассматривали сверкающий ящик.

— Очень странно, — не без иронии начал Лемюэль Гулливер. — И вы полагаете, капитан Немо, что этот... ящик, простите, как вы его назвали?

— Динамический «Полюс звуков».

— И что же?.. — ядовито произнес Гулливер. — Он в состоянии разрешить загадку таинственного свидания преступника из Ньюгетской тюрьмы с первым лордом Адмиралтейства?.. Сомнительно.

Со всех сторон посыпались вопросы, поднялся шум.

— Капитаны, — улыбнулся Немо, — эта машина, или аппарат, все равно, — мое последнее изобретение. Я его назвал динамическим «Полюсом звуков». Как вам хорошо известно, существует незыблемый закон сохранения энергии. Ничто в природе не исчезает бесследно. Материя вечна. В связи с этим для меня долгое время оставалось загадкой... где находятся отзвучавшие звуки?.. Ведь это тоже частицы материи!.. Ничто в природе не исчезает бесследно. Я предположил, что и звуки бесконечно блуждают в безбрежном океане эфира.

— Невероятно!.. — возбужденно воскликнул Дик. — Значит, возможно, что и знаменитые речи Авраама Линкольна где-то плавают в эфире?..

— Дорогой Дик, не только речи плавают в эфире, — ответил Немо. — И шумы сражений, и голоса бури, и беседы путников у костра, и давно отзвучавшие песни, и скрип виселицы, и тайные советы венецианских дождей. И это не слова. Вы в этом сейчас убедитесь, друзья.

— Это было бы чудо! — восторженно воскликнул Дик Сэнд.

— Чудес не бывает на свете, — скептически произнес Робинзон, доставая табак из кисета.

— Я тоже не верю в чудеса, — сказал капитан Немо. — Но чудо может произойти, если его хорошенько подготовить. И это дело рук человеческих — плод его фантазий!.. «Наутилус» тоже когда-то был только мечтой...

— Ближе к делу, достопочтенный Немо, — заметил Гулливвер. — Нам нужна Англия. Лондон. Тысяча восемьсот второго года... Адмиралтейство!..

— Дайте мне карту Лондона, — попросил Немо. — Необходимо уточнить координаты Адмиралтейства.

Дик, порывшись на книжных полках, принес карты и путеводитель по Лондону. Немо углубился в расчеты, а затем включил «Полюс звуков».

Под серебристым прозрачным колпаком начали мерцать сотни микроскопических лампочек. Перед изумленными глазами капитанов замелькали зеленые, синие, оранжевые, фиолетовые, голубые, красные, белые и желтые огоньки, как будто кто-то безостановочно вертел сферический калейдоскоп. Немо, склонившись над своей машиной, нажал черную кнопку автоматической антенны. Из динамического «Полюса звуков» не более чем на метр плавно поднялся металлический стержень, увенчанный ажурным шаром величиной с апельсин. Внутри этого шара были четыре стрелки, расположенные крестом и свободно менявшие свое положение под разными углами. Казалось, что эти беспрестанно вибрирующие стрелки что-то искали. Эта антенна была звуковым компасом.

Немо стал медленно поворачивать эбонитовое кольцо... Неожиданно кают-компания наполнилась шумом морского прибоя, криком чаек. И вдруг все умолкло.

Но через несколько секунд раздался говор толпы. Его перекрыл чей-то звучный голос с отличной дикцией... Чувствовалось, что оратор выступал перед большой аудиторией...

«Когда же, наконец, Катилина, перестанешь ты злоупотреблять нашим долготерпением? Когда прекратится оскорбительная безнаказанность твоих безумных происков?..»

— Неужели это Цицерон? — прошептал капитан корвета «Коршун».

— Вы не ошиблись, — тихо произнес Немо. — Мы слышали знаменитую речь Марка Туллия Цицерона в римском сенате по обвинению Катилины в заговоре.

«...Ты не замечаешь, что твои замыслы обнаружены, что твой заговор уже раскрыт перед всеми этими сенаторами? Ты все еще считаешь неизвестным кому-либо из нас, что ты делал в прошлую, что в позапрошлую ночь, где ты был, кого созывал, какое принял решение?

О времена! О нравы! Все знает сенат, все видит консул; а этот человек еще жив!..» — гремел голос Цицерона в кают-компании... Капитаны замерли, вслушиваясь в речь великого оратора Древнего Рима... Но Гулливер не выдержал:

— Все это чрезвычайно удивительно, более того — неожиданно, капитан Немо... и все-таки хотелось бы вместо Древнего Рима услышать Лондон!.. Девятнадцатый век!.. Попробуйте переключиться... поймать нужную волну.

— Сейчас я включу настройку по эпохам, — тихо ответил Немо, щелкая клавишами.

— Позвольте мне, — порывисто попросил Дик, не удержавшись от желания самому испытать «Полюс звуков».

— Попробуйте, Дик... Вот... боковая панель с кнопками по эпохам.

Дик нажал зеленую кнопку. Раздался мелодичный звук. Стрелки на звуковом компасе антенны задрожали, причем одна из стрелок, описав круг, остановилась, слегка вибрируя...

Немо, бросив взгляд на боковую панель, сказал Дику:

— Вы нажали зеленую!.. Это начало двадцатого века... Франция...

Сначала ничего нельзя было разобрать, так как одновременно с музыкой духового оркестра смешались человеческие голоса, какие-то крики. Немо начал устранять помехи, и вскоре капитаны услышали разговор двух людей.

«Господин Жюль Верн, — любезно произнес один из них. — Что бы вы хотели еще сказать читателям «Новой Венской газеты»?»

Капитаны замерли и, затаив дыхание, боясь проронить хотя бы одно слово, слушали интервью со знаменитым писателем.

«Моя жизнь, — отвечал Жюль Верн, — была полна действительными и воображаемыми событиями. Я видел много замечательных вещей, но еще более удивительные создавались моей фантазией. Если бы вы только знали, как я сожалею о том, что мне так рано приходится завершать мой земной путь и проститься с жизнью на пороге эпохи, которая сулит столько чудес...»

— Поразительно, капитан Немо! — восторженно воскликнул Дик. — Вы действительно создали... Я даже не могу подобрать слова...

Все члены кают-компании были восхищены. А сам Немо, несмотря на свою некоторую замкнутость, не мог скрыть счастливую улыбку.

— Я попробую сейчас поискать Лондон, — сказал он, подвинув кресло поближе к столу, чтобы было удобнее работать.

— Англия! Лондон, Лондон!.. Начало девятнадцатого века, — напомнил Гулливер. — Вот что нам нужно сейчас!..

Несколько минут капитаны находились в напряженном ожидании... Вернее это было бы назвать не ожиданием, а необыкновенным плаванием по бесконечному океану эфира — в мире звуков.

Наконец в кают-компании раздалась корабельная сирена. Ей ответила другая, третья. Затем послышался плеск волн. Где-то вдали прозвучал почтовый рожок. Послышался стук копыт. И совсем близко башенные часы, проиграв четыре четверти, пробили три раза...

— Это били часы Вестминстерского аббатства, — прошептал Гулливер.

Из репродуктора «Полюса звуков» доносились хриплые голоса ночных сторожей: «Леди и джентльмены! Только что «Большой Бен» пробил три часа ночи. В Лондоне дождь и снег. Ветер умеренный. Восточный!..»

— Дик! — шепотом воскликнул Гулливер. — Если мы что-нибудь услышим, записывайте в вахтенный журнал.

— Мы неподалеку от Адмиралтейства, — тихо сказал Немо, производя настройку по координатам и внимательно глядя на стрелки звукового компаса.

Раздался мелодичный звук бронзового колокольчика... Так в Англии в те времена важные особы вызывали слуг...

— Капитаны, это звонит первый лорд Адмиралтейства, — произнес Гулливер.

— Умоляю вас, тише, — шепотом перебил его Дик.

«Джемс, прибыла карета из Ньюгетской тюрьмы?..» — раздался скрипучий старческий голос.

«Да, сэр. Где будете принимать?»

«Здесь...»

Несколько минут «Полюс звуков» молчал, что вызвало некоторое волнение в кают-компании, но все сразу притихли, как только из репродуктора донеслись тяжелые шаги и лязг кандалов.

«Ну и встреча... — произнес глухой голос. — Зачем понадобился старый пират Барбер первому лорду Адмиралтейства?.. Разрешите присесть, сэр».

«Прошу».

«Угостите сигарой, сэр, на прощанье».

«Джемс, принесите сигары и огня нашему гостю».

«И, если позволите, чего-нибудь горячего и покрепче, сэр. Я очень продрог».

«Джемс, приготовьте флип».

«Учтите, сэр, в семь утра меня ждет мистер Кеч!»

— Кто это? — тихо спросил Дик.

— Знаменитый лондонский палач семнадцатого века. Его имя стало нарицательным, — пояснил Гулливер.

«Не могу вас обрадовать, Барбер... — проскрипел старческий голос первого лорда. — Король отклонил ваше ходатайство о помиловании».

«Я бы на его месте сделал то же самое».

«Так вот вы какой!.. Как вас называют: черный пират?! Гроза морей!..»

«По-разному, сэр. Смотря какой флаг я поднимаю на своем бриге. Если на гроте полощется «Веселый Роджер» с черепом и скрещенными костями, то я черный пират. А если я поднимаю «Юнион Джек», то я английский негодник Антони Рамзей!.. Если испанский, то я дон Бласко Хуан Фортуната...

Не буду затруднять ваше внимание, сэр, дальнейшим перечислением моих имен, а то мы просидим до рассвета. Все зависит от флага, под которым идет моя посуда».

«Сэр, флип готов».

«О-о, прекрасная смесь!.. Виски, пиво, сахар... Какой аромат».

«Джемс, оставьте нас одних!»

Раздались шаги уходящего слуги.

«Сэр! Думается, что вы пожелали меня видеть не для того, чтобы угостить сигарой и горячим флипом?! Или вы не согласны с решением короля передать Барбера в руки мистера Кеча?.. Это вполне вероятно, так как король Англии Георг Третий мог принять решение во время припадка безумия!»

«Прошу вас не касаться особы его величества!»

«Сэр, но ведь вся Англия знает, что король безумен, а его наследник — принц Уэльский пока еще только первый джентльмен Европы и законодатель мод».

«Я вижу, вы, находясь за стенами Ньюгета, прекрасно осведомлены о светской жизни».

В наступившей паузе мелодично прозвенели молоточки каминных часов.

«Сэр, в моем распоряжении осталось совсем немного времени. Я не люблю опаздывать. Это не в моих правилах!..»

«Вы хотите жить, Барбер?»

«Ничего не имею против, сэр».

«Могу вам гарантировать жизнь и свободу!..»

«Какое же дельце мне хочет предложить первый лорд Адмиралтейства?..»

«Вместо виселицы вы уйдете в море на капитанском мостике корабля «Юникорн».

«Под каким флагом, сэр?»

«Юнион Джек» и, смотря по обстоятельствам, «Веселый Роджер»! Экипаж подберете сами».

«Курс?.. Цель?»

«Вы пойдете к берегам Русской Америки. Все инструкции в этом пакете. Распечатать в открытом море... Да или нет?»

«Да, сэр!»

Раздался звон бронзового колокольчика. Послышались шаги.

«Джемс! Снимите с нашего гостя кандалы. Вот ключи!»

Щелкнул замок. Лязгнули кандалы, брошенные на пол.

«Карету мистеру Барберу!.. Нашему королевскому корсару».

«Куда прикажете отвезти?» — спросил Джемс.

«К пристани Святой Екатерины на левом берегу Темзы».

И после небольшой паузы капитаны услышали свист, щелчок бича, топот копыт и далекий бой башенных часов Вестминстерского аббатства.

Немо выключил «Полюс звуков». Погасли микроскопические лампочки под серебристым колпаком.

— Какое же дельце предложило британское Адмиралтейство черному пирату? — задал вопрос Дик Сэнд.

— Ответ, видимо, содержится в секретном пакете, — призадумался Робинзон Крузо.

— Как он сказал?.. Распечатать в открытом море, — негромко произнес капитан корвета «Коршун», погруженный в размышления.

Артур Грэй с иронической ноткой в голосе сказал:

— Думается мне, что мистер Барбер, покинув стены Ньюгетской тюрьмы за несколько часов до свидания с мистером Кечем у виселицы и посидев с первым лордом Адмиралтейства у камина со стаканом горячего флипа, войдет в историю не как простой пират.

— А как же иначе? — удивился Дик.

— Как королевский корсар! — ответил капитан Грэй.

Дик снова углубился в вахтенный журнал и, внимательно перечитывая исписанные страницы и подчеркнув некоторые важные места, попросил слова.

— Что нам известно, капитаны?.. — начал юноша. — Название пиратского брига — «Юникорн»!.. Это во-первых. Далее... Курс?.. К берегам Русской Америки!.. Это во-вторых.

Лемюэль Гулливер повернул глобус и остановил свой взгляд на Тихом океане.

— Что же имел в виду первый лорд Адмиралтейства, посылая Барбера к берегам Русской Америки? Ваше мнение, друзья? И что нам известно о Русской Америке?.. Нужно прояснить этот вопрос прежде, чем мы займемся королевским корсаром.

Капитан корвета «Коршун» разложил на столе географические карты. Среди них были старинные карты Аляски и западного побережья Североамериканского материка. Морские карты с прочерченными маршрутами Беринга и Чирикова и знамени-

тая карта, перепечатанная из книги «Российского купца именитого Рыльского гражданина Григория Шелихова первое странствование», Санкт-Петербург, 1793.

— Русская Америка?! — так начал свое сообщение капитан корвета «Коршун». — Позвольте вас, капитаны, отвлечь на некоторое время от географических карт. Америку открывали много раз. Еще в тысячном году нашей эры викинг Лейф Эйрикссон совершил плавание к восточному берегу Северной Америки и открыл землю, названную им Страной Вина — Винланд. Но и он не был первым... до него другие норвежские мореплаватели исследовали берега Гренландии и часть восточного побережья Американского континента. Каравеллы адмирала Христофора Колумба в конце пятнадцатого века достигли группы Багамских островов, Кубы, Гаити, Ямайки и, наконец, открыли Карибское побережье Южной Америки. А северо-западное побережье Америки открыли русские мореходы, прокладывая путь с востока на запад!..

— А кто были эти отважные люди? — полюбопытствовал Робинзон Крузо.

— К сожалению, история не сохранила имен первых русских поселенцев на Аляске. Однако лет сорок тому назад, вот здесь, — показал капитан корвета на карте, — в заливе Кука, были раскопаны остатки домов, построенных из морской гальки, кирпичей, бревен и дерна.

— Да, но такие дома не ставили индейцы и эскимосы, — возразил Артур Грэй.

— Не спорю, дорогой Грэй. Ученые и пришли к выводу, что некогда здесь жили русские люди. Это могли быть землепроходцы, переселенцы, охотники,

промышлявшие в этих местах морского зверя. Одни относят эти поселения к эпохе Ивана Грозного, а другие — к середине семнадцатого века.

— А есть ли более точные данные? — поинтересовался Дик.

— Есть! — ответил Артур Грэй. — В тысяча шестьсот сорок восьмом году казак Семен Дежнев и землепроходец Федот Алексеев с товарищами на беспалубных больших лодках — кочах — вышли из устья Колымы и прошли Берингов пролив. В тысяча семьсот тридцать втором году русский бот «Святой Гавриил» бросил якорь у берегов Аляски. Судном командовал подштурман Иван Федоров. В этой экспедиции участвовал геодезист Михаил Гвоздев. Они высадились на сушу и впервые нанесли на карту американский берег Берингова пролива. Так было открыто западное побережье Америки. И надо сказать...

Его нетерпеливо перебил Дик Сэнд:

— Но зачем к этим берегам пошел бриг пирата Барбера «Юникорн»?

— Какие инструкции были в запечатанном пакете первого лорда? — добавил Немо.

— Я не успокоюсь до тех пор, пока мы не раскроем тайну необычайного рейса мистера Барбера, — решительно заявил Гулливер, выйдя из-за стола. Он распахнул шторы, открыл окно. С улицы потянуло свежим воздухом. Пламя свечей заколебалось и заиграло на лицах знаменитых капитанов.

— Я разделяю чувства Гулливера, — сердечно сказал Артур Грэй. — Мы должны немедленно отправиться по следам Барбера!..

— В путь, капитаны, — порывисто крикнул Дик, закрывая походную чернильницу. — Поспешим!..

Но его прервал капитан корвета «Коршун»:

— Дик! Сделайте еще одну запись в вахтенном журнале и положите его под глобус.

— Да, конечно... Ведь Мюнхгаузен и Тартарен рано или поздно появятся в кают-компании. Они должны знать, где мы... Таковы традиции нашего клуба!..

— Пишите, Дик. Тихий океан. Аляскинский залив. Остров Ситха. Ново-Архангельск — столица Русской Америки. Не забудьте оставить карту.

Капитаны молча проверяли оружие. Дик положил журнал под глобус. Капитан корвета громко скомандовал:

— Эй, на корвете «Коршун»! Паруса ставить! С якоря сниматься!

— Есть паруса ставить! С якоря сниматься!.. — ответил зычный голос вахтенного начальника. Прозвучала трель боцманской дудки.

— Все наверх!.. — басовито крикнул боцман.

И сразу же раздался дробный топот матросских сапог.

— Прошу всех проследовать на борт моего корабля, — пригласил капитан корвета. — Погрузить динамический «Полюс звуков», если вы не возражаете, Немо?

— Обязательно, — согласился Немо. — Он нам еще может пригодиться.

Капитан корвета приказал штурману проложить курс к берегам Аляски.

Ветер был с кормы. Быстро шла постановка парусов. Доносились короткие возгласы: «Освободить гика-шкот!.. Подобрать грота-фал!.. Закрепить галсовый угол!.. Убрать рифы!..»

Якорь уже был выбран. Корвет «Коршун» был готов к дальнему плаванию. На грот-мачте взвился флаг — синее поле украшала эмблема клуба — штурвальное

колесо, белый парус со словами: «Клуб знаменитых капитанов» и над ним — алый вымпел. На борту зажглись ходовые огни: зеленый на правом борту, красный — на левом, а на грот-мачте загорелся белый огонь.

Шумел ветер, напоминающий шелест страниц на книжных полках в кают-компании клуба. А может быть, это и был шелест страниц, похожий на шум ветра.

Как известно, знаменитые капитаны по ночам сходили со страниц своих романов, отправлялись в новые путешествия и их ничто не могло удержать — ни время, ни пространство. Паруса их кораблей надувал ветер фантазии и уносил их быстрее ракет. Да что там ракет — быстрее звука и света!.. Но они не только сходили со страниц своих романов, но и любили странствовать по книжным полкам, попадая иногда в далекое прошлое, чтобы понять настоящее и задуматься о будущем.

Великий, или Тихий, океан... Корвет «Коршун» шел правым галсом под всеми парусами.

— Каким курсом мы идем, капитан? — спросил Дик капитана корвета.

— По курсу бота «Гавриил», к западным берегам Америки.

Из-за горизонта поднималась шкваловая туча серо-синего цвета. Быстрее понеслись облака. Шквал приближался к корвету. Небо заволакивало все сильнее. Крупные капли дождя начали бить по парусам. Матросы задраили люки. Убрали грот и стаксель, а чтобы не потерять ход и идти на полной скорости, были подняты штормовые паруса. Но, к счастью, шквал прошел стороной.

В командирском салоне корвета шел оживленный разговор.

— Первооткрыватели Аляски были настоящие морские волки, — говорил Робинзон Крузо, раскуривая трубку. — Недаром о таких моряках было написано в старинной грамотке: «Славные мореходы, корабли... и прочие гораздо непужливые люди простого, обыкновенного звания...»

— Да, отважные люди, — подтвердил Артур Грэй. — Но мое внимание всегда привлекала фигура Григория Шелихова. Недаром поэт Державин назвал его «Колумбом Российским». И не случайно имя Шелихова навечно значится на морских картах. Его именем назван большой залив на севере Охотского моря.

— О ком это вы? — спросил капитан корвета, появившись в дверях салона и стряхивая мокрую зюйд-вестку.

— О русском Колумбе! — ответил Артур Грэй.

— А-а... о Григории Шелихове, — улыбнулся капитан корвета. — Это был человек кипучей энергии! Купец с громадным размахом! Бесстрашный мореход! Он много сделал для освоения Русской Америки... строил корабли, сам участвовал во многих плаваньях к Алеутским островам и на Аляску, написал книгу... Шелихов основал поселок на острове Кадьяке, организовал первые посевы хлеба и овощей на Аляске. Он прожил всего сорок восемь лет, но его надолго пережила созданная им купеческая компания, положившая начало разносторонней деятельности Российско-Американской компании.

— Позднее там работал поэт Рылеев, декабрист, — добавил Артур Грэй. — 14 декабря тысяча восемьсот двадцать пятого года он вышел из здания Российско-Американской компании, у Синего моста, и направился на Сенатскую площадь, где примкнул к восставшим!..

В салон вбежал Дик Сэнд. В открытую дверь ворвались пронзительные звуки корабельной сирены.

— Примите рапорт, капитан корвета «Коршун», — доложил Дик. — Пасмурно. Видимость сильно пала. Даем сирену и звоним в рынду. Марсовые ведут наблюдение.

Дик сбросил зюйдвестку и с удовольствием сел в вертящееся кресло, привинченное к полу.

С палубы доносился учащенный звон корабельного колокола — рынды. Видимо, туман становился гуще.

Робинзон Крузо свернул карту странствий «Колумба Российского» и с особенным чувством обратился к своим друзьям:

— Капитаны, я горжусь тем, что в личной библиотеке Григория Шелихова стояла на полке книга «Приключения Робинзона Крузо, природного англичанина»!

— Но кто после Шелихова продолжил его дело? — поинтересовался пятнадцатилетний капитан.

— Позвольте мне прочитать один документ от 17 августа тысяча семьсот девяностого года, — сказал капитан корвета, перелистывая книгу. — Вот договор, заверенный в магистрате города Охотска: «Мы, нижеподписавшиеся, рыльский именитый гражданин Григорий Иванов сын Шелихов, каргопольский купец, иркутский гость Александр Андреев, сын Баранов постановили сей договор о бытии мне, Баранову в заселениях американских при распоряжении и управлении Северо-Восточной компании, тамо расположенной...»

Так Александр Андреевич Баранов стал первым правителем русских поселений в Америке... На западном берегу острова Ситха, в районе, свободном от

льдов круглый год, Баранов построил столицу этого края — город Ново-Архангельск, затем форт Росс в Калифорнии, неподалеку от которого впоследствии был заложен город Сан-Франциско... Торговые суда из Ново-Архангельска ходили в Кантон, Сантьяго и на Сандвичевы острова... Правитель крепко сдружился с коренными жителями — индейцами, алеутами и эскимосами... Строил для них школы... А на острове Кадьяке был создан любительский театр. Представления давались по праздникам. В самом Ново-Архангельске, в резиденции Баранова часто давались балы-игрушки... На этих ассамблеях казаки плясали индейский танец «ворона», а индейцы распевали русские песни... И потом все садились в круг, чтобы раскурить трубку мира.

— Я не думаю, что пират Барбер имел поручение от первого лорда Адмиралтейства раскурить трубку мира в столице Русской Америки, — произнес Гулливер.

— Это бесспорно, — заметил Немо. — Надо полагать, что секретный пакет таил нечто другое... зловещее!

Не в первый раз знаменитые капитаны сталкивались с подобного рода загадочными делами. Но все это было в прошлом, а вот сегодня казалось, что перед капитанами была неразрешимая задача. Как узнать, что было в секретном пакете? Какие инструкции?.. Не случайно же старого пирата буквально вытащили из петли! Ведь его голова должна была торчать на пике, украшавшей каменные ворота Тэмпл-Бара в Лондоне для всеобщего обозрения и назидания! И вдруг — такой поворот в жизни! За несколько часов до казни! Из Ньюгетской тюрьмы — на капитанский мостик брига «Юникорн»... Что развешается на гроте: «Юнион Джек» или «Веселый Роджер»? А может быть, и то и другое, в зависимости от обстоятельств...

Вот о чем думали капитаны в этот час на борту корвета.

Туман не рассеивался. Через короткие промежутки времени ревела сирена. Мерцали ходовые огни, но они почти не были видны в тумане. Пришлось запускать ракеты, выбрасывающие красные звездочки.

По распоряжению капитана корвета были приняты все предупредительные меры во избежание губительного столкновения с каким-либо судном. На случай же встречи с пиратом команда была готова к бою.

Артур Грэй, задумчиво поглядев в иллюминатор, беззвучно прошептал:

— Барбер?! — и, внезапно обернувшись к друзьям, воскликнул: — Вспомнил, капитаны... в одном из старых морских журналов я читал, что пират Барбер на бриге «Юникорн» появился в гавани Ново-Архангельска в 1802 году.

— Не собьемся ли мы в тумане с курса? — спросил Гулливер.

— Я проверял. Мы идем строго по курсу к острову Ситха, — ответил капитан корвета.

— Вернее, к острову Баранова, — поправил Артур Грэй. — Еще при жизни правителя острову Ситха было присвоено его имя.

— Вы не тревожьтесь раньше времени, Гулливер, — успокаивал его капитан корвета. — Мы настигнем пиратский бриг. Ваше мнение, Грэй?

Артур Грэй ничего не ответил на его вопрос, а продолжил разговор, начатый у иллюминатора:

— «Моряк искусный, но человек недобрый...» — так говорили на Аляске о Барбере в те времена.

Дик Сэнд с досадой отозвался:

— Жаль, что Клуб знаменитых капитанов не в полном сборе. Где сейчас Мюнхгаузен? Куда исчез Тарта-

рен? Да-а, его коллекция оружия могла бы нам пригодиться при свидании с королевским корсаром.

— Особенно в abordажной схватке! — добавил Артур Грэй.

— Пойду распоряжусь, — сказал капитан корвета, направившись к двери. — Надо на всякий случай снять «куртки» с пушек. Так называли просмоленные парусиновые чехлы, укрывающие чугунные жерла.

— Это предусмотрительно, — одобрительно произнес Немо. — В тумане пиратский бриг может совершенно неожиданно появиться у самого борта. Нетрудно себе представить, что произойдет, если мы не успеем дать бортовой залп и наши пушки будут молчать!

Раскатистый голос старшего помощника капитана гремел на палубе, прошумел над «вороньим гнездом» марсового матроса, налетал на снасти и паруса и даже глухо отзывался в трюме.

— Поставить брамсели и бом-брамсели!.. Убрать стаксель!.. Подобрать гика-шкот!..

Вскоре корвет «Коршун» исчез в тумане. Но долго еще восточный ветер, славившийся своим коварством, доносил гулкий бой судового колокола и пронзительный рев корабельной сирены.

* * *

Теплая августовская ночь. Над Москвой поднималась Луна. И редко кто из прохожих смотрел на клоунский лик вечного спутника Земли, хотя в этот час в районе Моря Дождей медленно двигался советский луноход...

К этому «чуду» уже привыкли и со дня на день ждали нового и более невероятного сообщения, по-

глядывая на Марс, ярко мерцавший красноватым блеском. В эту ночь — десятого августа 1971 года — Марс был в великом противостоянии с Солнцем и находился на самом близком расстоянии от Земли. Но, пожалуй, больше всего удивило редких пешеходов другое явление. Мимо Курского вокзала промчался старинный почтовый дилижанс. Четверка лошадей, как вихрь, пронеслась по мостовой, обогнав такси.

Ведь лошади уже давно исчезли с московских улиц. Их можно было увидеть только на бегах и на манеже цирка. А тут — четверка коней, запряженных в почтовый дилижанс! Да еще с ряжеными на козлах!

«Киносъемка... — подумал постовой милиционер и, улыбаясь, прикинул в уме: — Что же это может быть за картина? Историческая, наверно...»

Домыслы сержанта милиции не оправдались. На этот раз это была не киносъемка. На козлах сидели двое — Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен с длинным бичом в руке, а рядом — знаменитый охотник за фуражками и гроза львов — Тартарен из Тараскона.

— Гоните прямо в нашу кают-компанию, Карл Фридрих Иероним.

— Да говорите просто — Мюнхгаузен, — сердито перебил его барон, придерживая лошадей.

— Что же вы?.. — нервно воскликнул Тартарен. — Ведь заседание клуба уже в полном разгаре. Дайте мне бич!

— Вы что, ослепли? — закричал Мюнхгаузен. — Красный свет! Не видите?! У нас отнимут права.

— Мы не на «Волге», Мюнхгаузен, — возразил любилец Тараскона. — В крайнем случае заплатим штраф.

— Чем? Франками или марками?

— О! Зеленый! Подхлестните лошадей!

Мюнхгаузен взмахнул бичом, и гулкий топот конских копыт по Садовому кольцу снова поразил слух поздних прохожих.

Пока они мчались в библиотеку, Тартарен рассказал Мюнхгаузену, как ему удалось бежать из квартиры Катюши. Он сошел со страниц Альфонса Доде в то время, когда девушка ушла в Театр имени Вахтангова на «Принцессу Турандот». Захватив саквояж с вещами и на всякий случай свою коллекцию оружия, он вылез на балкон и спустился вниз по пожарной лестнице. Это было нелегко, но охотник за фуражками знал, что сегодня состоится встреча знаменитых капитанов в кают-компании. Он обязан быть там и занять свое постоянное кресло у камина, рядом с круглым столиком, где всегда стоял большой глобус.

Тем временем почтовый дилижанс остановился во дворе, у подъезда школы. Здесь находилась библиотека, ставшая пристанищем клуба. От взмыленных лошадей валил пар.

Мюнхгаузен с необычайной легкостью побежал вверх по лестнице.

Снизу доносился умоляющий голос Тартарена:

— Подождите меня... Дайте хоть отдышаться на площадке...

Мюнхгаузен перегнулся через перила и посмотрел в темный пролет лестничной клетки. Любимец Тараскона, задрав голову и закатив блестящие глаза, еле дыша, отдуваясь, пыхтел...

— Не так-то легко... втащить на третий этаж... мои сто десять кило... да еще багаж... Могли бы помочь... Где вы воспитывались, барон?

— Извольте, любимец Тараскона, — крикнул Мюнхгаузен, сбегая вниз. — Заодно я смахну звезд-

ную пыль с моих ботфорт. — Он поставил ногу на подоконник и ловко щелкнул платком по лакированному сапогу. — Кстати, Тартарен, вы должны поклониться мне в ноги!

— Почему?

— Какая у вас скверная память... Я же вас подобрал на Комсомольской площади у Ярославского вокзала после вашего бегства от Катюши. Вы с вашими саквояжем, рюкзаком и коллекцией оружия к утру не доплелись бы до библиотеки.

Тартарен, уже немного отдышавшись, вызывающе ответил:

— Это я оказал вам честь, Мюнхгаузен, согласившись занять место рядом с вами на козлах почтового дилижанса. Но смею спросить: как вам удалось скрыться из квартиры Марии Петровны?

— Ну, это... совершенно исключительная по своей правдивости история. Я лежал на кровати Марии Петровны.

— Нашли местечко, барон!..

— Я его не искал, поверьте. Мария Петровна любила читать, лежа в постели. И очень меня сердила.

— Отчего же?

— Старушка все время смеялась. Я был уязвлен!.. — Мюнхгаузен говорил резко, особенно когда нервничал, и в своей манере, подчеркивая каждое слово. — Как будто мои необычайные приключения! На суше, на море и в воздухе! Так правдиво описанные Эрихом Распе! Были только шуткой! Не больше! Я хотел сойти со страниц! Объясниться! Но сдержал себя! И прекрасно!.. Так как Мария Петровна, взглянув на часы, включила телевизор и села отдохнуть у голубого экрана. Что делать? Передавали «Войну и мир». На мое счастье, кипело сражение на Бородин-

ском поле! Комната Марии Петровны наполнилась пушечной канонадой, криками «ура!», разрывами ядер, стрельбой! Я даже почувствовал запах пороха! Воспользовавшись громом орудийной пальбы, я тотчас вылетел! На дежурной запряжке уток! Со страниц «Приключений Мюнхгаузена»!

— Спокойнее, барон, тише. Не так быстро, — приговаривал Тартарен, присев отдохнуть на свой туго набитый саквояж.

— Легко сказать — не так быстро! Вы когда-нибудь летали на запряжке с сотней диких уток?

— Не приходилось, — усмехнулся Тартарен.

— Тогда молчите! Не перебивайте! — крикнул увлеченный Мюнхгаузен. Его глаза засверкали, как два драгоценных камня в лучах солнца. Сейчас уже его никто бы не удержал. Речь его полилась бурным потоком, заливая Тартарена. Дикие утки уносили барона под самые разные широты. — Но мне не повезло. Вместо уютной кают-компания я попал в циклон! С ураганной скоростью совершаю... я успел сосчитать... восемнадцать витков! Вокруг экватора! Гляжу в океан. Нептун грозит мне трезубцем. Очаровательная морская наяда приглашает выкупаться в соленой воде. Посылаю воздушный поцелуй! Но циклон заносит меня к Полярному кругу. Льды! Белые медведи! Королевские пингвины! Четыре витка над снежной пустыней превращают вашего покорного слугу в ледяную сосульку! Если угодно — в «эскимо»! Но антициклон увлекает моих уток в тропики. Оттаиваю... Иду на посадку. Иду? Не то слово! Падаю камнем! Еще мгновение и... катастрофа! Конец! Ни завешания, ни мемуаров — ничего! Спасение приносит внезапно налетевший смерч. Он закручивает меня вместе с утками до самых облаков! И выше!

Выше! Чувствую, что теряю весомость. Достая безмен — взвешиваюсь... И — о ужас! Вместо шестидесяти двух килограммов я уже вешу только сорок четыре! Сорок! Тридцать два! Шестнадцать килограммов! Восемь! Пять! Три килограмма семьсот граммов! Когда я родился, я весил столько же — три семьсот. Я инстинктивно закричал: «Ма-ама!...» А стрелки весов тем временем скакнули вниз. Два килограмма. Один! «Что же будет дальше?» — с ужасом подумал я. Вот уже полкило! Сто граммов! Ну разве это вес для Карла! Фридриха! Иеронима! Мюнхгаузена? Четыре грамма! И наконец, ни одного!.. Начинаю парить среди стаи уток в высших слоях атмосферы. А мозг лихорадочно работает, работает: неужели Мюнхгаузен будет вечно носиться вокруг Земли? Станет спутником... небесным телом и будет нанесен на карту звездного неба! В этот момент со мной сталкивается метеорит. От страшного сотрясения я меняю орбиту и лечу на Землю. Пробиваю перистые облака... кучевые. А затем, воспользовавшись сильным воздушным течением, планирую, раскрыв длинные фалды моего камзола, и влетаю в раскрытое окно магазина подписных изданий на Кузнецком мосту. Быстро нахожу на книжных полках первый томик Диккенса. Одалживаю у добрейшего мистера Пиквика почтовый дилижанс и мчусь в нашу библиотеку. На всякий случай — опять достаю безмен — взвешиваюсь. Увы! Всего пятьдесят килограммов. Я потерял двенадцать кило за несколько минут моего необыкновенного путешествия. Но зато приобрел особую весомость поборника истины!

— Ну что ж... у каждого барона своя фантазия, — заметил Тартарен, не скрывая иронии.

— Что вы хотели этим сказать? — сухо спросил Мюнхгаузен.

— Да ничего... просто я вспомнил французскую поговорку.

— Нет, не просто вы вспомнили эту поговорку. Я настаиваю, чтобы вы говорили со мной без намеков.

— Если вы так настаиваете, я вам скажу всю правду.

— Да... интересно, что скажете? — высокомерно спросил Мюнхгаузен, постукивая каблуком.

Тартарен с наивной откровенностью ребенка, добродушно улыбаясь, неожиданно выпалил:

— Барон, вы лжете.

— Это что, цитата из «Скупого рыцаря»? .

— Нет, это цитата из самого Тартарена!

— Защищайтесь! — вспыхнул Мюнхгаузен.

— Дуэль? Я к вашим услугам, милостивый государь. Но только на шпагах, на шпагах, а не на шпильках!

Благоразумие покинуло обоих. Мюнхгаузен не переносил никакого подозрения во лжи, даже намек на то, что он мог солгать. И барон тотчас выхватил шпагу из ножен.

Любимец Тараскона, несмотря на свой мягкий характер, иногда взрывался. Сказывался южный темперамент. Это случилось и на сей раз.

На лестнице звенели шпаги. Трудно было предвидеть, что толстяк проявит такую ловкость. Оказывается, знаменитый охотник за фуражками, невзирая на свои сто десять килограммов, прекрасно фехтовал. Но Мюнхгаузен ему не уступал.

То и дело на лестнице раздавались их возгласы: «Удар!.. Мимо!..» Но все-таки Мюнхгаузену удалось острием шпаги подцепить малиновую феску Тартарена.

— Отдайте феску! — завопил любимец Тараскона. — Я не могу фехтовать с открытой головой. Здесь сквозняк! Меня продует!

— Прошу, — галантно откликнулся Мюнхгаузен и протянул шпагу.

Тартарен снял с острия свою любимую феску с кисточкой, надел на голову. Заметно было, что толстяк устал. Он еле дышал.

— Как же так? Нарушение традиций.

— Каких традиций? — спросил Мюнхгаузен, нахмутив брови.

— Дуэль без секундантов?! Я требую...

— Пожалуйста, — перебил его Мюнхгаузен, посмеиваясь. — Пусть наша кают-компания... все знаменитые капитаны будут нашими секундантами!

Он с шумом распахнул дверь в библиотеку и широким жестом пригласил своего противника войти первым. Тартарен юркнул в прихожую. Вдогонку летели насмешливые слова:

— Дик! Занесите в журнал точное время гибели любимца Тараскона!

Мюнхгаузен не успел еще затворить за собой двери, как к нему подбежал Тартарен и взволнованно прошептал, забыв все, что было между ними на лестнице:

— Дорогой Карл, там темно... в кают-компании никого нет, милый Фридрих!.. Пусто, мой друг Иероним!.. Увы! Ни медам, ни месье, не говоря уже о знаменитых капитанах.

— Неужели? — растерялся Мюнхгаузен. — Что же делать?

— Одну минуточку, я только спущусь вниз за вещами.

— Я вам помогу.

Они вышли на лестницу и не торопясь спустились на второй этаж. Там был свален багаж толстяка.

— Видимо, дана команда — «свистать всех...» — в раздумье промолвил Мюнхгаузен.

— Но куда? — задал вопрос Тартарен.

Взяв саквояж, рюкзак и коллекцию оружия, они молча вернулись на третий этаж, вошли в библиотеку, зажгли свечи в медном канделябре.

— Пардон... Кажется, под глобусом спрятан наш вахтенный журнал, — радостно сообщил Тартарен.

— Прочтите последнюю запись.

Тартарен, подняв глобус, взял журнал, перелистал и, остановившись на последней записи Дика Сэнда, быстро прочитал ее про себя.

— Оказывается, наши друзья, — возбужденно заговорил Тартарен, — отправились на Аляску! В начале прошлого века.

— А куда именно?

— Остров Ситха. Ново-Архангельск.

— Зачем?

Тартарен снова уткнулся в страницы вахтенного журнала, пододвинув ближе канделябр с горящими свечами... Мюнхгаузен в нетерпении ожидал ответа на свой вопрос, но знаменитый охотник за фуражками, многозначительно прищелкивая языком, загадочно восклицал:

— О-о!.. Гм-мм... Ага!.. Так-так... А-а...

Наконец Мюнхгаузен не выдержал и нервно крикнул:

— Что вы там причмокиваете? Скажите что-нибудь членораздельно! Зачем они поехали?

Тартарен торжественно заявил:

— Для того, мой друг Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен...

— Нельзя ли покороче на этот раз?

— ...чтобы раскрыть тайну королевского корса-
ра!.. — закончил Тартарен с таким победоносным
видом, как будто он только что сам захватил пират-
ский корабль.

Мюнхгаузен взял журнал и торопливо пробежал глазами подробную запись Дика Сэнда о свидании Барбера с первым лордом Адмиралтейства...

— Как вы быстро читаете! — удивился Тартарен.

— А ведь это... кто как умеет, — заносчиво произнес Мюнхгаузен. — Одни читают по слогам. Другие, теряя драгоценное время, шевелят губами. Третьи останавливаются после каждой фразы, чтобы уловить смысл. А я читаю глазами, схватывая разом всю страницу, и поэтому, к примеру говоря, я прочел «Божественную комедию» Данте и всего Шекспира, включая его сонеты, минут за двадцать — не больше!..

— Так вы, наверно, ничего и не помните.

— Наоборот! Все — до единой строчки!..

— Что-то мне не верится.

— Пожалуйста. — И Мюнхгаузен с пафосом начал: — «Быть иль не быть?... Вот в чем вопрос!..»

— Ну, хорошо. Верю, верю. Нам надо решить другое: ехать или не ехать? Вот в чем вопрос!.. Ведь наши друзья могли потерпеть бедствие!.. Им грозит опасность... встреча с корсаром!

— Ехать или не ехать — это не вопрос! — решительно заявил Мюнхгаузен. — Несомненно ехать! Нет, лететь!

— Мерси... Опять утки и какой-нибудь циклон или антициклон!..

— Не волнуйтесь, Тартарен. Я предлагаю свой бриг «Леденец», хорошо известный всем полярным мореплавателям.

— А он не растает? — опасливо спросил гроза львов.

— Мы же с вами собираемся не в тропики, насколько я понимаю в синих морских картах. Взгляните.

— Откуда вы взяли карту?

— Она была приложена к вахтенному журналу. Вот отмечен маршрут и порт назначения.

— Плыдем! Сейчас же, — крикнул Тартарен, вскочив с кресла.

— Эй! На «Леденце»! — скомандовал Мюнхгаузен.

— Есть на «Леденце»! — ответил вахтенный.

— Пришвартоваться к читальному залу!..

— Есть пришвартоваться!..

— Следуйте за мной, Тартарен. Прошу!.. — И, пропустив охотника за фуражками вперед, погасив свечи в медном канделябре, скомандовал: — Лететь!..

Но его тут же испуганно перебил Тартарен:

— Лететь?..

— На всех парусах! — воскликнул Мюнхгаузен.

— Есть на всех парусах! — отозвался вахтенный.

В полумраке кают-компания слегка встрепенулись светлые шторы. В призрачном свете луны казалось, что это паруса...

Линии горизонта не было видно. Облака утопали в Тихом океане, кипевшем белой пеной. Бриг «Леденец» летел на всех парусах, украшенных фамильным гербом Мюнхгаузена, и казался игрушечным корабликом посреди океанских просторов.

* * *

«Леденец» дрейфовал. А истинный курс при дрейфе никогда не совпадает с намеченным курсом судна. Пришлось немедленно определять местоположение брига. Плавать вслепую было опасно. Вдали был виден какой-то остров, но не было никакой уверенности, что это и есть Ситха.

По крюйс-пеленгу штурман засек на морской карте местоположение «Леденца». Каково же было огор-

чение Мюнхгаузена и Тартарена, когда выяснилось, что бриг находится на траверзе островов Королевы Шарлотты. Это оказалось южнее острова Ситха, расположенного под 57-м градусом северной широты.

Не теряя времени, произвели на морской карте прокладку пути и, воспользовавшись попутным зюйд-остом, пошли курсом на Ситху.

С капитанского мостика хорошо видны были береговые горы тихоокеанской горной системы.

На подходе к Ново-Архангельску друзья, вооружившись зрительными трубами, вели наблюдение.

Черные дымы пожарищ клубились над столицей Русской Америки.

Открылась страшная картина. Горели дома, склады, крепость. Доносился гул пушек, мушкетная стрельба.

Какие-то люди в одеждах индейских воинов шли в атаку. Мюнхгаузен и Тартарен тревожно переглянулись.

— Вы не видите, кто это — индейцы? — спросил Тартарен.

— Как будто...

— Подойдем ближе?

— Я бы воздержался, — сказал Мюнхгаузен. — Нас могут обнаружить.

— А не вернуться ли нам обратно? — с дрожью в голосе предложил Тартарен, не отнимая зрительной трубы от глаза.

— А наши друзья?

— Да, да, вы правы... О, конечно!.. Нельзя!.. Как будто пальба стихает. Давайте укроем бриг за скалой, а сами пойдем на разведку.

— Видимо, это дело рук королевского корсара, — в задумчивости произнес Мюнхгаузен и отдал команду рулевому повернуть к береговой скале. В голове

Тартарена мелькнула догадка, которой он тотчас поделился с Мюнхгаузенom:

— Я уверен, что эта операция по разгрому русской крепости и была заложена в секретном пакете первого лорда Адмиралтейства. Не случайно тот его назвал королевским корсаром вместо уголовной клички «черный пират».

Он не успел договорить, как его перебил Мюнхгаузен, схватив за плечо:

— Взгляните туда, Тартарен.

Он указал пальцем на черневший силуэт какого-то судна на рейде. Тартарен прищурил глаза и долго всматривался.

— В трубу! — прошептал Мюнхгаузен. — Так вы ничего не увидите.

Тартарен растянул зрительную трубку до предела, приставил ее к глазу.

— Вы можете прочесть надпись на носу?

— Попробую, — ответил толстяк. — Кажется... Ю... ни... Не может быть!..

— Что такое?

— «Юникорн»!.. — порывисто вскрикнул Тартарен. — Бриг Барбера!.. Ну, что я говорил! Теперь, надеюсь, вам ясно — чья это работа?!

Он кивнул в сторону дымящегося Ново-Архангельска, над которым кружило черное воронье.

— Нет, дорогой Тартарен, не совсем ясно, — отчеканивая каждое слово, говорил Мюнхгаузен. — Приглядитесь внимательней.

На борту пиратского брига можно было разглядеть индейцев, закованных в цепи. А на реях болтались веревки с петлями. Трудно было понять — собирались ли вешать пленников или же устроить их, чтобы вынудить к покорности.

— Видимо, эти индейцы были в дружбе с русскими, — высказал свое предположение Тартарен. — И они вместе сражались в Ново-Архангельске против Барбера.

— Вряд ли мы раскроем эту загадку на борту «Леденца», — со всей решительностью заявил Мюнхгаузен. — Попытаемся найти наших друзей. А потом...

— Что будет потом? — спросил Тартарен.

— Потом будет видно.

— Вернее говоря — потом будем действовать, смотря по обстоятельствам, — поправил его Тартарен.

— Спустите шлюпку! — скомандовал Мюнхгаузен.

— Есть спустить шлюпку! — отрапортовал вахтенный.

— Какие будут приказания, капитан? — осведомился штурман.

И пока матросы спускали на воду шлюпку, Мюнхгаузен распорядился:

— Запомните мои сигналы. Красная ракета — ждете нас. Зеленая — немедленно отплываете обратным курсом. Отвечайте мне белой ракетой. Это означать, что сигнал принят. Ясно?

— Ясно, капитан.

Быстро добравшись на шлюпке до берега, Мюнхгаузен и Тартарен, надежно укрыв ее в кустах, пошли по тропинке, выходящей вдоль залива. Но, подумав о том, что здесь их могут легко обнаружить, они приняли решение подняться в гору и добраться до Ново-Архангельска горной тропой. Канадские и черные ели, знаменитый аляскинский кипарис (так называли ситхинскую ель), березы, ольха и кустарник скрывали от посторонних глаз наших книжных героев.

Охотник за фуражками заметно отстал, и когда Мюнхгаузен обернулся, Тартарена не было. Кричать было опасно, и барон, как было условлено, три раза осторожно прокуковал, как настоящая кукушка...

— Ку-ку-у... Ку-ку-у... Ку-ку-у...

Но в ответ раздался восторженный крик Тартарена:

— Идите сюда, здесь малина!

Испуганный Мюнхгаузен побежал на крик. Он нашел своего друга в лесном малиннике. Из кустов торчала сияющая физиономия любимца Тараскона. Он лакомился сочной ягодой.

— Вы что, с ума сошли? Кричите на всю Аляску: «Малина!.. Малина!..» Хотите, чтобы нас поймали... — сердито отчитывал толстяка Мюнхгаузен.

— Попробуйте... Какая малина! Ах, если бы еще были сливки!..

Человека губят его страсти и некоторые привычки. Восторженный клич Тартарена: «Идите сюда... здесь малина!» — был услышан не только Мюнхгаузеном. И когда Тартарен вылез из густого малинника, его спутника не было.

В лесу стояла зловещая тишина. Тартарен так и не мог понять, куда исчез Мюнхгаузен... Ведь он только что стоял здесь. На всякий случай Тартарен вытащил из-за пояса пистолет и взвел курок. Он тревожно осмотрелся и сдавленным голосом прошептал:

— Карл!.. Фридрих!.. Иероним!..

Никто не отозвался. Тогда он крикнул громче:

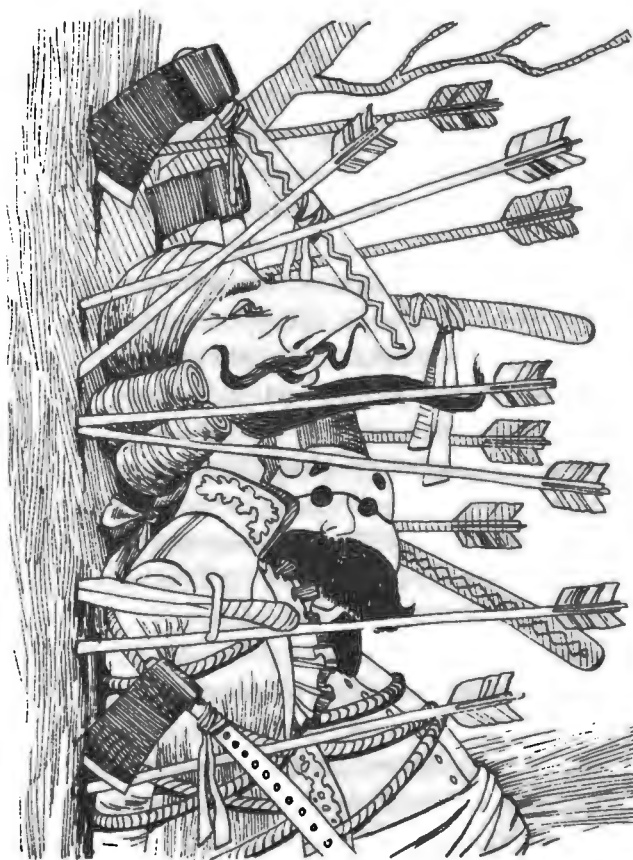
— Мюнхга...

Мелькнула какая-то тень. Затем он почувствовал страшный удар по голове. Завертелись в глазах вертушки черных елей... Все померкло вокруг.

Когда Тартарен очнулся, он почувствовал, что не может пошевелиться, так как связан и прикручен веревками к дереву. Перед ним вертелись десятки медвежьих и волчьих голов. Это были индейцы-тлинкиты в своих боевых масках. Неожиданно Тартарен услышал чей-то шепот: «Ну-с, отведали малинки!..»

Толстяк повернул голову и увидел привязанного к ситхинскому кипарису Мюнхгаузена.

— Дорогой Карл, — тихо произнес Тартарен.
Но его резко прервал Мюнхгаузен:

— Ягодки захотелось?! Но зачем же об этом оповещать население Аляски?!

Тартарен ничего не ответил. Он с тревогой смотрел, как индейцы вытащили свои топоры и, отмерив шагов двадцать, заняли боевые позиции.

— Вам не кажется, Мюнхгаузен, что они собираются метать в нас томагавки?

— Мне не кажется... это в самом деле действительно так...

— Такой номер я видел в цирке Франкони, — прошептал Тартарен дрожащим голосом. — В Париже.

— Только здесь вы не услышите аплодисментов. Финал номера будет совершенно иной...

— Что вы говорите, Мюнхгаузен?! Без суда?.. Без последнего слова подсудимого?

— Когда вы собираетесь его произнести?.. Через несколько минут будет поздно.

Два томагавка рассекли воздух и звучно вонзились в дерево, в нескольких сантиметрах от лица Тартарена, а еще один топор глубоко вошел в ель над головой Мюнхгаузена. Сверкнув глазами, он крикнул:

— Тартарен! Вы присутствуете на последнем приключении Карла Фридриха Иеронима Мюнхгаузена... Мужайтесь!..

Солнечные лучи пробили густые еловые ветки и залили светом лицо толстяка с двумя томагавками по бокам.

— Солнце!.. Солнце! — прошептал Тартарен.

Мюнхгаузен косо взглянул на своего друга и подумал: не сошел ли тот с ума? Но Тартарен с сияющим лицом возбужденно бормотал:

— Солнце!.. Не мог же Альфонс Доде лгать... Он писал... в день смерти Тартарена было солнечное затмение!..

— А может, оно еще будет? — с горечью произнес Мюнхгаузен, судорожно вздрогнув: томагавк, брошенный сильной рукой, с хрустом пригвоздил к дереву воротник его камзола.

Тартарен не выдержал и, заметив двух индейцев, стоявших в стороне, без страшных масок на лицах, но

с орлиными перьями в черных волосах, отчаянно закричал:

— За кого вы нас принимаете?.. *Месье!* Пардон... Дорогой Красный Бизон или Быстроногий Олень... А может быть, Орлиное Перо? Простите, не знаю, как вас зовут?

Один из индейцев, повыше ростом, с важной осанкой, ответил:

— Седой Бобер.

— Очень приятно. А я — охотник за фуражками! — представился Тартарен с исключительной любезностью.

Седой Бобер расхохотался и крикнул своим воинам, указывая на Тартарена:

— Охотник за фуражками!

Никогда еще индейцы так не смеялись. Охотник за фуражками?!

Один из воинов, в устрашающей боевой маске, усомнился и, подойдя к Тартарену, мрачновато переспросил:

— А может быть, за скальпами?

В ожидании ответа индейцы молча уставились на толстяка. Тартарен с гордостью настаивал на своем:

— Нет, за фуражками, месье и медам! За фуражками!

Новый и еще более оглушительный взрыв хохота потряс окрестности. Насмеявшись вдоволь, индейцы подошли поближе... Вперед вышел Седой Бобер.

— Скажи правду — кто ты такой?

— Видите ли, уважаемый Седой Бобер, у меня есть и другая кличка. Гроза львов!

— Ты лжешь!

— Что вы?! — нервно воскликнул Тартарен. — Это может заверить мой друг Мюнхгаузен — самый правдивый человек в прериях...

— Почему только в прериях? — обиделся Мюнхгаузен.

— Пардон, мой друг... Я так волнуюсь... я хотел сказать, на Аляске... Да не только на Аляске, а вообще-вообще!..

— Гроза львов? — иронически произнес Седой Бобер и, устремив пристальный взгляд на Тартарена, неожиданно улыбнулся, вселяя надежду в душу любимца Тараскона. Но вдруг тойон надсадно закричал: — Лжешь! Бледнолицые так себя не называют!

— Я Тартарен из Тараскона! — возопил толстяк. — Читали?..

Седой Бобер даже не моргнул глазом и повернулся к Мюнхгаузену.

Тот немедленно отпрапортовал:

— Я — Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен.

Но и это громкое имя ничего не сказало индейцу.

— Спасения нет, — прошептал Тартарен. — Они не читали ни Альфонса Доде, ни Эриха Распе. Конец!

— Седой Бобер, надо прикончить пиратов, — уговаривал тойона один из воинов, снимая боевую маску. — Чем раньше умрут люди Барбера, тем лучше.

— Мы еще все успеем, Черный Медведь.

Седой Бобер вытащил нож и, коснувшись острием лезвия горла Тартарена, холодно произнес:

— Куда скрылся Барбер? Ну?! Говори!

— Да мы... Позвольте... Что вы? — пытался оправдаться Тартарен, но от волнения у него захватило дыхание. Десятки копий были направлены на него и Мюнхгаузена.

— Где ваш капитан? — крикнул Черный Медведь.

Со всех сторон доносились угрожающие возгласы: «Это он вас послал грабить и жечь!», «Убивать женщин и детей!..», «Он хотел вбить томагавк вой-

ны между нами и русскими!..», «Мы с ними курили трубку мира!..».

И только сейчас Мюнхгаузен и Тартарен начали смутно догадываться о трагедии в Ново-Архангельске. Жизнь пленников висела на волоске. Со всех сторон доносились зловещие крики: «Скальпы!.. Скальпы!.. Скальпы!..»

— Прощайте, Карл... Как потемнело в лесу... А небо голубое. Видимо, начинается солнечное затмение. Альфонс Доде не ошибся, — всхлипнул толстяк.

Но Мюнхгаузен был настроен иначе. В эту минуту он насвистывал мелодию своей любимой песенки — «Увлечаться я могу, забываться я могу...».

Тартарен, скосив испуганные глаза на своего друга, подумал, что тот лишился рассудка, и, нервно заикаясь, пробормотал:

— Фридрих?.. Вы что?.. Успокойтесь...

— А я совершенно спокоен. Если нас разорвут на клочки и... все равно, мой друг, мы бессмертны!.. Миллионы Мюнхгаузенов стоят на книжных полках. Они будут вечно сходить со страниц — пока вернется Земля!.. Обидно только, что на сей раз мы не увидим наших друзей — ни Дика, ни Немо, ни Гулливера, ни Артура Грэя, ни Робинзона, ни капитана корвета. Где они сейчас?..

Мужество, проявленное Тартареном во время испытания томагавками, и хладнокровие насвистывающего барона невольно расположило сердце Седого Бобра к этим двум бледнолицым воинам... Он приказал отвязать их от деревьев, но руки закрутить назад и на всякий случай крепко опутать веревками.

Он посоветовался с Черным Медведем. И они приняли решение доставить пленников в крепость мудрого тойона русских. Так они называли правите-

ля Российско-Американской компании на Аляске — Александра Андреевича Баранова.

По дороге в Ново-Архангельск Тартарена одолевали разные мысли. Как их встретят в крепости?.. Кто?.. Если назвать свои имена. Тартарен из Тараскона... Карл Фридрих Иероним Мюнхгаузен, то их примут за сумасшедших или же за авантюристов, скрывающих свои подлинные фамилии, а вернее всего, за пиратов Барбера и, несомненно, повесят.

Кто же поверит, что они сошли со страниц романов? Для этого нужна была фантазия! Воображение! Мечта!

Бежать было невозможно. Связанные руки ныли от боли. «Проклятая малина!» — с досадой вспоминал Тартарен.

Слегка моросил дождь. Вдали зажглись огни Ново-Архангельска...

* * *

В проломе крепостной стены, пробитой ядрами, показались волчьи и медвежьи пасти. Это были индейцы в своих боевых масках. Соблюдая осторожность, стараясь быть незамеченными, они поползли вниз и скрылись в густом кустарнике.

Предательский треск сухих сучьев под ногами и шум листвы останавливал индейцев, но ненадолго. Видимо, они торопились. Трудно было сказать, спасались ли они бегством или же спешили куда-то. Но по тому, как они тщательно искали укрытия за каждым кустом и деревом, можно было предположить, что они опасались нападения, а возможно, было и другое: им было поручено устроить засаду на береговой тропе.

Уже виден был берег. Пенился прибой.

Индейцы, крадучись, перебежали дорогу. Их силуэты промелькнули за рыбацкими сетями, прозвеневшими грузилами.

Солнце уже закатилось за океан, и начинался ночной бриз — ветер с суши на воду.

«Отваливай!..» — негромко раздалась команда. И когда шлюпка носом разрезала волну, рулевой крикнул:

— Правая табань! Левая на воду!

Рулевой оглянулся назад. Берег уплывал.

— Ну, теперь можно снимать маски! — прозвенел знакомый мальчишеский голос пятнадцатилетнего капитана. Быстро были сброшены боевые маски индейцев-тлинкитов. У руля был капитан корвета «Коршун». На веслах — Робинзон Крузо, Немо, Артур Грэй и Гулливер. Дик Сэнд расположился на деревянной решетке люка у носа шлюпки.

— Сейчас мы обогнем мыс, — сказал капитан корвета, — и подойдем к «Коршуну». Левая табань!.. Правая на воду! Навались! — скомандовал он своим друзьям.

* * *

По береговой тропе брели связанные Тартарен и Мюнхгаузен под конвоем индейцев. Влажный воздух, пропитанный солью и хвоей, кружил голову любимцу Тараскона, еле передвигавшему ноги. В его вишневых глазах не было обычного блеска, азартного огонька. Потухший взор вяло скользил по океану. Вдруг он прошептал:

— «Коршун»!..

Мюнхгаузен безразлично поглядел на небо.

— У вас галлюцинация, мой друг.

Но Тартарен твердил:

— «Коршун»!.. Корвет «Коршун»!

Мюнхгаузен даже не успел взглянуть на море... Индейцы схватили его и отчаянно барахтавшегося толстяка... Из-за мыса показалась шлюпка со знаменитыми капитанами. Седой Бобер и Черный Медведь взялись за ружья.

Тартарен заорал:

— Эй! На шлюпке!

— Эй! На корвете «Коршун»! — крикнул Мюнхгаузен.

Второй раз крикнуть им не удалось, так как на них навалились индейцы...

— Мне показалось, что с берега кричали, — сказал Немо.

— Я даже слышал, — взволнованно произнес Дик, — «Эй! На корвете!».

— Как будто кто-то вызвал о помощи, — заметил Артур Грэй.

— Повернем к берегу, — скомандовал капитан корвета.

Седой Бобер и Черный Медведь, увидев, что шлюпка быстро направилась к берегу, взяли капитанов на прицел. Из-за кустов заблестели дула мушкетов.

Шлюпка пристала к берегу. Связанные Тартарен и Мюнхгаузен лежали на земле, пытаясь освободиться от веревок. Здоровенные кляпы были обоим забиты в рот.

— Это люди с пиратского брига, — прошептал Черный Медведь.

— Вглядишься получше, — ответил Седой Бобер. — Я вижу русского начальника в морской форме. Неужели ты не узнаешь бородатого в козьей шкуре?! Они были с нами во время сражения с людьми Барбера.

— Я узнаю их, Седой Бобер. Вот этот мальчик, — сказал Черный Медведь, указав на Дика Сэнда, —

бежал рядом со мной, когда вы ворвались в крепость.

— Воины Ворона! — крикнул Седой Бобер. — С почестями принять гостей! Это наши друзья!

Седой Бобер вышел навстречу капитанам и тепло приветствовал их как своих братьев по духу и оружию.

— Нам показалось, что кто-то кричал, — сказал капитан корвета «Коршун».

— Наши пленники, — ответил Черный Медведь. — Мы их захватили в лесу. Возможно, это бежавшие пираты.

Из кустов раздался радостный возглас Дика Сэнда:

— Тартарен! Мюнхгаузен!..

И когда капитаны подбежали, то Дик уже разрезал веревки, освободил несчастных от кляпов.

— Дик!.. Робинзон!.. Артур!.. — трепетно произнес Тартарен. — Дорогой Немо... Василий Федорович...

— Наконец-то! — с упреком воскликнул Мюнхгаузен.

Дик, помогая подняться с земли любимцу Тараскона, обратился к нему:

— Милый Тартарен, как...

Но его перебил сразу же насторожившийся Седой Бобер. Подозрительно глядя на толстяка, он задал ему вопрос:

— Тартарен?.. Ты, кажется, называл себя Гроза львов?..

— О-о... Тартарен и Гроза львов — это одно и то же. Перевод с французского на индейский!.. — ответил Тартарен, заметно повеселев. — Друзья! Сначала меня душило это проклятое лассо, а теперь меня душил любопытство. Да расскажите же наконец, что тут произошло?..

— При всей моей фантазии... я никак не могу представить себе, что здесь было, — заговорил Мюнхгаузен,

придя в себя. — Удалось ли вам разгадать смысл загадочного свидания пирата с первым лордом?.. Узнали ли вы тайну секретного пакета?.. И вообще... проложите курс в этом непроницаемом тумане!..

— Если наши достопочтенные друзья, — начал Гулливер, учтиво поклонившись Седому Бобру и Черному Медведю, — ничего не имеют против, я удовлетворю ваше любопытство, любезный Мюнхгаузен.

— И мое!.. — добавил Тартарен.

— Разумеется.

— Мне кажется, что это лучше сделать в кают-компании «Коршуна», — предложил капитан корвета.

Его друзья с радостью согласились. Всем уже хотелось скорее очутиться на борту родного корабля, но Седой Бобер пригласил капитанов, прежде чем расстаться, сесть в круг и, по обычаю предков, раскурить трубку мира.

Черный Медведь разложил костер. Все расселись вокруг. Робинзон Крузо, туго набив табаком трубку, протянул ее Седому Бобру. Тойон воинов Ворона улыбнулся, отложив свою трубку с длинным чубуком, раскурил трубку Робинзона и молча передал ее капитану корвета. Трубка пошла по кругу.

Весело потрескивали в огне еловые ветки.

— Друзья! — обратился капитан корвета «Коршун» ко всем. — Среди нас есть русские, англичане, индейцы, немец, француз, молодой американец и сын Индии. В один прекрасный день все народы закопают глубоко под землю боевые томагавки и ружья и раскурят трубку мира. А сейчас... в ожидании этого дня приходится распутывать темные страницы прошлого, разгадывать тайны... и бороться!..

— Ближе к делу, капитан корвета, — нетерпеливо воскликнул Тартарен.

— Не торопитесь, — ответил капитан корвета. — Вы сейчас все узнаете. Как было описано в старинных морских журналах, бриг «Юникорн» с уцелевшими пиратами на борту отплыл в Санкт-Петербург!..

— В Санкт-Петербург?! Зачем? — воскликнули в один голос Тартарен и Мюнхгаузен.

— Расскажу по порядку. Британское Адмиралтейство, вытащив из Ньюгетской тюрьмы старого пирата, послало его к берегам Русской Америки. С этого дня он получил кличку — «королевский корсар». Теперь мы знаем, что было в секретном пакете первого лорда: Барбер должен был любой ценой изгнать русских из Аляски. В открытую борьбу пират боялся вступить... Тогда он пошел на неслыханную подлость. Этот негодяй передел своих разбойников в одежды воинов Ворона. Лица были закрыты боевыми масками, и под видом индейцев люди Барбера, воспользовавшись отсутствием Баранова, напали на русские села... Они жгли и убивали. Но не в этом была их главная цель!.. Они хотели нарушить дружбу русских с индейцами и вызвать между ними войну.

— Не скроем от вас, — добавил Седой Бобер, — некоторые наши тойоны польстились на подарки и посулы Барбера и приняли участие в кровавой резне. Они вместе с пиратами захватили Ново-Архангельск и разграбили его. Но мы, воины Ворона, верные дружбе с русскими, посыпали головы орлиным пухом и встали на тропинку справедливой войны. Мы вместе с Барановым освободили Ново-Архангельск, отбили крепость и все другие селения, предательски захваченные Барбером.

— Я должен сказать еще несколько слов, мой друг и брат Седой Бобер, — вступил в разговор Черный Медведь. — Баранов простил главу мятежников тойо-

на Котлеяна, и мир снова спустился на берега Юкона, на индейские и русские вигвамы.

— А под каким флагом ушел «Юникорн»?— спросил Мюнхгаузен.

— У него на борту их большой запас, — рассмеялся Артур Грэй. — Есть испанские, можно увидеть и французский, английский «Юнион Джек». Какие вам будет угодно, включая «Веселый Роджер» с черепом и скрещенными костями.

Костер догорал. Наступило время раскурить прощальную трубку. После этого старинного индейского обряда воины Ворона с почетом проводили капитанов по прибрежной отмели.

Капитаны дружески попрощались с индейцами.

В шлюпке Гулливер рассказал Тартарену и Мюнхгаузену о последней аванюре «черного пирата», которая его и заставила проложить курс в Санкт-Петербург. Молва об этом обошла все побережье Западной Америки. Как говорили, Барбер умудрился продать Баранову чужой корабль «Мирт» с товарами из Калькутты и Кантона. Как ни в чем не бывало «королевский корсар» явился к правителю Русской Америки и предложил ему по сходной цене купить «Мирт» с ценными грузами, заполнявшими трюм. Баранов заподозрил мошенничество и, сославшись на отсутствие наличных денег, предложил Барберу получить всю сумму по расписке в правлении Российско-Американской компании, в Петербурге у Синего моста. Пока «Юникорн» добрался бы через три океана до Северной Пальмиры, Баранов надеялся навести все необходимые справки. Правитель послал в Петербург предупреждение, чтобы выплата денег не производилась до подтверждения.

— Думается мне, — сказал Артур Грэй, — что вряд ли Барбер пойдет к берегам Англии. Опасно!.. Ведь

его авантюрная миссия на Аляске потерпела крах и первый лорд Адмиралтейства должен заметить следы.

— Очень возможно, что в Лондоне его ожидает виселица! — поделился своими соображениями Немо. — Ведь такая участь постигла другого «королевского корсара»...

— О ком вы говорите, капитан Немо? — поинтересовался Робинзон.

— О капитане Уильяме Кидде. Король Англии Вильгельм Третий поручил лорду Белломонтону подыскать достойного капитана на фрегат... фрегат... я забыл его название...

— «Адвенчюр»... а по-русски — «Приключение», — напомнил капитан корвета.

— Да, да, совершенно верно. И Кидд получил приказ захватывать торговые и военные корабли Франции, с тем чтобы шестьдесят процентов всей добычи сдавать в казну. С ним было заключено тайное соглашение. Финал этой истории плачевный. Нужно было утопить концы в воду. И в 1707 году Кидд был повешен по приговору Королевского суда в «Доке казни» Портсмута.

— Такая же судьба не минует Барбера, если он на пути в Петербург встретит английский фрегат его величества короля Англии безумного Георга Третьего, — заметил Гулливер.

— А если не встретит? — спросил Мюнхгаузен.

— Меня очень интересует дальнейшая судьба «королевского корсара», — откровенно признался Тартарен.

— И меня, — добавил Дик Сэнд. — И я думаю, что всех нас!..

— В этом вопросе, пока еще скрытом густым туманом, я надеюсь кое-что прояснить, — задумчиво произнес Немо.

— Навались! — раздалась команда с кормы. — Правая на воду! Левая табань!

Шлюпка обогнула корму корвета, стала подходить к борту. Дик принял ходовой конец с корабля и закрепил его за мачтовую банку шлюпочным узлом.

— Шабаш! — распорядился капитан корвета. — Береги весла! Кранцы за борт! — приказал он, чтобы смягчить удар о борт судна. Матросы с корвета, держась за ходовой конец, протянули шлюпку под самый трап. Капитаны быстро поднялись на борт «Коршуна».

— Какие будут приказания, капитан? — осведомился старший помощник.

— Мы отплываем. Выбирайте якоря!

— Мюнхгаузен! — громко окликнул его Тартарен. — А ваш бриг «Леденец»?

— Сейчас мы дадим сигналы, как условились!..

Над океаном с шипением взлетела зеленая ракета. Они ожидали не более минуты. Из-за скалы, где укрывался бриг «Леденец», вылетела ракета и разорвалась в небе белыми звездочками.

— Все в порядке, Тартарен. Мой сигнал принят. Они лягут на обратный курс сами! Поспешим в кают-компанию.

Тартарен побежал за Мюнхгаузенем, приговаривая на ходу:

— Очень любопытно... Немо обещал поделиться с нами своими предположениями о судьбе Барбера.

— Но что он может знать? — усомнился Мюнхгаузен.

И они оба скрылись за дверью кают-компаний...

Матросы расторопно ставили паруса. Настроение было приподнятое, как всегда у моряков, возвращающихся домой — на родную землю...

Корвет снялся с якоря. Попутный ветер благоприятствовал отплытию...

В салоне корвета «Коршун» было очень тихо. Наконец члены клуба собрались вместе, но беседа как-то не клеилась... Все помыслы капитанов были сосредоточены на дальнейшей судьбе «королевского корсара»... Надежды Тартарена на осведомленность Немо, к сожалению, не оправдались. Он сообщил только одно: в журналах торговой и военно-морской гавани Санкт-Петербурга не было отметок о прибытии брига «Юникорн», хотя в эти книги самым тщательным образом заносились все данные о прибытии и отплытии кораблей как под русским флагом, так и под флагами иностранных держав. Но куда же делся бриг Барбера, капитан «Наутилуса» не знал.

Неожиданно для всех Робинзон Крузо, поглядывая на дымки своей трубки, предался воспоминаниям. Он поклялся превратностями книжной судьбы, что потрепанный томик его романа на английском языке стоял рядом с Библией на книжной полочке в каюте капитана «Юникорна». И кое-что знаменитому отшельнику удалось припомнить.

В пути «королевский корсар» был очень задумчив и почти ни с кем не разговаривал, перекидываясь иногда незначительными фразами со своим племянником Уильямом, молодым человеком лет двадцати пяти.

Старый пират редко выходил из каюты, где часами неподвижно сидел на роскошной кровати красного дерева, когда-то украшавшей спальню кастильской красавицы Беатрисы де Кабелла. Да и другие предметы, несколько странно выглядевшие в каюте пирата, заставляли задумываться о прошлом «королевского корсара»... Это были серебряные канделябры из какого-то собора, венецианские зеркала, хрустальные бокалы в золотой оправе... На резном столике у кровати лежали пистолеты. Несмотря на обилие драгоценных

вещей, просторная каюта Барбера скорее напоминала арсенал самого разнообразного оружия. Надо полагать, что это была не страсть коллекционера, посвятившего свою жизнь собиранию редких монет, почтовых марок или оружия, а нечто другое. Даже при беглом обзоре стен, увешанных мушкетами, саблями, абордажными топорами, тесаками, — становилось ясно, для чего они находятся всегда под рукой Барбера.

В этой каюте он проводил дни и ночи, думая о своем будущем. Плыть ли в Петербург?.. А если Адмиралтейство направило русским властям послание об аресте? Возвращаться в Англию было еще опаснее... Но куда проложить курс? Может быть, временно скрыться на Сандвичевых островах? Будущее было туманно. Зато прояснилось настоящее. В каюту вбежал Уильям и сообщил, что с подветренной стороны появился английский фрегат... Барбер вышел на палубу, поднялся на мостик и довольно долго вглядывался в подозрную трубу.

Действительно, это был фрегат его величества короля Англии... Пушечные порты открыты к бою. Через полчаса он будет поблизости, и предстоит жаркая беседа. Двадцать четыре пушки «Юникорна» против сорока восьми.

На бриге не пришлось готовиться к сражению. Команда всегда была готова пустить оружие и абордажные крюки в дело. Но на этот раз схватка предстояла неравной, и пираты сумрачно глядели на приближавшийся военный корабль.

Барбер устремил свой взгляд в сторону горизонта — на небо, как бы изучая его...

— Что вы там рассматриваете, дядя? — нервничал Уильям.

— Тучу.

Уильям вопросительно взглянул на дядю.

— Видишь... какая она... свинцовая... и как будто тянется к нам. Моли Господа, чтобы не переменялся ветер. Тогда шторм налетит на нас скорее, чем эта посудина его величества со всеми своими пушками!..

Королевский фрегат уже разворачивался бортом, чтобы открыть огонь.

Зоркие глаза Барбера издали заметили матроса с флажками...

— Прочти семафор, Уильям.

— Икс! — доложил племянник.

— Ага!.. «Приостановите выполнение ваших намерений и наблюдайте за моими сигналами». Так-так... — пробурчал старый пират. — Что еще?

— Ка!

— «Остановите немедленно свое судно», — расшифровал Барбер и приказал Уильяму ответить: «Я собираюсь сделать сообщение по семафору...»

Это он предпринял только с одной целью — чтобы успеть повернуть бриг носом к противнику и избежать губительного залпа всем бортом. Он успел скомандовать:

— Поворот оверштаг!..

Но его маневр был разгадан, и сокрушительный бортовой огонь обрушился на «Юникорн». Ядрами был разбит бушприт вместе с носовыми парусами: кливером, бом-кливером и фор-стенги-стакселем... Раздались яростные вопли и крики.

Барбер, сохраняя полное спокойствие, приказывал пушкарям вести прицельный огонь не по всему фрегату, а целиться только в одно место — между грот-мачтой и бизань-мачтой, но только в корпус, чуть повыше волны. Никуда больше! Кучным огнем!.. Это была его излюбленная тактика. Пробойна в борту у самой воды часто решала исход боя.

Когда бурные потоки заливали трюм, пираты шли на abordаж.

Но на сей раз маневр не удался. Фрегат, сделав поворот фордевинд, лег на другой галс, удобный для залпа всем бортом. Шквалистый ветер отнес в стороны клубы пушечного дыма. Один из пиратов, совсем еще молодой, висевший на вантах с мушкетом в руке, отчаянно заорал во все горло:

— Они нас утопят... Надо сдаваться, капитан!

Барбера передернуло от этого возгласа. Он поднял пистолет и пристрелил труса на месте. Тот выпустил мушкет и, нелепо взмахнув руками, полетел за борт.

Не обращая на него больше внимания, старый пират пристально вглядывался в небо. Оно было похоже на свинцовый свод, низко опустившийся над океаном... В снастях уже гулко свистел ветер.

Великий, или Тихий, побелел, закипая шипящей пеной. Колючий ветер, срывая гребни огромных валов, нес водяную пыль, скрывая корабли из виду.

Спасительный шторм нагрянул еще раньше, чем рассчитывал Барбер.

Посудина его величества короля Англии уже не представляла опасности.

Сорок восемь пушек смолкли.

Но сейчас свой голос подал Тихий океан. Трудно было различить, где кончалось небо и начиналась вода! Все смешалось!

Разбушевавшаяся стихия грозила расправой и готова была пустить ко дну оба корабля.

Ураган занес судно Барбера к северо-восточным берегам Камчатки... Это удалось установить Робинзону Крузо, когда он незаметно выбрался на палубу из своего убежища на книжной полке в каюте капитана «Юникорна». Спрятавшись под брезентом в

одной из спасательных шлюпок, старый отшельник видел, как пираты убрали палубу, заваленную остатками такелажа, осколками стекол, покореженными трапами, обрывками канатов, разбитыми пушками. Над палубой возвышалась только чудом сохранившаяся грот-мачта со сломанными реями и обломками грот-бом-брамсели.

Когда стемнело, Робинзону Крузо удалось потихоньку спустить шлюпку на воду и в ночной мгле добраться до берега Камчатки.

К утру ему посчастливилось укрыться в библиотеке одного русского корабля и встретиться с Пятницей, попугаем и козой на страницах своего романа. Но, по мнению знаменитых капитанов, это уже не имело существенного значения для истории «королевского корсара». Важно лишь, что обо всем дальнейшем Робинзон ничего не знал.

* * *

Попутный норд-вест надувал паруса корвета «Коршун».

В капитанском салоне Немо уже несколько минут настраивал динамический «Полюс звуков».

— Никаких следов в эфире, — тихо произнес он, переключая клавиши. — Я все равно когда-нибудь поймаю эту незримую волну... и мы еще кое-что услышим о «королевском корсаре». Я не теряю надежды.

Внутри ажурного шара на конце антенны дрожали стрелки. Немо медленно поворачивал эбонитовое кольцо.

В кают-компанию врывались самые удивительно неожиданные звучания. Много повидавшие в своей

жизни капитаны были до крайности изумлены, услышав голоса парижан, штурмующих Бастилию. Орлеанскую деву на суде инквизиции.

Немо, склонившись над своим «Полюсом звуков», упорно продолжал свои поиски. Щелкали клавиши. Мелодично звенели кнопки. Неожиданно из репродуктора вырвался оглушительный рев толпы, и в салоне корвета раздались крики: «Шайбу!.. Шайбу!..»

Немо быстро переключил аппарат на другую эпоху... Капитаны слышали густой бас глашатая: «...не от сотворения мира, как было на Руси до сего... И новый год начинать не первого сентября, а первого января...» Шум и говор толпы... И снова забасил глашатай: «В знак того доброго начинания перед воротами учинить некоторые украшения древ и ветвей сосновых, еловых и можжевеловых... а людям скудным... хотя по деревцу или ветви над воротами или над хороминой своею поставить; и чтобы то поспело ныне будущего января к первому числу... И далее в Указе царя нашего Петра Алексеевича предписано... Как поздравлять друг друга с Новым годом, и какая должна быть стрельба из мушкетов и пушек... и какая иллюминация...»

Залпы мушкетов. Пушечная пальба. Треск шутих и потешных огней.

— Так встречали в Москве на Красной площади новый тысяча семисотый год! — пояснил капитан корвета «Коршун».

— Нельзя ли лет на сто позднее? — попросил Тартарен.

Немо ничего не ответил, а возможно, и не слышал, что сказал Тартарен, так как полностью сосредоточился на своей работе. Его проницательные глаза останавливали свой взгляд то на звуковом компасе, то на серебристом колпаке, под которым мерцали раз-

ноцветными огоньками сотни, а возможно, и тысячи микроскопических лампочек...

Артур Грэй посмотрел на часы и поделился с друзьями своими сомнениями:

— Я думаю... это безнадежно. Легче подстрелить муху, сидящую на голове химеры собора Парижской богоматери, чем поймать эту волну в эфире.

— Похоже на то, — вздохнул Дик Сэнд.

— Видимо, дальнейшая судьба «королевского корсара» затерялась в туманах Тихого океана, — сказал Робинзон. — Клянусь.

Но капитаны так и не услышали, чем же хотел по стародавней привычке поклясться Робинзон и для чего.

— Тс-сс... — резко перебил его Немо.

Из репродуктора «Полюса звуков» доносилась старинная пиратская песня под аккомпанемент мандолины.

Плыви дорогою удач,
Пока спокойно спит палач...
Хитрый бродяга Чарли!
Но помни — кончится игра
Одним ударом топора!..
Помни, бедняга Чарли!..

Капитаны, затаив дыхание, переглянулись...

«Прикрой дверь, Уильям...» — глухо прозвучал голос королевского корсара.

«Слушаю, дядя».

Со скрипом захлопнулась дверь.

«Ты выспался, Уильям?»

«Я спал как убитый после схватки с фрегатом его величества... потом меня доконал шторм».

«А мне не спится... Ночью я видел «Летучего голландца».

«Вам померещилось, дядя».

«Мне даже показалось, что его капитан ван Стратен, обреченный за свои грехи вечно плавать по

морям, помахал мне шляпой... Это не к добру, Уильям».

«Вы верите легендам?»

«Я привык считаться с фактами. За мной охотятся!.. Бриг разбит. Меня ожидает «Док казни» в Портсмуте. Мистер Кеч готовит петлю».

«Неужели это конец?.. И нет никакого выхода?..»

«Для меня — нет!..»

«Но ведь мы плавали вместе под «Веселым Роджером». И делили все по-родственному...»

«Все то было... Было! Но ведь ты, Уильям, не получал запечатанный приказ от первого лорда Адмиралтейства... Ты не был «королевским корсаром»; а просто вторым помощником на «Юникорне»... У тебя, мальчик, все впереди!..»

«Вы хотите передать мне командование бригом? Но ведь я так молод...»

«И отлично! Слушай меня внимательно. Наступают новые времена. Прежде всего тебе придется хорошенько промыть мозги и сменить костюм. Ты наденешь фрак, крахмальную рубашку и цилиндр! Мне бы хотелось видеть тебя настоящим джентльменом удачи — не на шаткой палубе пиратского брига, а на бирже! Ты будешь следить не за курсом корабля, а за биржевыми курсами. У тебя должны быть свои ребята в банках. Свои парни в полиции. А чтобы ты не забывал, как нужно действовать, носи в кармане черный носовой платок — память о нашем «Веселом Роджере». Ты меня понял?»

«Да».

«Я патриот, Уильям. Ты завернешь мое тело в «Юнион Джек», потом зашей меня в парус, привяжи к ногам малый якорь и опусти в океан».

«Дядя...»

«Я приказываю. Это моя последняя воля. Золото, драгоценности в этом сундуке. Вот тебе ключи. А теперь прощай. Оставь меня одного».

«Слушаю, дядя. Прощайте».

Тихо стукнула дверь. И гулко прозвучал пистолетный выстрел...

В салоне наступила тишина. Ее прервал Лемюэль Гулливер:

— Вот, оказывается, как закончил свои расчеты с жизнью «черный пират» Барбер.

— Но старик глядел далеко вперед, — задумчиво произнес Артур Грэй. — То, что сорвалось с крючка королевского корсара, подцепили американские дельцы... В тысяча восемьсот шестьдесят седьмом году продажные царские сановники уступили Аляску с прилегающими островами за семь миллионов двести тысяч долларов...

— А какова территория Аляски? — удивился Робинзон Крузо.

— Один миллион пятьсот девятнадцать тысяч квадратных километров! Почти в три раза больше Франции! Подумать только, менее пяти долларов за квадратный километр богатейшей земли!.. Великолепный бизнес! Редчайший в истории!

— Где же окончил свои дни правитель Русской Америки Александр Баранов? — спросил Дик, делая пометки в вахтенном журнале.

— В Тихом океане, — сказал капитан корвета. — Неподалеку от острова Принцев. Баранов заболел в Батавии на острове Ява. А скончался на борту корабля «Кутузов» 16 апреля 1819 года. Тело его было погребено в океане. Когда Александр Сергеевич Пушкин узнал о смерти Баранова, он записал в своем дневнике: «Баранов умер. Жаль честного гражданина, умного человека».

Откуда-то, по-видимому из корабельного трюма, раздался крик петуха. В этом не было ничего удивительного, так как на кораблях часто возили живую птицу для повседневных потребностей камбуза. Но сам по себе крик петуха имел для капитанов значение сигнала к возвращению на книжные полки.

— Тревога, любезные друзья! — воскликнул Лемюэль Гулливер, быстро поднимаясь из глубокого кресла.

— Свистать всех наверх! — скомандовал капитан корвета «Коршун». Боцман немедленно ответил залиистой трелью своей дудки.

Зеленый огонь вспыхнул по правому борту, красный — на левом борту и белый — на грот-мачте, осветившей горизонт прямо по носу и вправо и влево от него на десять румбов.

В снастях свистел норд-ост... Паруса, словно крылья, стремительно уносили корвет «Коршун» к родным берегам... к пирсу любимой библиотеки...

Шум ветра затихал вдали...

Шелестели страницы в кают-компании клуба.

— По книжным полкам, друзья, — раздался знакомый голос Робинзона Крузо. — И, как говорится в романах, — продолжение следует...

Из феерии Александра Грина «Алые паруса» выглянул Артур Грэй. Приветливо помахав шляпой, капитан галиота «Секрет» захлопнул за собой бирюзовый переплет и скрылся в Зурбагане, а возможно, и в Лиссе...

Задорно и весело прокричал петух — вестник солнечного восхода.

В школьной библиотеке воцарилась тишина и покой. Мирно тикали стенные часы. Первые лучи солнца золотили книжные корешки...

На столе около глобуса заблестел старинный канделябр с оплывшими свечами, забытый пятнадцатилетним капитаном...

Казалось бы, это незначительное обстоятельство не должно было иметь особых последствий. Но, судите сами, бронзовый матрос со светильниками над головой на столе у Марии Петровны... Впрочем, обо всем дальнейшем вы узнаете из девятой клеенчатой тетради Клуба знаменитых капитанов.

ТЕЛЕГРАММА-МОЛНИЯ
МОСКВА КРАСНОАРМЕЙСКАЯ 29 КВАРТИРА 59
СЕРГЕЮ БЕРЕЗОВУ

ВЫЕЗЖАЕМ УЧАСТИЯ ПОИСКОВ ОСТАЛЬНЫХ КЛЕ-
ЕНЧАТЫХ ТЕТРАДЕЙ КЛУБА ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТА-
НОВ ТЧК ВСТРЕЧАЙ ДЕВЯТНАДЦАТОГО ЭКСПРЕСС
АПРОРА ЗПТ ВАГОН ВОСЕМЬ ТЧК ПРИВЕТОМ ТЕТИ
СИМА ВАСИЛИЙ ВУЛЬКА

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Сегодня с нами уже нет любимых и уважаемых создателей «Клуба знаменитых капитанов», на увлекательных и полных доброго юмора рассказах которых воспитывались родители, дедушки и бабушки нынешних сорванцов. Такие книги, полные приключений, выдумки, фантазии, не могут не захватывать. Думается, мало кто из мальчиков и девочек наших дней не захочет прокатиться в почтовом дилижансе, подняться на воздушном шаре в компании героев, любимых с детства, — с капитаном Немо, Робинзоном Крузо, капитаном Гаттерасом, пятнадцатилетним капитаном Диком Сэндом, выдумщиком Тартареном из Тараскона и узнать кучу занимательных подробностей о жизни писателей, благодаря таланту которых родились знаменитые капитаны.

Больше двадцати лет назад появилась книга «Клуб знаменитых капитанов». За прошедшие десятилетия в России произошли события, которые изменили не только нашу жизнь и людей, но и наш язык. Поэтому, когда издательство приступило к подготовке книги В. Крепса и К. Минца к переизданию, редакторы заметили некоторые неточности как в написании отдельных слов и речевых оборотов, так и в некоторых географических названиях. Однако издательство решило выпустить книгу такой, какой сделали ее авторы для издания 1977 года (М., «Советская Россия»).

К79

Крепс В.М., Минц К.Б.

Клуб знаменитых капитанов. — М.: ЗАО Изд-во
Центрполиграф, 1997. — 344 с.

ISBN 5-218-00349-2

Артур Грэй, барон Мюнхгаузен, капитан Немо, Робинзон Крузо, Гулливер — что может объединять столь непохожих литературных героев, пришедших в жизнь любознательных подростков из самых разных стран и эпох? Конечно же Клуб знаменитых капитанов. Одноименная радиопередача была сверхпопулярна в свое время. Познавательная и увлекательная, эта книга — прекрасный подарок детям.

ББК 84.7Р

**Владимир Михайлович
Крепс
Климентий Борисович
Минц**

КЛУБ ЗНАМЕНИТЫХ КАПИТАНОВ

Редактор В.Ф. Турбина
Художественный редактор А.И. Моисеев
Технический редактор В.Ф. Нефедова

Изд. лиц. ЛР № 065372 от 22.08.97 г.
Подписано к печати с готовых диапозитивов 1.10.97.
Формат 84×108¹/₃₂. Бумага газетная. Гарнитура «Таймс».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 18,48. Уч.-изд. л. 15,01.
Тираж 10 000 экз. Заказ № 2388

ЗАО «Издательство «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
ГИПП «Нижполиграф»
603006, Нижний Новгород, Варварская ул., 32

СЕРИЯ «МАСТЕРА ФЭНТЕЗИ»

Серия продолжит знакомить любителей этого многогранного жанра с его наиболее популярными и талантливыми образцами. Почитатели романов Т. Брукса встретятся с героями цикла «Летописи Шаннары» в романе «Первый король Шаннары». Выйдут заключительные тома грандиозной эпопеи Д. Эддингса «Маллореон», третья и четвертая книги тетралогии Д. Дункана «Избранники». Поклонников блестящего мастера приключенческой фэнтези Дж. Уайли обрадуют выход его новых романов «Лабиринт Теней» и «Владычица снов». Любители исторической фэнтези непременно должны познакомиться с творчеством восходящей звезды жанра Дж. Тарр в ее дилогии «Аламут» и «Кинжал и крест». Готовится к изданию трилогия П. Вольски «Жена чародея», «Наследник чародея» и «Проклятие чародея», созданная в лучших традициях эпической фэнтези, а также один из лучших ее романов — «Жребий Рилиана Кру».

Т.Брукс	«Меч Шаннары»
Т.Брукс	«Эльфийские камни»
Т.Брукс	«Песнь Шаннары»
Т.Брукс	«Потомки Шаннары»
Т.Брукс	«Друид Шаннары»
Т.Брукс	«Королева эльфов Шаннары»
Т.Брукс	«Талисманы Шаннары»
Т.Брукс	«Первый король Шаннары»
Д.Дункан	«Разящий клинок»
Д.Дункан	«Изгои»
Д.Дункан	«Поле брани»
Д.Дункан	«Живое божество»
Дж.Уайли	«Лабиринт Теней»
Д.Эддингс	«Часовые Запада»
Д.Эддингс	«Властелин мургов»
Д.Эддингс	«Повелитель демонов из Каранды»
Д.Эддингс	«Калдунья из Даршивы»
Д.Эддингс	«Келльская пророчица»
Дж.Уайли	«Владычица снов», кн. 1, кн. 2
П.Вольски	«Жребий Рилиана Кру»
П.Вольски	«Жена чародея»
П.Вольски	«Наследник чародея»
П.Вольски	«Проклятие чародея»

Твердый целлофанованный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 500–600 стр.
 Цена одной книги 15700–16200 рублей.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
 105275, Москва, а/я 55, «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

СЕРИЯ «КЛАССИЧЕСКАЯ БИБЛИОТЕКА ПРИКЛЮЧЕНИЙ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ» (РАМКА)

Приключения, фантастика, вестерн, детективы для юношества и взрослых.

Издательство продолжает выпуск книг полюбившейся нашему читателю серии. Кроме произведений Василия Головачева, признанного писателя-фантаста, читатель встретится с замечательными героями певца необозримых просторов Дикого Запада Луиса Ламура, познакомится с произведениями талантливого шотландского писателя Алистера Стюарта Маклина. В серии займут достойное место произведения выдающихся писателей-фантастов, патриорхов — Кира Булычева, Александра Казанцева, Юрия Тупицына, Александров и Сергея Абрамовых, а также писателей нового поколения.

В. Головачев

В. Головачев

В. Головачев

В. Головачев

В. Головачев

В. Головачев

В. Головачев

В. Головачев

В. Головачев

Л. Ламур

Л. Ламур

Л. Ламур

Л. Ламур

Ю. Тупицын

Ю. Тупицын

Ю. Тупицын

А. Маклин

А. Маклин

А. Казанцев

А. Казанцев

А. Казанцев

А. Казанцев

А. Казанцев

А. Казанцев

А. Адамов

А. Адамов

А. Адамов

А. Адамов

А. Адамов

А. Адамов

А. Адамов

С. Абрамов

А. Жаренов

А. Жаренов

Ю. Никитин

Ю. Никитин

П. Багряк

П. Багряк

А. и С. Голон

А. и С. Голон

А. и С. Голон

А. и С. Голон

О. Шмелев

В. Востоков

О. Шмелев

В. Востоков

«Черный человек» (кн. 1, кн. 2)

«Реликт» (том 1, том 2, том 3)

«Вирус тьмы»

«Утечка информации»

«Заповедник смерти»

«Смерш-2»

«Розборки третьего уровня»

«Перехватчик»

«Корректировщик»

«Ситка»

«Одинокое бати»

«Походный барабан»

«Чертова гора»

«С попутным ветром»

«Дальняя дорога»

«В дебрях Доль-Гей»

«Инопланетянин»

«Пушки крепости Навароне»

«Золотое рондеву»

«Сильнее времени»

«Фазы»

«Пылающий остров»

«Возвращение в грядущее»

«Спустя тысячелетие»

«Со многими неизвестными»

«След лисицы»

«Час ночи»

«Идет розыск»

«Злым ветром»

«Петля»

«Идет розыск»

«Канатоходцы»

«Кладоискатели»

«Парадокс великого Пта»

«Стоунхендж»

«Святой Грааль»

«Пять президентов»

«Фирма Приключений»

«Ангелика»

«Путь в Версаль»

«Ангелика и король»

«Неукротимая Ангелика»

«Ошибка резидента»

«Возвращение резидента»

Твердый переплет с золотым тиснением и цветной рамочкой, формат 135 x 210 мм, объем 400 стр.
Цена одной книги 16800 — 17900 руб.

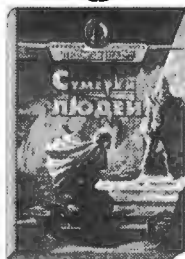
Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

105275, Москва, а/я 55, «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

СЕРИЯ «ОСИРИС»

Книга-почтой

По многочисленным просьбам любителей фантастики «Центрполиграф» возобновляет выпуск серии «Осирис», хорошо известной нашим читателям. В серии выходили лучшие романы английских и американских авторов, таких, как Р. Желязны, К. Саймак, Э. Гомилтон, Р. Хойнлайн. Продолжая лучшие традиции, «Центрполиграф» удивит читателей новыми изданиями произведений блестящих мастеров, корифеев мировой фантастики, таких, как Норман Спинрад, Деймон Найт, Томас Диш, Филип Дик, Бертран Чондлер и другие. Поклонники серьезной литературы найдут здесь жесткую психологическую прозу, любителям детектива придется по душе напряженные сюжеты, и, наконец, просто любители фантастики еще раз столкнутся с загадочными мирами, столь же сложными и непостижимыми, как и сама тайна мироздания.

М. Муркок «Бегство из сумерек»
Э. Маккефри «Ровено»
Ф. Дик «Мастер всея Галактики»
Ф. Дик «Лучший друг Бога»
М. Крайтон «Штамм Андромеды»

Д. Найт «Сумерки людей»
Д. Вэнс «Сага странствий»
Д. Найт «Билет куда угодно»
Н. Спинрад «Стольная мечта»

Твердый целлофанированный переплет, формат 145 x 200 мм, объем 500 стр.

Цена одной книги 15300—16200 руб.

СЕРИЯ «СТАЛЬНАЯ МЕЧТА»

«Стальная мечта» — это фантастика Нового Поколения. Любителям научно-фантастических боевиков, отличающихся не только лихо закрученным сюжетом, но и ярким стилем, адресована эта серия. В ее рамках выйдет в свет заключительный роман трилогии Дж. Эффинджера, одного из лучших авторов направления «киберпанк», «Поцелуй изгнания». Продолжается выпуск фантастических триллеров В. Шатнера из цикла «ТЭК». Выйдет приключенческая трилогия Маккефри «Космические пираты». Готовится к изданию трилогия Р. Фрезе «Русский батальон»; книга «Отряд «Омега» станет первой в цикле К. Якимца «Войны и мир».

Я. Бэнкс
Е. Ворон
Д. Холдеман
Д. Холдеман
Д. Холдеман
Дж. Эффинджер
Дж. Эффинджер
Дж. Эффинджер
Дж. Броснан
Дж. Броснан
Е. Ведемская
В. Шатнер
В. Шатнер
В. Шатнер
К. Якимец

«По ту сторону тьмы»
 «Ангелы-хранители работают без выходных»
 «Миры обетованные»
 «Миры запредельные»
 «Миры неукротимые»
 «Огонь на солнце»
 «Когда под ногами бездна»
 «Поцелуй изгнания»
 «Небесные Властелины»
 «Подение Небесных Властелинов»
 «Звездные Хранители»
 «Войны ТЭК»
 «Месть ТЭК»
 «Власть ТЭК»
 «Отряд «Омега»

Твердый целлофанированный переплет, формат 135 x 210 мм, объем 400 стр.

Цена одной книги 15300—15500 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:

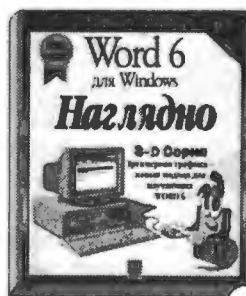
105275, Москва, о/я 55, «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

Книга-почтой

Детям и взрослым о компьютерах

Впервые на российском книжном рынке серия популярных американских иллюстрированных книг, обучающих работе на компьютере, на **русском языке** для детей и взрослых.

3-D Серия

- Это наглядные красочные книги!
- Это цветные иллюстрации в трехмерной компьютерной графике на каждой странице!
- Это доступный язык и понятные примеры!

Листай! Изучай! Работай!

Далее в серии планируются:

«Компьютер. Наглядно», «Еще о Windows 95. Наглядно», «Интернет. Наглядно», «WWW Цветные страницы. Наглядно», «Word Perfect 6.1 для Windows. Наглядно», «Netscape 2. Наглядно», «Office 97. Наглядно», «Word 97. Наглядно» и другие.

Издательство с благодарностью примет пожелания о порядке выпуска новых книг серии.

Овладеть компьютером легче с нашими книгами!

Мягкий лакированный переплет, формат 215 x 254 мм, —

объем 220 — 300 стр.

Цена одного тома 45000 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
105275, Москва, а/я 55, «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

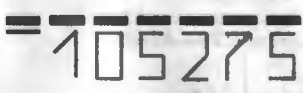
Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать 2—3 новые книги в месяц выбранной серии.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

105275, Москва, а/я 55, «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		
г. Москва, а/я 55		
Куда _____		

Кому _____	«ЦЕНТРПОЛИГРАФ»	

 Полните индекс предоплатной связи местом назначения		Индекс предоплатной связи _____
		и адрес отправителя _____

<small>Мин. связи России. Издательство «Москва», 1992. З 105070. ЛП(Ф) Газмана 11.06.92</small>		

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Указанные цены включают все почтовые расходы по пересылке книг наземным транспортом, за исключением 10% от суммы наложенного платежа, которые взимаются на почте при получении заказа.

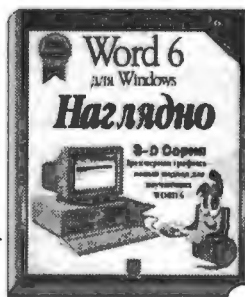
Авиатарифы в цену не включены, но они увеличивают стоимость каждой книги на сумму от 5 до 20 тыс. рублей.

Книга-почтой

Детям и взрослым о компьютерах

Впервые на российском книжном рынке серия популярных американских иллюстрированных книг, обучающих работе на компьютере, на **русском языке** для детей и взрослых.

3-D Серия

- Это наглядные красочные книги!
- Это цветные иллюстрации в трехмерной компьютерной графике на каждой странице!
- Это доступный язык и понятные примеры!

Листай! Изучай! Работай!

Далее в серии планируются:

«Компьютер. Наглядно», «Еще о Windows 95. Наглядно», «Интернет. Наглядно», «WWW Цветные страницы. Наглядно», «Word Perfect 6.1 для Windows. Наглядно», «Netscape 2. Наглядно», «Office 97. Наглядно», «Word 97. Наглядно» и другие.

Издательство с благодарностью примет пожелания о порядке выпуска новых книг серии.

Овладеть компьютером легче с нашими книгами!

Мягкий лакированный переплет, формат 215 x 254 мм, —

объем 220 — 300 стр.

Цена одного тома 45000 руб.

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой». Для этого отправьте заказ по адресу:
105275, Москва, а/я 55, «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

ЦЕНТРПОЛИГРАФ

Книга-почтой

Если Вы желаете приобрести книги издательства «Центрполиграф» без торговой наценки, то можете воспользоваться услугами отдела «Книга-почтой»

Все книги будут рассылаться наложенным платежом без предварительной оплаты. Заказы принимаются на отдельные книги, а также на целые серии, выпускаемые нашим издательством. В последнем случае Вы будете регулярно получать 2—3 новые книги в месяц выбранной серии.

Для этого Вам нужно только заполнить почтовую карточку по образцу и отправить по адресу:

105275, Москва, а/я 55, «ЦЕНТРПОЛИГРАФ»

ПОЧТОВАЯ КАРТОЧКА		 РОССИЯ
г. Москва, а/я 55		
Куда		
Кому	«ЦЕНТРПОЛИГРАФ»	
 105275	Индекс предприятия связи и адрес отправителя	
Пожалуйста индекс предприятия связи не оставлять		
Мин. связи России. Малотираж «Москва», 1992. З. 105070. ППФ Газета 11.55 п		

На обратной стороне открытки необходимо указать, какую книгу Вы хотели бы получить или на какую из серий хотели бы подписаться. Укажите также требуемое количество экземпляров каждого названия.

МЫ РАДЫ ВАШИМ ЗАКАЗАМ!

Указанные цены включают все почтовые расходы по пересылке книг наземным транспортом, за исключением 10% от суммы наложенного платежа, которые взимаются на почте при получении заказа.

Авиатарифы в цену не включены, но они увеличивают стоимость каждой книги на сумму от 5 до 20 тыс. рублей.

Для Вас, поклонники издательства «Центрполиграф»!

ОТКРЫТЫ МАГАЗИНЫ-КЛУБЫ

К Вашим услугам свыше 200 наименований самых свежих книг издательства. Широко представлены: классика зарубежного и российского детектива, исторические и любовные романы, научная фантастика, фантастические боевики, романы в жанре фэнтези, приключения, вестерны, детективы для детей и юношества, книги о собаках в сериях: «Мастера», «Мастера остросюжетного романа», «Мастера остросюжетного детектива», «Русский триллер», «Мастера исторического романа», «Осирик», «Викчестер. Лучшие вестерны», «Библиотека французского детектива», «Стальная мечта», «Мастера фэнтези», «Библиотека американского клуба собаководства», «Классическая библиотека приключений и научной фантастики» (Рамка), «Маскарад».

Полные собрания сочинений признанных мастеров российской и зарубежной остросюжетной прозы: *Василия Головачева, Дж. Хедли Чейза, Рекса Стаута, Эрла Стенли Гарднера, Яна Флеминга, Картера Брауна, Луиса Ламура, Буало-Нарсежака* и так далее — серийные книги издательства.

ТОЛЬКО В КЛУБЕ:

- встречи книголюбов с авторами, переводчиками, редакторами, художниками;
- презентации книг «Центрполиграфа» и других издательств;
- читательские конференции;
- творческие дискуссии;
- обмен мнениями.

Клуб — это место, где Вас ждет удивительный праздник — праздник книги.

КЛУБ — это книги из рук издательства, а значит, низкие цены.

Звоните и приезжайте!

Вас ждут по адресам:

1) Москва, ул. Октябрьская, дом 18;
тел. 284-49-89, тел./факс 284-49-68

Рижская
Проезд: м. Рижская, тролл.
18, 42, авт. 84 до ост.
«Марьинский универмаг»
м. Савеловская, авт. 84 до
ост. «Марьинский
универмаг».

2) Москва, ул. Щербаковская, дом 40/42; тел. 365-58-28

Проезд: м. Семеновская,
далее на любом трамвае до
остановки «ул. Ибрагимова»
(1 ост.).

65

60

55

70

65

60

55

ЦЕНТРОЛИГРАФ®